

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Филология. Журналистика

2021

Том 21

Выпуск 1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Николаенко А. В.** Некоторые подходы к изучению семантики предлога *à* (французский язык) 4
- Сюй Лили.** Концепт *упорство* в русском языковом сознании: моделирование содержания и структуры 9
- Нечаева К. К., Махортова В. А.** Поэтическая картина мира Софии де Мелло: когнитивная стратегия и организующие принципы 14
- Волков В. В.** Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования 20
- Kirichenko N. R., Gurin V. B., Novolodskaya N. S.** Discourse on immigration in the USA: A comparative analysis of president' Donald Trump's speeches and articles in two American newspapers [Кириченко Н. Р., Гурин В. В., Новолодская Н. С. Дискурс иммиграции в США: сравнительный анализ речей президента Дональда Трампа и статей двух американских газет] 25
- Родина Н. А.** Индивидуальное прозвище в России: современное понимание 32
- Гончарюк Н. Л.** К вопросу о фразеологическом составе островных немецких говоров 37
- Артемьева П. С.** Предрассудок как прецедентный феномен: роль сложных образов в условиях диалога культур (на материале поликультурного художественного текста) 41
- Богинская А. П.** О передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов «Евгения Онегина») 51
- Мозгачева Е. А.** Перевод фольклорных и мифологических наименований при моделировании волшебной картины мира в произведениях фэнтези (на материале серии романов Д. К. Роулинг «Гарри Поттер» и их переводов на русский язык) 58
- Антонова Н. А.** Экстралингвистические факторы и внутриязыковая специфика преподавания русского языка как иностранного в группах обучающихся из Лаоса 63

Литературоведение

- Миц Б. А.** «Степные» мотивы в лирике О. Мандельштама: специфика художественного пространства 68
- Шестакова Е. Ю.** Образ дома как ценностное измерение в художественной картине мира (на материале романа И. С. Шмелева «Лето Господне») 75
- Лян В.** Персонажи, стоящие вне оппозиции «свой – чужой» в пьесах М. А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» 80
- Семенченко Ю. И.** Жанровый эксперимент «Никчемных текстов» С. Беккета 85
- Алтынбаева Г. М.** Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаясь в Чехова») 90
- Салинкина М. С.** Иосиф Бродский: от трагического к возвышенному («Письмо в бутылке» и «Новый Жюль Верн») 94
- Ляпин И. В.** Композиционные и жанровые особенности сборника рассказов Р. Карвера «Собор» 98

Проблемы высшей школы

- Петрова О. Л.** Синтаксис текста как фактор формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов 103

Критика и библиография

Представляем книгу

- Костин В. М.** Труд, духовность, мужество 108
- Щедрина Н. М.** «Принцип абсолютного сомнения» в творчестве Марка Алданова 111

Приложения

Хроника

- Прозоров В. В.** Памяти Бориса Фёдоровича Егорова 114
- Елина Е. Г.** Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы 116
- Герасимова Л. Е.** «...Книги и подписи существуют!» 121

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубликова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубликова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.03.21.

Подписано в свет 31.03.21.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 20-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2021

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы, адрес (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru), телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода в свет номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Nikolaenko A. V.** Some approaches to the study of the semantics of the French preposition *à* 4
- Xu Lili.** Modeling the content and structure of the concept *persistence* in the Russian language consciousness 9
- Nechaeva K. K., Makhortova V. A.** The poetic picture of the world of Sophia de Mello: Cognitive strategy and organizing principles 14
- Volkov V. V.** The term and concept of 'media': The aspects of hermeneutics of research 20
- Kirichenko N. R., Gurin V. B., Novolodskaya N. S.** Discourse on immigration in the USA: A comparative analysis of president Donald Trump's speeches and articles in two American newspapers 25
- Rodina N. A.** An Individual nickname in Russia: Modern understanding 32
- Goncharyuk N. L.** To the issue of the phraseological stock of insular German dialects 37
- Artemieva P. S.** A Superstition as a precedent phenomenon: The role of complex images in the context of the dialogue of cultures (Based on a multicultural literary text) 41
- Boginskaya A. P.** On rendering formally selected fragments in translation (On the material of French translations of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin*) 51
- Mozgacheva E. A.** The translation of folklore and mythic names in magic worldview modelling in fantasy literature (Based on J. K. Rowling's series of novels *Harry Potter* and their translations into Russian) 58
- Antonova N. A.** Extra-linguistic factors and intra-lingual specific features of teaching Russian as a foreign language in groups of students from Laos 63

Literary Criticism

- Mints B. A.** 'Steppe' motifs in the lyrical poetry of O. Mandelstam: Characteristic aspects of the art space 68
- Shestakova E. Yu.** The Image of a house as a value dimension in the artistic picture of the world (Based on the novel *Summer of the Lord* by I. S. Shmelev) 75
- Liang W.** Characters outside the opposition 'one's own – other's' in Bulgakov's plays of the 1920s: *Days of the Turbins*, *Zoyka's Apartment* and *Flight* 80
- Semenchenko Yu. I.** Genre experiment of Samuel Beckett's *Nouvelles et textes pour rien* 85
- Altynbaeva G. M.** The dialogue with the classic writer as A. I. Solzhenitsyn's metapoetic principle (*Immersing into Chekhov*) 90
- Salinkina M. S.** Joseph Brodsky: From the tragic to the sublime (*The Letter in a Bottle* and *The New Jules Verne*) 94
- Lyapin I. V.** Compositional and genre features of Raymond Carver's short story collection *Cathedral* 98

Higher School Problems

- Petrova O. L.** Text syntax as a factor in fostering communicative competence of non-linguistic university students 103

Presentation of the Book

- Kostin V. M.** Labour, spirituality, courage 108
- Shchedrina N. M.** The 'Principle of absolute doubt' in Mark Aldanov's oeuvre 111

Appendices

Chronicle

- Prozorov V. V.** A Tribute to Boris Fedorovich Egorov 114
- Elina E. G.** The memoirs of B. F. Egorov: Principles of the genre 116
- Gerasimova L. E.** «...Books and signatures exist!!» 121

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

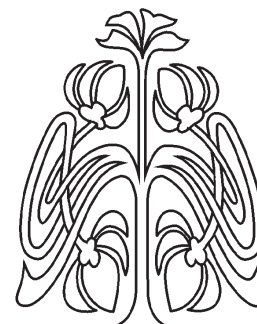
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

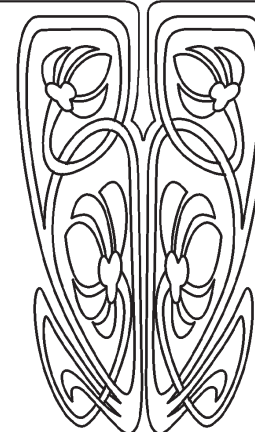
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaevev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
<u>Boris F. Egorov</u> (St. Petersburg, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Vasily T. Klokov (Saratov, Russia)	Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–8

Научная статья

УДК 811.133.1*367.633'37

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8>

Некоторые подходы к изучению семантики предлога à (французский язык)

А. В. Николаенко

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Николаенко Анастасия Викторовна, аспирант кафедры французского языка, anvitsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-4917>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые подходы к изучению семантики французского предлога à, особенно подходы к изучению пространственного значения. В качестве теоретической базы были выбраны и проанализированы исследования ведущих французских лингвистов, в центре внимания которых находится семантика предлогов, в том числе и предлога à (когнитивный подход).

Ключевые слова: французский язык, предлог, пространственная локализация, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Николаенко А. В. Некоторые подходы к изучению семантики предлога à (французский язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8>

Some approaches to the study of the semantics of the French preposition à

Anastasia V. Nikolaenko, anvitsa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1133-4917>

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

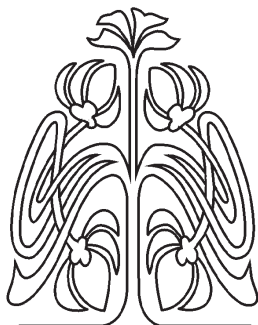
Abstract. The article examines some approaches to the semantics of the French preposition à, more specifically its spatial meaning. The researches of the main French linguists which focus on the semantics of the prepositions, including the preposition à, were analysed as a theoretical basis (cognitive approach).

Keywords: French language, preposition, spatial localization, cognitive linguistics

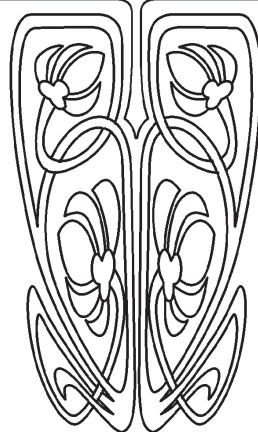
For citation: Nikolaenko A. V. Some approaches to the study of the semantics of the French preposition à. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Изучению семантики предлога à посвящено достаточно большое количество работ в зарубежной лингвистике XX и XXI вв. Так, например, в 50–70-е гг. XX в. этот вопрос интересовал Г. Гийома¹. В 80–90-е гг. семантике предлога à посвятили свои исследования такие ученые,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

как К. Ванделуаз (С. Vandeloise «La préposition à et le principe d'anticipation»² и «L'espace en français. Sémantique des prépositions spatiales»³), П. Кадио (Р. Cadiot «De et deux de ses concurrents: avec et à»⁴ и «Les prépositions abstraites du français»⁵), Е. Спанг-Ханссен⁶ и др. В начале XXI в. предлог à оказался в центре внимания К. Марк-Пюшо⁷, А. Борийо⁸, Е. Кац⁹, Б. Фагари др.¹⁰

Одни исследователи считают, что предлог относится к классу слов, лишенных семантического значения (Ж. Вандриес¹¹, Ж. Червони¹², П. Кадио¹³), другие же настаивают на обратном (например, К. Ванделуаз¹⁴, Д. Лор¹⁵). Так, Ж. Вандриес¹⁶ называет предлог à «пустым» («vide»), по мнению же К. де Боэра¹⁷, предлог à следует отнести к категории «раздробленных» («écrasées»), для А. Сеше¹⁸ предлог à является «слабым» («faible»), для Е. Спанг-Хансен (Spang-Hanssen Е. «De la structure des syntagmes à celle de l'espace»¹⁹ и «Les prépositions incolores du français moderne»²⁰) – «бесцветным» («icologe»), для П. Кадио²¹ – «абстрактным» («abstrait»). Такие ученые, как Ж. Дамуретт и Э. Пишон²², А. Блиндерберг²³, Ж.-Р. Верно²⁴, Э. Уо²⁵, М. Эрслуг²⁶, А. Абейе²⁷ и другие, опираются на положение о том, что морфологические и синтаксические особенности предлога à не являются однородными и отличаются от особенностей других предлогов, и высказывают мнение относительно предлога à как о единице, которая не является предлогом. Отсутствие однозначного определения предлога à и объясняется большим количеством разных мнений относительно его семантики. Рассмотрим подробнее некоторые из существующих точек зрения по данному вопросу, но для начала обратимся к истории появления предлога à и его семантического развития.

Семантика предлога à восходит к латинским пространственным предлогам *ad*, *ab* и *apud*, каждый из которых имел свое значение. Так, предлог *ad* обозначал направление движения к точке, и именно это значение лежит в основе современного пространственного предлога à, который находится в центре внимания данного исследования; значение предлога *ab* указывало на движение из точки, что соответствует современному французскому предлогу *de*; предлог *apud* служил для обозначения сопровождения (современный предлог *avec*). Со временем, в ходе эволюции языка, предлоги *ad*, *ab* и *apud* были вытеснены предлогом *a*, который в XVI в. приобрел диакритический знак²⁸.

Если обратиться к лексикографическим определениям, то в описании семантики предлога à принято выделять такие значения, как *принадлежность* (*appartenance*) *Cette voiture est à qui?* (Чья эта машина?); *назначение* (*attribution*) *Je donne ce livre à Marie* (Я даю эту книгу Мари), *une cuillère à café* (кофейная ложка); *способ действия* (*manière*) *Il parle à voix basse* (Он говорит тихим голосом); *цена* (*prix*) *Une robe à 50 euros*

(Платье за 50 евро); *локализация* (*localisation*) *Je suis à Paris* (Я в Париже); *направление движения* (*destination*) *Je vais à Paris* (Я еду в Париж); *время* (*heure*) *J'arrive à six heures* (Я приезжаю в шесть часов). Однако помимо перечисленных можно обнаружить и некоторые противоречия в описании семантики предлога à. Так, предлог à указывает на *источник* (*source*) (*ex., puiser de l'eau à la fontaine* (черпать воду из фонтана)) и *цель* (*but*) (*ex., aller à Paris* (ехать в Париж))²⁹. Общее значение предлога à в современном французском языке сводится к значению локализации предмета в каком-то месте, как специфическом, так и неспецифическом. Например, в предложении *Elle va à l'université* (Она идет в университет) область пространства понимается двояко: как место, имеющее отношение к получению высшего образования, так и место работы. В примере *Elle est à la fenêtre* (Она стоит у окна) сообщается либо о том, что объект (*X*) находится в области пространства *Y* – *fenêtre*, либо о том, что нахождение *X* функционально связано с *Y*, так как *X* находится в данной точке для того, чтобы смотреть в окно (локализация предусматривает наличие или отсутствие действия со стороны *X*). Е. Кац, рассматривая область пространства *fenêtre*, приходит к выводу о том, что знаменательные слова (*Y*) обозначают предметы, являющиеся не совсем пространственными либо представляющие собой тип незакрытого пространства. Например, *fenêtre* вводит предикат, обозначающий не только место, но и деятельность. *Etre à la fenêtre* – для человека это означает «стоять рядом/возле окна», а также «смотреть (при этом) в окно»³⁰.

В своей работе «La couleur des prépositions à et de» К. Марк-Пюшо дает следующее определение предлогу à: «Предлог à указывает на положение какого-либо объекта по отношению к другому объекту или по отношению к процессу (состояние, событие, деятельность и т. д.), первый объект (*entité*) служит чаще всего отправной точкой, а второй объект (*entité*) – конечной точкой (при этом устанавливаются отношения в динамике)»³¹.

Е. Кац определяет предлог à как представляющий собой *точечное пространство* (*espace ponctuel*) и считает, что предлог соотносит данное точечное пространство по отношению к другим внешним пространствам³². По мнению исследователя, предлог à также указывает и на открытый характер локализуемого объекта пространства, например, в выражении *être à l'université* (находиться в университете) релятиву *université* следует воспринимать как *открытое* именно благодаря предлогу à.

Кроме того, как считает Е. Кац, выражение *être à l'université* может нести двойной смысл, например:

1) *Où est Philippe ? – Il est à l'université* (Где Филипп? – Он в университете);

2) *Que fait Philippe ? – Il est à l'université* (Что делает Филипп? – Он в университете).

В первом случае это значение специфическое и пространственное, а во втором – неспецифическое и функциональное. В первом примере речь идет только о пространственном нахождении X в области пространства *université*, а во втором примере под функциональностью и объекта и пространства следует понимать ситуацию, в которой функциональное нахождение X в Y социально обусловлено, т. е. Y – *université* является для X функциональным пространством, в котором X – *Philippe* – это *студент, который учится в университете* (*étudiant qui fait ses études à l'université*), следовательно, X следует воспринимать как объект, принадлежащий к социальной группе (классу) студентов³³.

Предлог *à*, в отличие от предлогов *dans*, *sous*, *devant*, *à travers* и т. д., считается более абстрактным, и именно высокий уровень его абстрактности способствует появлению большого количества контекстов, в построении которых участвует предлог *à*. Несмотря на преобладание абстрактного значения в семантике предлога *à*, П. Кадио³⁴ категорически отвергает идею считать его исключительно как грамматически вспомогательное слово, лишенное смысла. Свою точку зрения П. Кадио объясняет, опираясь на терминологию Г. Гийома и приводя в качестве примеров понятия «афферентность», или присоединение (*afférence*), и «приближение» (*approche*) в описании пространственных отношений. По мнению П. Кадио, предлог *à* участвует в формировании двух типов пространственных отношений: динамических (направление движения по отношению к области пространства, например *venir à Londres*) и статических (месторасположение в области пространства, например *être à Paris*). К. Ванделуаз формулирует два правила употребления предлога *à* и тем самым противопоставляет свое видение семантики предлога мнению П. Кадио, в частности, относительно отсутствия в семантике предлога *à* значения динамичности. К. Ванделуаз не различает в предлоге статическое и динамическое значения, т. е. значения *нахождение в пространстве* и *направление движения в пространство*. В обоих случаях он отмечает значение размещения в пространстве (*la fonction localisatrice*). Например, *Hélène est à la cabane* (Элен находится в хижине) и *Hélène va à la cabane* (Элен идет в хижину). И в том и в другом случае предлог *à* проявляет себя как локализатор объекта в пространстве. К. Ванделуаз указывает еще на одну особенность предлога *à*, а именно способность размещать предмет в области пространства с учетом геометрических особенностей Y , где находится X в непосредственном контакте с Y , либо предлог размещает X в области пространства Y , которое может вместить несколько объектов. Например, фраза *Marc est au rocher* (Марк на скале) может быть понята двоя-

ко. Так, Марк может стоять на скале и, соответственно, находиться в контакте с Y , и Марк может стоять на периферии Y , т. е. в прилегающем к скале пространстве (контакт отсутствует)³⁵.

По мнению К. Ванделуаза, семантика предлога *à* может быть описана не с точки зрения синтаксиса, а с точки зрения когнитивной лингвистики (Vandeloise C. «La préposition à et le principe d'anticipation»³⁶. «L'espace en français: Sémantique des prépositions spatiales»³⁷, «Les frontières entre la préposition sur et à»³⁸). Бельгийский ученый предлагает исследовать семантику предлога *à* функционально, выделяя две его важные функции: первая заключается в физическом расположении объекта в области пространства, а вторая функция – в понятийном размещении объекта в пространстве. Например:

– a находится в точке b , если b размещает a (a est à b , si b localise à), например, *Paul est au garage* (Поль в гараже);

– a находится в точке b , если a и b пространственно вовлечены в «социальную рутину» (a est à b si a et b sont associés spatialement dans une routine sociale), например, *Paul est à l'école* (Поль в школе)³⁹.

Прежде всего, предлог *à* служит для «абсолютной» локализации X (объекта a) по отношению к Y (b). Это значит, что область пространства (Y) концептуализируется независимо от конфигурационных, геометрических, особенностей, присущих данному типу пространства. Тип пространства (будь то одномерное, двухмерное или трехмерное пространство) не играет главной роли при локализации объекта с помощью предлога *à*, так как Y воспринимается в данном случае как целое, не имеющее формы и размера, как ориентир и концептуализируется как нечто, служащее в качестве абсолютного ориентира относительно другой целостности (X). Функциональный характер предлога *à* ставит на второй план геометрические особенности той целостности, которую вводит предлог и которая служит ориентиром. При этом локализация носит характер независимой от любых топологических отношений, либо это расположение внутри области пространства, либо эти отношения предполагают наличие контакта между объектом и областью пространства.

В примерах *Amélie rentre à la maison* (Амели возвращается домой) и *Léo rentre à l'école* (Лео возвращается в школу) К. Ванделуаз обращает внимание на особое употребление предлога *à* в конструкциях, где Y (область пространства) ассоциируется не с физическим пространством, а с понятийным, с «социальным контекстом» (или, по К. Ванделуазу, с «социальной рутинной»), т. е. с тем контекстом, который сопровождает объект ежедневно и является частью его жизни. Например, в предложении *Amélie rentre à la maison* речь идет о девушке, которая вернулась в дом, где она живет и где она про-

должит вести свое хозяйство. В другом предложении (*Léo rentre à l'école*) предлог à позволяет интерпретировать ситуацию следующим образом: Лео находится в том возрасте, который позволяет ему пойти в школу и учиться, получить образование, предоставляемое Национальным образованием Франции; либо речь идет о начале учебного года, и Лео вернулся в школу, чтобы снова приступить к занятиям (см. работы К. Ванделуаза «Les frontières entre la préposition sur et à»⁴⁰, «La préposition à et le principe d'anticipation»⁴¹, «Les usages spatiaux statiques de la préposition à»⁴²).

К. Марк-Пюшо в статье «La couleur des prépositions à et de»⁴³ вслед за П. Кадио рассматривает два прототипических значения предлога à: 1) первое значение, динамическое, предполагает направление движения (объекта или сообщения) субъекта по отношению к объекту, либо движение от одного объекта к другому; 2) второе значение, статичное, ассоциируется с предикатами временной и пространственной локализации (например, с глаголом *être*). Тем не менее, даже в этом случае в конструкции, где используется глагол *être à + déterminatif + N*, где *N* имеет отношение к материальной целостности или месту, предпочтение отдается событийной интерпретации, например, *John est le président des Etats-Unis, et son frère est au Sénat (=est sénateur)*, А. Борийо⁴⁴ отмечает возможное взаимодействие между местом и ассоциативной функцией, как *être à la poubelle (находиться в мусорном ведре)* в значении *être évacué (очистить от мусора, выбросить мусор)*, *être à la fenêtre (стоять у окна)* в значении *regarder dehors (смотреть на улицу)* и т. д., в результате чего *lieu (место)* теряет свое референтное значение.

Семантика предлога à в работе Е. Кац «Systématique de la triade spaciale à, en, dans» рассматривается с точки зрения оппозиции специфичности / неспецифичности управления и конкретности / неконкретности⁴⁵. Автор анализирует запрещения, которые возникают между детерминативами и предлогами:

A: *être à l'université – être*à université*

être à* le quai – être à quai

En: *être en *l'usine – être en usine*

Dans: *être dans l'université – *université.*

Предлог à может употребляться как с детерминативом, так и без него (*être à l'université, être à quai*). Здесь возникает ситуация, которая зависит от семантики аргумента предлога и от того, что аргумент используется с детерминативом (тогда это специфичность ситуации или нет): *être à quai* – неспецифическая ситуация, как и *être en prison*, а *dans la (une, cette) prison* – специфическая ситуация. На основании проведенного анализа автор делает следующий вывод: если неспецифическая ситуация вызвана аргументом с семой «одушевленность и человек», то мы оказываемся в ситуации с се-

мантикой «социальная функция» аргумента, например, *être à l'université*: если аргументом является «студент», то это его социальная функция, а если «преподаватель», то это не так. В целом, ситуация полисемантическая, т. е. речь идет о конкретной и неконкретной ситуации, что и подтверждается контекстом.

В выражении *être à quai*, где детерминатив отсутствует, аргумент не специфичен, т. е. функция à без артикля вызывает не конкретность местонахождения, а абстрактность, поэтому с таким употреблением à без артикля на месте аргумента могут быть лишь определенные понятия, т. е. то, что может быть на пристани, на платформе и т. п.

Если же в такой ситуации появляются детерминативы, то существительные расширяют свой класс, т. е. любое понятие (существительное) может оказаться в данной конструкции:

Ср.: *le train/le bateau est à quai* и, с другой стороны,

*le lampadaire/*le controleur/*le passager est à quai

и *Le train est au quai № 5 le contrôleur/le passager est au quai № 5.*

Таким образом, понятийное поле аргументов с артиклем (детерминативом), конкретизирующим аргумент (пространство), расширяет поле субъекта, который может располагаться в данном пространстве (аргументе), например любой человек или любой предмет.

В заключение можно отметить, что большое количество работ и разнообразие подходов к изучению семантики предлога à свидетельствуют о его неоднозначности. С одной стороны, ученые считают, что предлог à является абстрактным и лишенным смысла, с другой стороны, à – это конкретный предлог, наделенный значением пространственного расположения предмета в каком-то месте, а именно в точке (статичность), или значением направления движения в точку (динамика). Иными словами, лингвисты противопоставляют понятийное и пространственное значения предлога à. Однако даже описание пространственного значения предлога оказывается, по мнению некоторых лингвистов, не совсем однозначным и не сводится исключительно к пространственной локализации предмета в определенной области пространства, поскольку данное расположение сопряжено с такими различными факторами, влияющими на тот или иной процесс локализации, как, например, функциональность, специфичность/неспецифичность, конкретность/неконкретность и др. Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что изучение семантики предлога à по-прежнему остается актуальным, а богатый научный материал позволяет рассматривать семантику предлога с различных точек зрения и в разных контекстах и сформулировать его значение более полно.

Примечания

- 1 См.: *Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris : Hachette, 1919.
- 2 См.: *Vandeloise C.* La préposition à et le principe d'anticipation // *Langue française*. 1987. Vol. 76. P. 77–111. DOI: 10.3406/LFR.1987.4732
- 3 См.: *Vandeloise C.* L'espace en français : Sémantique des prépositions spatiales. Paris : Éd. du Seuil, 1986.
- 4 См.: *Cadiot P.* De et deux de ses concurrents : avec et à // *Langages*. 1993. Vol. 110 : La couleur des prépositions. P. 68–106.
- 5 См.: *Cadiot P.* Les prépositions abstraites du français. Paris : Armand Colin, 1997.
- 6 См.: *Spang-Hanssen E.* De la structure des syntagmes à celle de l'espace // *Langages*. 1993. Vol. 110 : La couleur des prépositions. P. 12–26.
- 7 См.: *Marque-Pucheu Ch.* La couleur des prépositions à et de // *Langue française*. 2008. Vol. 157, № 1. P. 74–105. DOI: 10.3406/lfr.2008.6737
- 8 См.: *Borillo A.* La détermination et la préposition de lieu à en français // *Linguisticae Investigationes Supplementa*. 2001. Vol. 23. P. 85–94.
- 9 См.: *Katz E.* Systématique de la triade spatiale à, en, dans // *Travaux de linguistique*. 2002. Vol. 44, № 1. P. 35–49.
- 10 См.: *Fagard B., Krawczak K.* Les prépositions à et de et la complémentation verbale // *Langages*. 2017. Vol. 206, № 2. P. 65–84. DOI: 10.3917/lang.206.0065
- 11 См.: *Vendryes J.* Le Langage. Paris : La Renaissance du Livre, 1921.
- 12 См.: *Cervoni J.* La préposition. Étude sémantique et pragmatique. Paris ; Louvain-la-Neuve : Duculot, 1991.
- 13 См.: *Cadiot P.* De et deux de ses concurrents : avec et à.
- 14 См.: *Vandeloise C.* La préposition à et le principe.
- 15 См.: *Laur D.* La relation entre le verbe et la préposition dans la sémantique du déplacement // *Langages*. 1993. Vol. 110 : La couleur des prépositions. P. 47–67.
- 16 См.: *Vendryes J.* Le Langage.
- 17 См.: *Boer C. de.* Essai sur la syntaxe moderne de la préposition en français et en italien. Paris : Champion, 1926.
- 18 См.: *Séchehay C.-A.* Essai sur la logique de la phrase. Paris : Champion, 1950.
- 19 См.: *Spang-Hanssen E.* De la structure des syntagmes à celle de l'espace.
- 20 См.: *Spang-Hanssen E.* Les prépositions incolores du français moderne. Copenhague : Gad, 1963.
- 21 См.: *Cadiot P.* Les prépositions abstraites du français.
- 22 См.: *Damourette J., Pichon E.* Essai de grammaire de la langue française : des mots à la pensée (1911–1927). T. 1. Paris : D'Artrey, 1911.
- 23 См.: *Blinkenberg A.* Le problème de la transitivité en français moderne : essai syntactico-sémantique. Copenhague : Munksgaard, 1960.
- 24 См.: *Vergnaud J.-R.* French Relative Clauses. PhD Thesis, MIT, 1974.
- 25 См.: *Huot H.* Constructions infinitives du français. Genève : Droz, 1981.
- 26 См.: *Herslund M.* Le datif en français. Louvain ; Paris : Peeters, 1988.
- 27 См.: *Abeillé A., Bonami O., Godard D., Tseng J.* The Syntax of French à and de: an HPSG analysis // *Saint-Dizier P.* (ed.) *Syntax and Semantics of Prepositions*. Text, Speech and Language Technology, vol. 29. Dordrecht : Springer, 2006. DOI: https://doi.org/10.1007/1-4020-3873-9_10
- 28 См.: *Dictionnaire historique de la langue française*. Paris : Dictionnaires Le Robert, 1992.
- 29 См.: *Le nouveau petit Robert : [édition 2003] : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2003 (impr. en Italie). 1 vol. (XXXVII-2949 p.).
- 30 См.: *Katz E.* Op. cit.
- 31 См.: *Marque-Pucheu Ch.* Op. cit. P. 75.
- 32 См.: *Katz E.* Op. cit.
- 33 Ibid.
- 34 См.: *Cadiot P.* Les prépositions abstraites du français.
- 35 См.: *Vandeloise C.* La préposition à et le principe d'anticipation.
- 36 Ibid.
- 37 См.: *Vandeloise C.* L'espace en français : Sémantique des prépositions spatiales.
- 38 См.: *Vandeloise C.* Les frontières entre la préposition sur et à // *Langue française*. 1987. Vol. 76. P. 159–184.
- 39 См.: *Vandeloise C.* Les usages spatiaux statiques de la préposition à // *Cahiers de lexicologie*. 1988. Vol. 53. P. 119–148.
- 40 См.: *Vandeloise C.* Les frontières entre la préposition sur et à.
- 41 См.: *Vandeloise C.* La préposition à et le principe d'anticipation.
- 42 См.: *Vandeloise C.* Les usages spatiaux statiques de la préposition à.
- 43 См.: *Marque-Pucheu Ch.* Op. cit.
- 44 См.: *Borillo A.* Op. cit.
- 45 См.: *Katz E.* Op. cit.

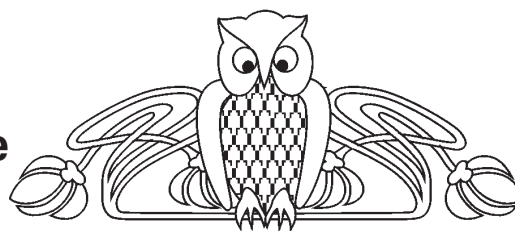
Поступила в редакцию 22.08.2020, после рецензирования 20.09.2020, принята к публикации 02.10.2020
Received 22.08.2020, revised 20.09.2020, accepted 02.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 9–13
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 9–13

Научная статья
УДК 811.161.1*373
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-9-13>

Концепт упорство в русском языковом сознании: моделирование содержания и структуры

Сюй Лили

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Сюй Лили, аспирант кафедры преподавания русского языка в других языковых средах, 1324559882@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация концепта *упорство* в русском языковом сознании. На основе ассоциативного эксперимента автор описывает полевую организацию концепта *упорство* в соответствии с его ядром и перифериями и моделирует структуру данного концепта путем распределения когнитивных признаков по нескольким полям: чувственно-образному, информационному и интерпретационному.

Ключевые слова: концепт, ассоциативный эксперимент, содержание концепта, структура концепта

Для цитирования: Сюй Лили. Концепт упорство в русском языковом сознании: моделирование содержания и структуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 9–13. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-9-13>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-9-13>

Modeling the content and structure of the concept *persistence* in the Russian language consciousness

Lili Xu, 1324559882@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-5459-2975>

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia

Abstract. The article considers the representation of the concept *persistence* in the Russian language consciousness. On the basis of the associative experiment, the author describes the field organization of the concept *persistence* in accordance with the core and peripheries and models the structure of this concept by distributing cognitive characteristics among the sensitive-figurative, information and interpretative fields.

Keywords: concept, associative experiment, content of concept, structure of concept

For citation: Xu Lili. Modeling the content and structure of the concept *persistence* in the Russian language consciousness. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 9–13 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-9-13>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

В XX–XXI вв. в связи с возрастающим интересом к проблемам взаимосвязей языка и сознания, языка и познавательной деятельности, языка и национальной культуры концепт стал одним из самых популярных объектов исследования разных лингвистических дисциплин¹. В современной лингвистике выделяют два основных подхода к исследованию концепта: 1) лингвокультурологический подход, в рамках которого концепт понимается как «сгусток культурной среды или основная ячейка в сознании человека»², всегда содержит в себе ценностный компонент и обладает культурной значимостью³; 2) лингвокогнитивный подход, согласно кото-

рому концепт представляет собой «дискретное ментальное образование, единицу мыслительного кода человека»⁴ или «квант знаний, оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике»⁵. Данная статья основывается на положениях лингвокогнитивного направления: концепт рассматривается как единство языка, сознания и культуры, включающее в себя комплексные и энциклопедические знания и представления об окружающей действительности.

На настоящем этапе развития концептуальных исследований были достигнуты значитель-

ные результаты как в теоретическом плане, так и в плане практических исследований конкретных концептов, среди которых самыми широко изученными можно назвать моральные (этические) концепты (*добро, зло, грех*), идеологические концепты (*свобода, демократия, власть, равенство*), концепты деятельности (*труд, работа, профессия, игра*), концепты национальности (*Россия, США, Китай, СССР, русскость*), гендерные концепты (*мужчина, женщина, муж*), физиологические концепты (*здоровье, сон, детство, старость*). Кроме того, не уступает в актуальности и группа психических (духовных) концептов, которые разделяются на ментальные концепты (*ум, знание, память, мысль, менталитет*), концепты чувств и эмоций (*радость, счастье, любовь, грусть, печаль, удивление*), а также концепты характера (*азартность, беспутность, терпение, великодушие, гордость*)⁶. Изучаемый нами концепт *упорство* относится к последней из упомянутых групп.

Выступая обозначением важного волевого качества, понятие *упорство* активно исследуется в психологии и педагогике при изучении внутреннего психического мира человека, что отражено в трудах М. П. Гаврилюка⁷, О. А. Макуниной⁸, Е. К. Фещенко⁹ и др. Однако в лингвистике до настоящего времени отсутствуют исследования, направленные на изучение смыслового наполнения концепта *упорство*. Таким образом, актуальность и новизна нашего исследования обусловлена следующими факторами: 1) растущим интересом к проблемам, связанным с изучением языкового сознания, 2) высокой значимостью психического концепта *упорство* для концептосферы носителей русского языка, 3) недостаточностью существующих исследований данного концепта в лингвистике. Цель статьи состоит в рассмотрении репрезентации концепта *упорство* в языковом сознании современных носителей русского языка. Главными задачами являются выявление когнитивных признаков исследуемого концепта, моделирование его содержания и структуры по данным, полученным в результате проведенного нами ассоциативного эксперимента.

В зависимости от объемности содержания концептов, сложности и многослойности структуры концептов в настоящее время существуют разные методы и приемы их исследования: этимологический анализ, словообразовательный анализ, лексико-семантический анализ ключевого слова на основе лексикографических источников, анализ контекстуальных употреблений ключевого слова в разных дискурсах, анализ фразеологических и паремиологических единиц, а также анализ данных психолингвистических экспериментов, в том числе ассоциативный эксперимент. Ассоциативный эксперимент как эффективное средство изучения соотношения языка и сознания позволяет «выявить наибольшее количество актуальных для современных

носителей языка когнитивных признаков концепта»¹⁰ и получить «информацию эмоционального и оценочного характера»¹¹. В современной лингвистике самыми распространенными типами ассоциативного эксперимента являются свободный, цепочечный и направленный. В нашем исследовании был выбран цепочечный ассоциативный эксперимент, так как он имеет простую экспериментальную процедуру и позволяет получить не только самые яркие ассоциаты в сознании носителей языка, но и периферийные, являющиеся важными составляющими содержания концепта. Эксперимент проведен среди 200 респондентов – носителей русского языка, представляющих различные профессии, в возрасте 18–65 лет при гендерном соотношении 50 на 50%. В итоге на слово-стимул *упорство* нами было получено 596 реакций, из них 171 – разные ассоциаты. Для каждого ассоциата была подсчитана относительная частота с учетом коэффициента ранжирования¹².

Содержание концепта составляет «совокупность когнитивных признаков (далее – КП), отражающих признаки концептуализируемого предмета или явления»¹³. Схожие реакции, полученные в ходе эксперимента, могут рассматриваться как единый когнитивный признак¹⁴. На основе цепочечного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *упорство* были выделены 18 когнитивных признаков соответствующего концепта. По яркости этих когнитивных признаков концепт в сознании носителей русского языка может быть представлен в виде полевой организации, включающей ядро и периферийные зоны (ближнюю, дальнюю и крайнюю).

На основе ассоциативного эксперимента ядро концепта *упорство* составляют признаки с относительной частотой выше 150:

КП «трудовая деятельность и активное отношение к ней (375)»: *труд* (125); *трудолюбие* (39); *работа* (31); *старание* (28); *учеба* (9); *спорт* (6); *старания, усердие, усилие* (4); *бороться, заниматься, жизнь, работать, тренировка, упорно делать что-либо* (3); *борьба, делает, дело, рвение, старательный, творчество, усердность* (2); *армия, готовность, действие, идея, танк, трудиться* (1);

КП «стремление к поставленной цели (202)»: *цель* (79); *целеустремленность* (56); *стремление* (41); *желание* (10); *устремленность* (3); *амбиция, вера, мечта, стремиться, целеориентирование* (2); *надежда, целенаправленность, целенаправленный* (1);

КП «внутренняя духовная сила или сила воли (199)»: *сила* (143); *воля* (21); *сила воли* (18); *дух* (9); *вольность, мотивация, стимул* (2); *сила духа, не сбавляя сил* (1);

КП «сопутствующие положительные свойства (178)»:

– *настойчивость* (71): *настойчивость* (42); *стойкость* (15); *напористость* (3); *напор* (2);

– смелость (41): *смелость* (17); *мужество* (11); *отвага* (8); *мужественность*, *смелый* (2); *храбрость* (1);

– терпение и выдержка (35): *терпение* (13); *выносливость* (10); *выдержка* (4); *усидчивость* (3); *непоколебимость* (2); *терпеливость*, *невозмутимость*, *несокрушимость* (1);

– другие (41): *уверенность* (6); *независимость* (5); *ответственность*, *справедливость*, *твёрдость* (3); *гордость*, *доброта*, *решительность*, *суровость*, *любовь*, *преданность*, *знания*, *разум* (2); *гармония*, *оптимизм*, *коммуникабельность*, *ум* (1).

К ближней периферии отнесли признаки с частотой выше 50:

КП «средство достижения результатов (98)»: *достижение* (28); *успех* (25); *результат* (12); *победа* (7); *карьера* (5); *добиваться*, *достигаторство*, *клад* (3); *деньги*, *достижение цели*, *саморазвитие*, *вознаграждение* (2); *достижение целей*, *возможность*, *потенциальность* (1);

КП «сопутствующие отрицательные свойства (94)»: *упрямство* (57); *настырный* (5); *упрямость* (4); *вредность*, *лень*, *настырность*, *упрямый* (3); *глупость*, *злость*, *наглость*, *уперство*, *упертость*, *упоротый* (2); *безрассудство*, *вредный*, *настырство*, *эгоизм* (1).

Дальнюю периферию составляет признаки с частотой выше 10:

КП «образ поведения животных (35)»: *баран* (11); *бык* (6); *осёл* (5); *телец* (4); *ослиное*, *рогатый* (3); *козерог* (2); *стена* (1);

КП «принадлежность к категории черты характера (24)»: *характер* (18); *качество* (5); *хорошее качество* (1);

КП «деятельность, связанная с преодолением трудностей (19)»: *преодоление* (5); *трудность* (3); *всё перетрут*, *тяжело* (2); *напряженный*, *ошибка*, *преграда*, *преграды*, *риск*, *тяжелый*, *трудности* (1);

КП «носитель данной характеристики (15)»: *мужчина* (8); *человек* (3); *спортсмен* (2); *герой*, *рыцарь* (1);

КП «временная характеристика (12)»: *время* (6); *долго* (3); *не останавливаться*, *непрерывный*, *очень долгая работа* (1);

КП «физические характеристики или состояние (12)»: *усталость* (4); *мускулы* (3); *зубы* (2); *лоб*, *пот*, *взгляд* (1).

К крайней периферии относятся остальные признаки:

КП «направленное действие (5)»: *бить в одну точку* (2); *вперед*, *только вперед*, *путь* (1);

КП «представитель власти / социальный статус (5)»: *Россия* (2); *авторитетность*, *власть*, *президент* (1);

КП «качество, требующее многого от человека (2)»: *требовать много от себя* (2);

КП «поведение, не допускающее компромисса (2)»: *бескомпромиссно* (2);

КП «редкое качество (2)»: *невероятное* (2);

КП «отсутствующее свойство (2)»: *нет* (2).

Ядерное содержание концепта показывает, что упорство может проявляться в разных сферах деятельности: в труде (*труд*, *работа*, *работать*, *трудиться*, *заниматься*, *упорно делать что-либо*, *делает*), в учёбе (*учёба*), в спорте (*спорт*, *тренировка*), в творчестве (*творчество*) и в бою (*бороться*, *борьба*, *армия*, *танк*). Ряд компонентов в ядре отражает активное отношение человека к труду (*трудолюбие*, *старание*, *усердие*, *усилие*, *старательный*, *рвение*, *усердность* и т. д.). Упорство в большей степени выражает стремление к поставленной цели (*цель*, *целеустремленность*, *стремление*, *устремленность*), в процессе достижения которой требуется большая сила, особенно внутренняя, духовная сила (*сила*, *воля*, *сила воли*, *дух*, *сила духа*). Кроме того, важное место в ядре концепта *упорство* занимают компоненты, выражающие положительные черты характера. С одной стороны, упорство ассоциируется с его синонимическими выражениями: *настойчивость*, *стойкость*, *напористость*, *напор*. С другой стороны, в сознании носителей языка упорство тесно связано с такими качествами, как смелость, терпение, выдержка, уверенность, независимость, ответственность, решительность, оптимизм и т. д.

Ближняя периферия подчеркивает прагматическую функцию концепта *упорство* – средство или способ достижения положительных результатов (*достижение*, *успех*, *результат*, *победа*, *саморазвитие*, *вознаграждение*). Кроме того, в ближней периферии важную роль играют ассоциаты, обозначающие отрицательные черты характера (*упрямство*, *упрямость*, *упертость*, *настырность*, *лень*, *глупость*, *злость*, *наглость*, *безрассудство*, *эгоизм*, *вредность*), что показывает отрицательное представление носителей языка о концепте *упорство*.

Составляющими дальнейшей периферии выступают ассоциаты, выражающие образ поведения животных (*баран*, *бык*, *осёл*, *телец*, *ослиное*, *рогатый*, *козерог*, *стена*), которые в значительной мере зависят от включения компонентов концепта *упрямство* в содержание концепта *упорство*. В дальней периферии содержатся такие гиперонимы, как *характер*, *качество*, *хорошее качество*, что указывает на принадлежность упорства к категории «черта характера», точнее, к категории «положительная черта характера». В прагматическом аспекте упорство выполняет важную роль в преодолении трудностей, так что были получены такие ассоциаты, как *преодоление*, *трудность*, *всё перетрут*, *преграды* и т. д. В дальнюю периферию также включается информация о носителях качества *упорство*: *мужчина*, *человек*, *спортсмен*, *герой*, *рыцарь*. Кроме того, к дальней периферии относятся ассоциаты, связанные с временной характеристикой (*время*, *долго*, *непрерывный*) и физическим состоянием

человека (*усталость, мускулы, зубы, лоб, пот, взгляд*). Это показывает, что упорство – качество, проявляемое в долговременной и непрерывной работе, в тяжелом труде, во время которого у человека мускулы напряжены, зубы сжаты, пот на лбу, твердый взгляд и т. д.

Крайнюю периферию концепта *упорство* составляют когнитивные признаки «направленное действие», «представитель власти / социальный статус», «качество, требующее многого от человека», «поведение, не допускающее компромисса», «редкое качество», «отсутствующее свойство», которые, по данным ассоциативного эксперимента, имеют относительно низкую частоту, однако, на наш взгляд, выполняют определенные функции в процессе мыслительной и коммуникативной деятельности.

В лингвистической литературе четко ограничивают содержание концепта и структуру концепта. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в структуре концепта разделяются три основных структурных компонента – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле¹⁵. Чувственный образ включает перцептивные образы, формируемые при помощи органов чувств, и когнитивные образы, формируемые метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления. Когнитивные образы обычно связывают абстрактный концепт с материальным миром. По данным ассоциативного эксперимента, чувственно-образное поле в структуре концепта *упорство* составляют следующие когнитивные признаки: КП «образ поведения животных», КП «носитель данной характеристики», КП «физические характеристики или состояние». Выдающимися особенностями в образном поле являются образы таких животных, как *баран, бык, осёл, телец*, которые в русской культуре символизируют упрямство, а также образы человека: *мужчина, спортсмен, герой, рыцарь*, которые представляют собой символ силы и смелости.

Информационное поле включает в себя когнитивные признаки, определяющие наиболее существенные отличительные черты концепта *упорство*: КП «стремление к поставленной цели», КП «внутренняя духовная сила или сила воли», КП «принадлежность к категории черты характера», КП «поведение, не допускающее компромисса». Упорство по своей сути является чертой характера, духовной силой человека. Оно проявляется, с одной стороны, в стремлении к поставленной цели, с другой – в отстаивании своей позиции и мнения.

Интерпретационное поле концепта состоит из признаков, вытекающих из основного информационного содержания концепта, дополняя и оценивая его. В интерпретационном поле выделяются шесть основных зон: оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная,

социально-культурная, паремиологическая. К оценочной зоне концепта *упорство* относятся когнитивные признаки с оценочными компонентами: КП «сопутствующие положительные свойства», КП «сопутствующие отрицательные свойства», КП «редкое качество». Энциклопедическое поле составляют когнитивные признаки, формирующиеся на основе опыта человека. Энциклопедическая зона интерпретационного поля концепта *упорство* включает в себя КП «временная характеристика», КП «направленное действие», КП «представитель власти / социальный статус», КП «отсутствующее свойство». К утилитарной зоне относятся признаки, выражающие прагматическую функцию концепта: КП «трудовая деятельность и активное отношение к ней», КП «средство достижения результатов»; КП «деятельность, связанная с преодолением преград и трудностей». В языковом сознании носителей языка упорство является важным средством достижения поставленной цели, играет значимую роль в трудовой деятельности, в преодолении трудностей. В регулятивную зону входит КП «качество, требующее многого от человека». По данным ассоциативного эксперимента, социально-культурная зона и паремиологическая зона концепта *упорство* не представлены.

Анализ пропорционального распределения структурных компонентов исследуемого концепта показывает, что в структуре концепта *упорство* главное место занимает интерпретационная зона – 58,59% (в том числе оценочная зона занимает 22,87%, энциклопедическая зона – 27,37%, утилитарная зона – 8,18%, регулятивная зона – 0,17%). Процентное содержание информационного поля составляет 35,48%. Чувственно-образное содержание концепта *упорство* не такое объемное, всего 5,18%. Стоит также отметить, что в структуре концепта *упорство* большое место занимает оценочная зона, включающая в себя и положительно-оценочные признаки, и отрицательно-оценочные признаки. Причем признаки с положительным компонентом (15,03%) превышают признаки с отрицательным компонентом (7,85%).

Исходя из проведенного выше анализа, можно сделать вывод о том, что концепт *упорство* характеризуется высокой абстрактностью и имеет богатое смысловое содержание и многослойную структуру. Анализ полевой организации содержания концепта *упорство* позволяет утверждать, что когнитивные признаки, составляющие его ядро, выражают три смысловых аспекта: цель, труд и сила. Значительное место в ядре концепта *упорство* также занимают компоненты с положительной оценочной коннотацией. Периферийное содержание в основном выражает информацию о прагматической функции такого качества, как упорство, и его носителях. Анализ распределения структурных компонентов концепта

упорство показывает, что интерпретационное поле в структуре этого концепта занимает самый большой объем. Оценочная зона включает в себя не только признаки с положительно-оценочным компонентом, но и признаки с отрицательно-оценочным компонентом. Высокая частотность положительно-оценочных признаков указывает на преобладание положительного отношения носителей русского языка к упорству. Ассоциаты с отрицательно-оценочной окраской и ассоциаты, выражающие образы животных *баран, бык, осёл*, свидетельствуют о содержательной пересечаемости концепта *упорство* и концепта *упрямство* в русском языковом сознании.

Примечания

- ¹ См.: Дудова Н. Когнитивная лингвистика в России // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33) : в 2 ч. Ч. 2. С. 70.
- ² Степанов Ю. Константы : Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. С. 43.
- ³ См.: Карасик В. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. С. 91.
- ⁴ Попова З., Стернин И. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. С. 24.
- ⁵ Кубрякова Е., Демьянков В., Панкрац Ю., Лузина Л. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 90.
- ⁶ См.: Пименова М. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 127–131.
- ⁷ См.: Гаврилюк М. Формирование волевых качеств младшего школьника как условие его развития и успешности в обучении : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. С. 14.
- ⁸ См.: Макунина О. Самооценка волевых качеств студентов спортивных специализаций // Новые исследования. 2012. № 4 (33). С. 107–111.
- ⁹ См.: Феценко Е. Возрастно-половые особенности самооценки волевых качеств : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1999. С. 21.
- ¹⁰ Ручина Л. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 102.
- ¹¹ Байдак А. Экспериментальные исследования концептов «жизнь» и «смерть» // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316, № 6. С. 21.
- ¹² См.: Синелева А. Сравнительный анализ ассоциативно-семантических полей по данным свободного и цепочечного эксперимента // Информационные системы и технологии ИСТ-2018 : материалы докл. XXIV Междунар. науч.-техн. конф., посвященной 100-летию Нижегородской радиолaborатории. Н. Новгород : Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2018. С. 1020–1025.
- ¹³ Попова З., Стернин И. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁴ См.: Оганова А. Концепт Профессия в испанском и русском языковом сознании : дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2015. С. 68.
- ¹⁵ См.: Попова З., Стернин И. Указ. соч. С. 81.

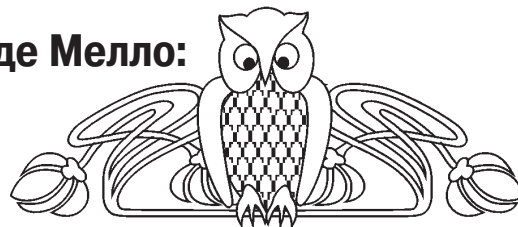
Поступила в редакцию 01.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 02.11.2020
Received 01.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 02.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 14–19
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 14–19

Научная статья
УДК 821.134.3.09-1+929Мелло
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-14-19>

Поэтическая картина мира Софии де Мелло: когнитивная стратегия и организующие принципы

К. К. Нечаева, В. А. Махортова[✉]

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Нечаева Ксения Кирилловна, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой португальского языка, nechaeva.ksk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6442-385X>

Махортова Варвара Александровна, магистр филологических наук, Лиссабонский университет; аспирант, преподаватель кафедры португальского языка, varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Аннотация. В статье рассматривается когнитивная стратегия творческого освоения действительности, избранная португальской поэтессой Софией де Мелло (1919–2004). Лирика автора анализируется по критериям гармоничного/дисгармоничного восприятия мира, преобладания объективного/субъективного начал, а также в аспекте выполнения ориентирующей функции/направленности на создание эффекта дезориентации.

Ключевые слова: поэтическая картина мира, когнитивная стратегия, поэзия ориентации, поэзия дезориентации

Для цитирования: Нечаева К. К., Махортова В. А. Поэтическая картина мира Софии де Мелло: когнитивная стратегия и организующие принципы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 14–19. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-14-19>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-14-19>

The poetic picture of the world of Sophia de Mello: Cognitive strategy and organizing principles

Ksenia K. Nechaeva, nechaeva.ksk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6442-385X>
Varvara A. Makhortova[✉], varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Abstract. The article examines the cognitive strategy chosen by the Portuguese poet Sophia de Mello (1919–2004). The poems are analyzed according to the criteria of a harmonious/disharmonious perception of the world, the predominance of objective/subjective point of view, as well as from the point of view of performing an orienting function or creating the effect of disorientation.

Keywords: poetic picture of the world, cognitive strategy, poetry of orientation, poetry of disorientation

For citation: Nechaeva K. K., Makhortova V. A. The poetic picture of the world of Sophia de Mello: Cognitive strategy and organizing principles. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 14–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-14-19>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Когнитивная поэтика открывает новые горизонты для исследования литературы. В русле данной дисциплины рассматривается широкий круг вопросов: ментальные основы художественного (литературного) творчества, особенности восприятия целостных произведений или элементов художественного текста, когнитивные основания общепринятых и необычных интерпретаций литературных произведений. Когни-

тивная поэтика позволяет по-новому посмотреть на систему жанров, структурную организацию текста, а также изучить когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования тропов. Все это – лишь некоторые темы, представляющие интерес для когнитивной поэтики, общим положением которой является рассмотрение литературы «как одного из видов ментальной деятельности, основанного на тех же механизмах и подчинен-

ного тем же законам, что и прочие типы мыслительной активности»¹.

Как следует из названия дисциплины, когнитивная поэтика имеет гибридный характер. Применяя терминологический аппарат теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, когнитивную поэтику можно охарактеризовать как «интергат» (blend), образованный на основе двух «исходных пространств» (inputspaces), первое из которых – филология, а второе – одна из когнитивных наук, чаще всего когнитивная лингвистика.

Вместе с тем исследования когнитивной поэтики могут опираться и на другие когнитивные науки: когнитивную психологию (Р. Цур), нейробиологию (Э. Спольски) и др. Генетическая связь с разными научными дисциплинами, многообразие изучаемых вопросов и используемых методов приводят к внутренней неоднородности когнитивной поэтики. Зарубежные и российские ученые сходятся во мнении относительно того, что когнитивная поэтика представляет собой не единую стройную теоретическую систему, но «общую площадку»² для формирования и развития теорий, использующих достижения когнитивных наук для исследования литературы и литературного творчества. Разнообразие этих теорий представлено в книге П. Стоквелла «Когнитивная поэтика: Введение»³, а также в аналитической статье А. Ричардсона «Исследования в области литературы и когниции: полевая карта»⁴. П. Стоквелл определяет когнитивную поэтику как «прикладную научную дисциплину» или шире – как «способ мыслить о литературе»⁵.

А. Ричардсон придерживается иного мнения. В качестве родового названия, объединяющего различные направления когнитивных исследований литературы, исследователь использует термин «когнитивное литературоведение» (cognitive literary studies) и рассматривает эту научную область как комплекс отдельных, но пересекающихся дисциплин. К их числу А. Ричардсон относит когнитивную ретиорику (работы, основанные на идеях Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Тернера, Ж. Фоконье), когнитивную поэтику (Р. Цур и П. Хоган), когнитивную нарратологию (Д. Герман и М. Ян), рецептивную эстетику, а также когнитивный материализм и историзм⁶. На русском языке подробный анализ перечисленных направлений представлен в монографии Е. В. Лозинской «Литература как мышление».

Еще один русскоязычный обзор когнитивных исследований литературы предложен И. А. Тарасовой. Данный обзор примечателен тем, что его автор не только анализирует основные направления зарубежной когнитивной поэтики (в широком смысле), но и проводит параллели или, используя метафору самой И. А. Тарасовой, делает «концептуальную проекцию» исследовательских областей, развиваю-

щихся на Западе, на «поле российской науки»⁷. Кроме того, исследователь обращается к работам отечественных ученых, которых можно назвать «предшественниками» когнитивной поэтики. В их число входят А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, представители русского формализма, а также М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и др.⁸

Несмотря на существенные различия или даже глубинные противоречия между теориями, предлагаемыми каждым из перечисленных ученых или школ (в случае русского формализма), все эти теории могут быть соотнесены с одним из направлений современной когнитивной поэтики. Учение А. А. Потебни и его последователей – с когнитивной поэтикой восприятия, направленной на изучение читательских интерпретаций текста. Идеи русских формалистов – с когнитивной нарратологией, поэтикой Р. Цура и иными текстоцентричными когнитивными исследованиями, в центре внимания которых находится структура текста и соответствующие ей ментальные элементы. Теории М. М. Бахтина (диалогичность) и М. Ю. Лотмана (художественный (поэтический) мир, картина мира поэта) – с «порождающей» когнитивной поэтикой, цель которой состоит в исследовании особенностей авторского сознания и моделировании авторской концептосферы (концептуальной системы, картины мира). Именно в развитии этих трех направлений, которые мы можем представить как триаду «автор – текст – читатель», И. А. Тарасова видит перспективы развития когнитивной поэтики⁹. Те же три основных направления когнитивных исследований литературы выделяет П. Стоквелл¹⁰. Для нашей работы наиболее актуально автороцентричное направление.

В отличие от зарубежной когнитивной поэтики, ориентированной преимущественно на изучение процесса чтения и анализ читательских интерпретаций, в российских исследованиях преобладает направленность на автора. Целью многих научных работ, выполненных в данном ключе, является реконструкция индивидуально-авторских концептов. Однако, как отмечает Л. О. Бутакова, на современном этапе развития когнитивной поэтики более перспективно «изучение структуры и типа сознания автора»¹¹, «построение модели авторского сознания»¹², а не отдельных единиц знания, находящих выражение в художественном тексте. Моделирование авторского сознания предполагает использование таких терминов, как «концептосфера» (Д. С. Лихачев, О. Е. Беспалова, И. А. Тарасова и др.), «концептуальная система» (Р. Й. Павиленис и др.), а также «поэтическая картина мира» (Н. С. Болотова, Ж. Н. Маслова и др.) или «художественная картина мира» (З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Вопрос специфики каждого из них заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки нашей статьи. Здесь же отметим, что в нашем исследовании мы применяем термин «по-

этическая картина мира» (далее – ПКМ). Несмотря на существующую критику этого термина и соответствующего ему понятия¹³, мы полагаем, что он является продуктивным для описания когнитивных основ художественного творчества, поскольку подчеркивает активность субъекта в процессе творческого познания, указывая на то, что сознание автора не просто отражает действительность, но как бы рисует ее картину.

Одна из наиболее развитых концепций ПКМ разработана Ж. Н. Масловой. Анализируя структуру ПКМ, Ж. Н. Маслова выделяет две основные взаимосвязанные системы: «Я» и «МИР». Взаимодействие между ними, по мнению исследователя, выстраивается на основе избранной автором стратегии художественного освоения действительности. Ж. Н. Маслова выделяет три глубинные когнитивные стратегии, определяющие позицию автора по отношению к действительности: «Жрец», «Ремесленник» и «Фокусник». Поэзии «Жреца» свойственно одушевление природы, наделение ее эталонными качествами, наличие сакральной географии. Стратегия «Ремесленника» предполагает активное воздействие человека на окружающий мир, преобразование мира человеком, в связи с чем важную роль в такой поэзии играют техногенные образы. Стратегии «Фокусника» соответствуют игровые, пародийные тексты, а также экспериментальная поэзия¹⁴.

Мы полагаем, что описанные Ж. Н. Масловой стратегии соотносимы с художественными методами, предложенными Д. Н. Овсяннико-Куликовским, учеником А. А. Потебни. Понимая искусство как вид познания действительности, Д. Н. Овсяннико-Куликовский выделяет два основных художественных метода: наблюдение и опыт. Первый метод, которому следуют А. С. Пушкин и И. С. Тургенев, заключается в стремлении «понять действительность, как она есть, и нарисовать возможно полную и правдивую картину ее»¹⁵. Второй метод, к представителям которого ученый относит М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова, состоит не только в изображении действительности, но и в более явно выраженном отношении автора к ней¹⁶. В частности, такое отношение может проявляться в иронии или сатире. Стратегия «Жреца», на наш взгляд, сопоставима с позицией наблюдателя, в то время как стратегии «Ремесленника» и «Фокусника» ближе к методу писателя-экспериментатора.

Еще одна типология авторских подходов к творческому освоению действительности разработана В. И. Постоваловой, которая выделяет два основных типа поэтической личности: «гармонический» и «дисгармоничный»¹⁷. Для первого типа характерна вера в присущий миру порядок, стремление к гармонии между человеком и миром. Наиболее ярким представителем данной категории или, если применить современный

лингвокогнитивный термин, «прототипом» является поэзия А. С. Пушкина. Второму типу свойственны внутренняя противоречивость и (или) разлад между личностью и миром. Как наиболее яркую дисгармоничную творческую личность (или «прототип» такой личности) В. И. Постовалова рассматривает М. Ю. Лермонтова.

Вопрос типологии авторских стилей также затрагивается в исследованиях Р. Цура, одного из ведущих специалистов в области когнитивной поэтики. Определяя способность ориентироваться в пространстве как одну из важнейших когнитивных способностей человека, Р. Цур рассматривает соответствующие когнитивные механизмы, а также их использование в эстетических целях в поэзии. На основе этого исследователь выявляет два полярных поэтических направления: поэзию «ориентации» и поэзию «дезориентации»¹⁸.

Поэзия «ориентации» направлена на создание целостного образа действительности и на обозначение места, которое человек занимает в мире. Такая поэзия объединяет в себе две тенденции, соответствующие основным аспектам ориентации в пространстве: восприятие и изображение отдельных предметов или определение их расположения относительно друг друга и относительно человека-наблюдателя.

Поэзия «дезориентации» строится на столкновении несовместимых в реальности предметов, явлений или их качеств. Наиболее яркий пример такой поэзии – гротеск, одновременно вызывающий у читателей противоположные реакции: смех и ужас, в силу чего читатели испытывают удивление или «эмоциональную дезориентацию».

Анализируя лирику Софии де Мелло в свете рассмотренных выше концепций, мы можем определить, что преобладающей стратегией творческого освоения действительности для поэтессы является стратегия «Жреца». Во-первых, данная стратегия проявляется в осознании величия природы («Красота природы филигранна»¹⁹), восприятию природных объектов как «чистых», «первозданных» и совершенных, а также в наличии сакральной географии (Древняя Греция как идеальный «хронотоп»). Во-вторых, стратегия «Жреца» выражается в свойственном Софии де Мелло представлении о поэзии как энергии, которая как бы растворена в мире и которую поэт черпает из окружающей действительности. В этом смысле поэт предстает не как творец-преобразователь, но как «внимательный слушатель»²⁰, чутко воспринимающий мир вокруг. Позиция поэта как воспринимающего субъекта позволяет отнести лирику Софии де Мелло к типу наблюдателя (по Д. Н. Овсяннико-Куликовскому). В лирике Софии де Мелло поэт предстает не только как слушатель, но и как тот, чье дело «видеть и назвать вещи своими именами»²¹. Как утверждает поэтесса в пятом эссе из цикла «Искусство

поэзии», для нее не бывает поэзии «без отсутствия себя»²². Подобная обезличенность имеет ключевое значение для поэзии Софии де Мелло, что в большей степени соответствует подходу наблюдателя, а не экспериментатора. Определяя положение поэзии Софии де Мелло относительно полюсов «гармоничное»/«дисгармоничное», отметим, что лирика поэтессы представляет собой «диалектику аполлоновского и дионисийского»²³. Олицетворяющие гармонию и хаос образы Аполлона и Диониса, а также сопоставимого с последним Вакха присутствуют во многих стихотворениях поэтессы («Эвое, Вакх», «Аполлон Мусaget», «Дионис» и др.). В соответствии с древнегреческой философией София де Мелло воспринимает Хаос и Космос не как синонимы Зла и Добра, но как противоборствующие и дополняющие друг друга первоначала.

Представляя собой поиск совершенства, истины и красоты, поэзия Софии де Мелло преимущественно является «поэзией ориентации» (согласно концепции Р. Цура). Основываясь на философии И. Канта, Р. Цур соотносит с категорией Прекрасного отдельные чувственно воспринимаемые вещи, а с категорией Возвышенного – то, что выходит за рамки нашего чув-

ственного восприятия²⁴. И Прекрасное, и Возвышенное (в указанном смысле) присутствуют в лирике Софии де Мелло. Первое проявляется в описании конкретных предметов и явлений, названия которых могут выноситься в заглавие стихотворений: «Сад», «Розы», «Ракушка с острова Кос» и др. Второму соответствует изображение неограниченного пространства, преимущественно морского («Море шумное – ни берега, ни дна»), а также природных явлений, обладающих неиссякаемой энергией: ветра, волн и др. В отличие от стихотворений о Прекрасном, создающих целостный образ отдельной вещи и как бы показывающих ее в новом свете читателю, стихотворения о Возвышенном направлены на изображение панорамных картин действительности, вызывающих у читателя чувство «восторга»²⁵ или «изумления»²⁶. Поэзия дезориентации в меньшей степени представлена в лирике Софии де Мелло. Отдельные ее примеры можно найти в стихотворениях социальной и политической тематики.

Рассмотрим далее, как перечисленные выше тенденции проявляются в стихотворении «Cidade» («Город»), одном из наиболее известных стихотворений поэтессы:

Cidade

Cidade, rumor e vaivém sem paz das ruas,
Ó vida suja, hostil, inutilmente gasta,
Saber que existe o mar e as praias nuas,
Montanhas sem nome e planícies mais vastas
Que o mais vasto desejo,
E eu estou em ti fechada e apenas vejo
Os muros e as paredes e não vejo
Nem o crescer do mar nem o mudar das luas.

Saber que tomas em ti a minha via
E que arrastas pela sombra das paredes
A minha alma que fora prometida
Às ondas brancas e às florestas verdes.

В основе стихотворения лежит традиционное для европейской поэзии противопоставление города (цивилизации) и природы. При описании города в фокусе внимания оказываются его отрицательные качества²⁷ («жизнь грязная, враждебная, растроченная впустую»²⁸). Для характеристики природы оценочные прилагательные-эпитеты не используются, однако София де Мелло изображает такие природные объекты (море, побережья, горы, равнины), которые обладают огромной протяженностью и в своей целостности необозримы, в связи с чем, согласно И. Канту, их восприятие вызывает «чувство Возвышенного»²⁹, сочетающее в себе восторг и трепет. Нейтральные прилагательные «vastas» («широкие») и «nuas» («нагие», здесь – «пустынные»), подчеркивающие

Город

Цитадель суеты, средоточье немолчного шума,
Грязь, вражда и бессмыслица жизни людской!
Существуют простор побережий
и моря бескрайняя дума,
Безымянные горы, равнин колыбельный покой.
Чем беспомощней зренье,
Тем сильнее желанье,
Город – словно изгнанье –
Ни луны, ни волны.

Ты меня окружаешь безликим забором,
Тень твоя заслоняет от глаз небеса,
И душа моя рвется к далеким-далеким просторам,
Где белеет волна, где еще зеленеют леса.

Перевод О. Чугай

безграничность и открытость пространства равнин и побережий соответственно, усиливают этот эффект.

Подобное восприятие природы соответствует стратегии «Жреца», которой София де Мелло следует в своей лирике в целом. Данная стратегия дополняется методом наблюдения, что выражается, в частности, в использовании автором номинативных предложений (первые две строки), входящих в состав сложного предложения, а также парных однородных членов («море и побережья», «горы и равнины» и т. д.). Все это создает эффект сменяющихся друг друга образов-кадров. Метод наблюдения подчеркивается использованием глагола «vejo» («вижу») и его отрицательной формы. Вместе с тем стихотворение не является полностью обезличен-

ным, фигура наблюдателя не устраняется, но проявляет себя через лирическое «Я». Однако в наибольшей мере, на наш взгляд, субъективность выражается не в использовании глагольных и местоименных форм первого лица, единственного числа, соответствующих дейктическому центру стихотворения, но в существительном «desejo» («желание»), за которым стоит стремление лирического «Я» к свободе и единению с природой. Это стремление основано, с одной стороны, на восприятии города как чуждого лирическому «Я» пространства, дисгармонии между «Я» и городской средой, а с другой стороны, на ощущении природы как совершенного, гармоничного пространства, близкого лирическому «Я» в эмоциональном плане («Моя душа была обещана // Белым волнам и зеленым лесам»), но далекого в плане физическом. Обращает на себя внимание эпитет «vasto» («широкий»), определяющий существительное «desejo». Само по себе прилагательное «vasto» нейтрально, оно применяется для характеристики материальных объектов, однако его использование в качестве определения абстрактного существительного «desejo» воспринимается читателем как новое и экспрессивное. Кроме того, данный эпитет подчеркивает диссонанс между лирическим «Я» и городской средой, поскольку последняя описывается как замкнутое пространство или преграда («И я заточена в тебе [в городе]...», «ты [город] сдерживаешь мой путь»), в то время как желание лирического «Я» велико, дословно «широко» (ср. русское «широта души»). Повторение эпитета «широкий» при описании внутреннего мира лирического «Я» и природного простора, напротив, устанавливает связь между ними. В данном случае мы можем отметить проявление иконичности³⁰, поскольку форма (совпадение эпитетов) соответствует содержанию, смыслу (нарушенному, но желаемому единству между лирическим «Я» и природой).

Противопоставление город/природа может быть также рассмотрено в аспекте «поэзии ориентации» (по Р. Цуру). Город – среда, в которой лирическое «Я» находится, но к которой не принадлежит. Он изображен как однообразное, монотонное или даже бесцветное пространство. Город – это лишь стены, для описания которых поэтесса использует практически повторяющиеся друг друга синонимы «muros» и «paredes», в чем опять же проявляется иконичность, и тени («sombros»). Природа, наоборот, многообразна и полихромна. София де Мелло описывает природные объекты со свойственной ей предельной лаконичностью: либо просто называет их («Знать, что существует море...») и тем самым подчеркивает факт их существования, как бы указывая на них читателю, либо отмечает их протяженность («пустынные побережья», «широкие равнины») или цвет («белые

волны», «зеленые леса»). Обозначения цветов служат для создания более ярких зрительных образов, активизируя перцептивный компонент концептов «onda» («волна») и «floresta» («лес»), который формируется раньше других компонентов и входит в ядро концепта³¹. Кроме того, восприятие цветов происходит за счет работы правого полушария мозга, отвечающего также за воображение и эмоции. Таким образом, экспрессивность в стихотворении достигается не путем усложнения формы, но, напротив, путем использования наиболее лаконичных изобразительных средств.

Обобщая результаты проведенного анализа, мы можем заключить, что основополагающими для ПКМ Софии де Мелло являются когнитивная стратегия «Жреца» (согласно концепции Ж. Н. Масловой), метод наблюдения (по типологии Д. Н. Овсяннико-Куликовского), а также сочетание гармоничной и дисгармоничной тенденций (по классификации В. И. Постовой). Кроме того, лирику португальской поэтессы мы можем определить преимущественно как поэзию ориентации (в понимании Р. Цура). Выявление перечисленных принципов позволяет дать общую характеристику поэзии Софии де Мелло, а также открывает возможность для ее сопоставления с поэзией других авторов. В заключение отметим также, что ряд обозначенных нами вопросов: лейтмотив поиска-пути и его когнитивные основания, лирика Софии де Мелло как поэзия «изумления», концептуальная область «природа» в ПКМ писательницы, заслуживают более подробного рассмотрения.

Примечания

- ¹ Лозинская Е. Литература как мышление : Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков : Аналитический обзор М. : ИНИОН РАН, 2007. С. 26.
- ² Там же. С. 7.
- ³ См.: Stockwell P. Cognitive poetics : An introduction. L. ; N. Y. : Routledge, 2002.
- ⁴ См.: Richardson A. Studies in literature and cognition : A field map (introduction) // The work of fiction : Cognition, culture and complexity / ed. by A. Richardson, E. Spolsky. N. Y. : Ashgate, 2004. P. 1–29.
- ⁵ См.: Stockwell P. Op. cit. P. 6–10.
- ⁶ См.: Richardson A. Op. cit.
- ⁷ Тарасова И. Когнитивная поэтика : предмет, терминология, методы. М. : Инфра-М, 2019. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 26–35.
- ⁹ Там же. С. 34.
- ¹⁰ См.: Stockwell P. Op. cit. P. 5.
- ¹¹ Бутакова Л. Когнитивная поэтика : вариант интерпретации текста // Предложение и слово : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2002. С. 75.
- ¹² Там же. С. 81.

- ¹³ См., например: *Тарасова И.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского) : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. С. 48–49.
- ¹⁴ См.: *Маслова Ж.* Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011. С. 54–63.
- ¹⁵ *Овсянко-Куликовский Д.* Литературно-критические работы : в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1989. С. 160.
- ¹⁶ Там же. С. 163–168.
- ¹⁷ *Постовалова В.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 30.
- ¹⁸ См.: *Tsur R.* *Toward a theory of cognitive poetics.* Amsterdam : North-Holland, 1992. P. 347–385.
- ¹⁹ Цитаты из поэтических переводов стихотворений Софии де Мелло приводятся по: *Андресен С.* Единое начало всех вещей – избранные стихотворения. М. : Центр книги Рудомино, 2019.
- ²⁰ Там же. С. 2.
- ²¹ *Andresen S.* *A Mulher e o amor // Letras e artes.* 1963. Janeiro. URL: <http://purl.pt/19841/1/galeria/entrevistas/f9/pag1.html> (дата обращения: 31.07.2020).
- ²² *Андресен С.* Указ. соч. С. 261.
- ²³ *Ceia C.* *Iniciação aos Mistérios da Poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen.* S.l. : Kindle Edition, 2018. P. 665.
- ²⁴ См.: *Tsur R.* *Op. cit.* P. 350–352.
- ²⁵ *Ceia C.* *Op. cit.* P. 710.
- ²⁶ Оригинал стихотворения приводится по: *Andresen S.* *Obra Poética.* Porto : Assírio&Alvim, 2015. P. 74.
- ²⁷ *Nunes de Almeida C.* *O Feito, a Gesta e o Olhar : o Oriente nas Navegações de Sophia de Mello Breyner Andresen // Elyra.* 2014. № 4. P. 66.
- ²⁸ Подстрочный перевод отрывков из стихотворения «Город» для данной статьи сделан нами.
- ²⁹ Цит. по: *Эко У.* *История красоты.* М. : СЛОВО/SLOVO, 2007. С. 296.
- ³⁰ См., например: *Tabakowska E., Ljungberg Ch., Fischer O.* *Insistent Images.* Amsterdam : John Benjamins, 2005.
- ³¹ См.: *Болдырев Н.* *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций.* 4-е изд., испр. и доп. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. С. 45.

Поступила в редакцию 03.08.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 02.11.2020
Received 03.08.2020, revised 02.10.2020, accepted 02.11.2020

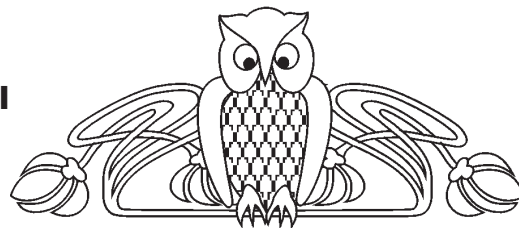

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 20–24
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 20–24

Научная статья
УДК 811.161.1*373
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-20-24>

Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования

В. В. Волков

Тверской государственный университет, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Волков Валерий Вячеславович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, volk7valery@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9278-7247>

Аннотация. В статье представлены результаты моделирования семантических процессов при герменевтической интерпретации русского термина и понятия «медиа». Рассматривается синонимическая пара: универб *медиа* и производящее словосочетание *средства массовой информации*. В результате семантической конденсации компоненты 'информация' и 'массы' оказываются десемантизованными, в качестве доминантного выступает компонент 'посредник'.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, лингвоментальные структуры, средства массовой информации, манипуляция

Для цитирования: Волков В. В. Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 20–24. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-20-24>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-20-24>

The term and concept of 'media': The aspects of hermeneutics of research

Valery V. Volkov, volk7valery@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9278-7247>

Tver State University, 33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia

Abstract. The article presents the results of modeling the semantic processes taking place during the hermeneutic interpretation of the Russian term and concept of 'media'. The paper examines the synonymous pair of the univerb 'media' ('media') and generating word-combination 'средства массовой информации' ('means of mass information'). As a result of semantic condensation, the components 'information' and 'masses' lose their original semantics, and the 'intermediary' component acts as the dominant one.

Keywords: cognitive linguistics, philological hermeneutics, linguoamental structures, mass media, manipulation

For citation: Volkov V. V. The term and concept of 'media': The aspects of hermeneutics of research. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 20–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-20-24>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сравнительно новое русское существительное *медиа* широко используется как компактный однословный синоним терминологических словосочетаний *средства массовой информации / коммуникации* и аббревиатур *СМИ, СМК*, удобный для образования десятков сложений: *медиа-байер, медиаиндустрия, медиаисследования, медиакалендарь, медиакультура, медиаобразование, медиареальность, медиасубъект, медиасфера, медиатексты* и многие другие, вплоть до *медиалингвистики* и *медиафилософии*, в рамках которой, в частности, подробно рассматриваются содержание и история данного понятия¹.

Цель данной работы иная, а именно проблематизация семантики и прагматики термина *медиа* на основе технологий лингвистической герменевтики, фундирующихся основополагающими для филологии вопросами: *что это значит? какие смыслы это слово несёт?* В поисках ответа / ответов обращаемся к процедурам лингвистического анализа и интерпретации его результатов. В основе – сопоставление семантически и исторически исходного словосочетания *средства массовой информации* с его однословным синонимом – универбом *медиа*. Гипотеза: интернационализм *медиа*, удобный краткостью и

многозначностью, в части компонентов десемантизован, в плане прагматики частично выступает как манипулятивный симулякр.

Существительное *медиа* – заимствование из английского (*media*), восходящее к форме множественного числа лат. существительного *medium* ‘середина > нечто среднее, находящееся посреди, занимающее промежуточное положение > центр, средоточие’ – от прилагательного *medius* ‘находящийся посреди > срединный, центральный > относящийся к сущности’. Как видим, уже в латинском семантическом этимоне хорошо просматривается метонимическое движение от представления о «середине» как связующем элементе между чем-либо – к идее «посредник / посредничество» и далее – к понятиям «центр > сущность», что в современной (преимущественно западной) культуре / цивилизации соотносится с представлением о СМИ (= «медиа») как «четвертой власти», *медиакратии* (< др.-гр. *kratos* ‘сила, власть’), владеющей технологиями (информационного) опосредованного управления массовым и индивидуальным сознанием > поведением на основе «мобилизационно-пропагандистской заданности»², формируемой субъектами, внешними по отношению к собственно СМИ (= медиа).

Каковы источники, «откуда» берется власть у этой самой «четвертой власти» – средств массовой информации? Оставаясь в пределах лингвистики и герменевтики, не выходя в контекст культурологии или «медиафилософии», ищем ответ, основываясь исключительно на лингвогерменевтических технологиях.

Прежде всего: внутренняя форма существительного *медиа*, в отличие от словосочетания *средства массовой информации*, эксплицитно не отсылает к предмету труда, с которым имеет дело условная «четвертая власть». Предмет труда – *информация*. Оставляя лингвогерменевтику существительного *информация* за пределами внимания в данной работе³, ограничимся краткими замечаниями.

Существительное *информация* – полисемичное; два основных значения, существенных для наших целей, исходное и производное.

1. *Информация_{исх}* – отглагольное имя действия (*информировать* → *информация*, словообразовательный синоним – *информирование*), лексическая семантика которого идентична исходной глагольной: если *информировать* = *сообщить, передать* (какие-либо) *сведения*, то *дать информацию* = *информировать (сообщить)*; в краткой записи: *информация_{исх}* = *информирование*.

Отсюда прочтение, интерпретация *исх*: *средства массовой информации_{исх}* = средства *информирования* масс, т. е. средства передачи сообщений.

2. *Информация_{пр}* – метонимически производное, семантический дериват от *информация_{исх}* по параметру «действие (передача сведений) → объект действия (что передается, сведения)»; в

краткой записи: *информация_{пр}* = (сообщаемые, передаваемые) *сведения*.

Отсюда прочтение, интерпретация *пр*: *средства массовой информации* = средства выполнения «полного цикла» работ с *информацией_{пр}*: ее поиск, накопление, обработка, систематизация, хранение, использование и т. д., включая передачу информации (= сведений) как одну из задач в общей цепи.

Термин *медиа*, акцентируя внимание на «посреднической» функции СМИ, на семантическом компоненте ‘передача’ (*информация_{исх}* = *информирование*), провоцируя представление о *медиа* лишь как, «всего лишь как» о *средствах передачи* информации, тем самым «прикрывает», уводит от внимания то обстоятельство, что *медиа* фактически выполняют *весь комплекс работ с информацией_{пр}* (*информация_{пр}* = *сведения*), включая ее, *информации_{пр}*, конструирование (зачастую искусственное), а на финальной стадии – передачу.

Как известно из школьной грамматики, простые словосочетания состоят из двух слов, сложные образуются при распространении простых.

Два варианта прочтения составного термина *средства массовой информации* как сложного словосочетания основываются на выделении словосочетаний: 1) *массовая информация*, 2) *средства информации*, – с последующим распространением. Рассмотрим каждый из этих вариантов.

1. Атрибутивное («определяющее») словосочетание *массовая информация* строится по схеме «прил. + сущ.», где прилагательное *массовый* – от *масса* ‘широкие слои населения’ в значении ‘относящийся к *массе*’. Поскольку *массовый* – относительное прилагательное, базовое значение целого словосочетания – «*информация, относящаяся (каким-то образом) к массам*». В чем существо отношения той *информации*, которая производится и распространяется – специально предназначенными для ее производства и распространения средствами, – к *массам*? Это информация о «массах», от «масс», для «масс»? Вероятнее всего, для «масс» (значение адресата / предназначения, «целевой аудитории» информации). Следовательно, существительное *массы* ‘широкие слои населения’, скрытое в словосочетании *массовая информация*, – это именование адресата информации. Кратко: адресат *информации* – *массы*.

2. Объектно-атрибутивное («дополнительно-определяющее») словосочетание *средства информации* строится по схеме «сущ. + сущ. в Род. падеже», где *средства* (мн. ч.) – информативно недостаточное существительное в значении ‘способ / орудие действия’, нуждающееся в обязательном распространителе – словесно выраженном либо подразумеваемом, который уточняет: *способ / орудие* (= *средство*) – *чего? какого именно действия?*

Отсюда: простое словосочетание *средства информации* в семантическом отношении – эллиптическое, включает вариативные подразумеваемые компоненты с процессуальной семантикой, конкретный выбор которых пресуппозитивно определяется внеязыковыми факторами, например: *средства* – поиска / производства / обработки / презентации... – передачи / «доставки» адресату – *информации*.

Синонимическая замена в публичном дискурсе русского терминологического словосочетания *средства массовой информации* однословным интернационализмом *медиа* может рассматриваться в контексте двух взаимосвязанных лингвистических дисциплин под смежными, но различающимися «углами внимания».

1. В рамках терминосистемы журналистики, имея в виду, что вариативность – фундаментальное свойство языка, обеспечивающее возможность, условно говоря, «сказать по-разному об одном, чтобы увидеть в одном разное», существительное *медиа* – субститут словосочетания *средства массовой информации*, его базовые дискурсивные функции – замещение, подстановка, подмена пространного (трехсловного) – компактным (однословным), с одновременной акцентировкой по каким-то причинам особо значимой «посреднической» функции прессы.

С одной стороны, акцентировку семы «посредник / посредничество» в существительном *медиа*, отнюдь не случайно получившем распространение, можно интерпретировать как «терминологическое вуалирование» положения современной прессы как «четвертой власти», с другой стороны – как «терминологический намек» обратного свойства, а именно намек на то, что пресса не сама по себе «четвертая власть», ее функции – посреднические, что подлинная «четвертая власть» (наряду с законодательной, исполнительной и судебной) в руках вовсе не у собственно прессы, задача которой – не властвовать, а служить неким (действительно) властным структурам, не входящим в общеизвестный институциональный перечень.

2. В рамках теории номинации существительное *медиа* – продукт универбации, не вполне обычный вариант лексико-семантической конденсации (пример «обычного» варианта компрессии – использование словообразовательных средств, как в *зачетная книжка* → *зачётка*), результат семантического «свертывания» подлежащего составного термина *средства массовой информации* с одновременной синонимической заменой опорного слова: сущ. *средства* → сущ. *медиа*.

Налицо два слагаемых процесса универбации (лексико-семантической конденсации): а) лексико-синтаксическая редукция от сложного к простому – от словосочетания к однословному термину; б) лексико-семантическая редукция от сложного к простому – как следствие квазисинонимической замены *средства* → *медиа*.

Поясним.

Включение семантики определяющего словосочетания *массовая информация* в определяемое *средства* – типичная ситуация семантической (лексико-семантической) конденсации; пример: в школе вместо *классная доска* говорят «просто» *доска*, поскольку «и так ясно», что *доска* – *классная*, т. е. находящаяся в (школьном) *классе*, предназначенная для публично демонстрируемых записей. Результат: существительное *доска* выступает как «уплотненная» номинация, с очевидным для всех, кто включен в ситуацию употребления этого слова, подразумеваемым дополнительным смыслом (т. е. таким смыслом, который специально, словесно формально уже не выражен, однако пресуппозитивно подразумевается, учитывается и т. д.).

На первый взгляд, аналогично обстоит дело и в ситуации употребления существительного *медиа* в значении «средства массовой информации»: говорим *медиа* – имеем в виду не «просто» *информацию* и не «просто» некое «посредничество» в ее передаче, но *информацию для масс*, передающуюся каким-то образом (какими-то *средствами*) именно *массам* (= широким слоям населения). В действительности иначе.

Синонимическая замена ключевого слова (*средства* → *медиа*) в данном случае – не собственно синонимическая, но квазисинонимическая, поскольку семантические различия слишком велики. *Медиа* и *СМИ* – «синонимоподобные» слова (симиляры). При замене *средства массовой информации* на универб *медиа* лексико-синтаксическая редукция на деле не ведет к полному и точному «впитыванию» семантики сокращаемых слов универбом *медиа*, что явствует из следующих вопросов.

Ассоциируется ли существительное *медиа* с передачей именно *информации*, если понимать *информацию* как сведения, которые отличаются несомненной достоверностью?

Ответ: нет, достаточно устойчиво не ассоциируется. Статья 51 Закона РФ «О средствах массовой информации» под названием «Недопустимость злоупотребления правами журналиста», в частности, гласит: «Не допускается использование <...> прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений...»⁴. Цитированное положение непосредственно относится к профессиональным журналистам, однако в современных медиа в роли журналистов выступает огромное количество самых разнообразных лиц, причем не только самодельные «звезды Интернета», но зачастую и профессиональные журналисты разных стран свободно высказывают в публичном пространстве самые разнообразные суждения псевдофактического характера («фейки»). Распространение фейков как «антиисточников информации»⁵ – мировой тренд в медийной

индустрии, породивший обостренный интерес к более общей проблеме достоверности публично распространяемой информации и к фундаментальной «проблеме доверия в обществе, лежащей на оси «общество-власть-медиа»»⁶. Вместе с тем фейки – лишь вершина «информационного айсберга», нацеленного на манипулятивные задачи тех реальных властных структур, которые скрываются под медийным камуфляжем.

Ассоциируется ли существительное *медиа* с передачей (а) достоверной информации и (б) фейковой «информации» – именно для *масс*, понимаемых как «широкие слои населения»?

Ответ: нет, достаточно устойчиво не ассоциируется. Подавляющее большинство печатных и электронных СМИ ориентируются в отборе содержания и способов подачи материала на определенные целевые аудитории – не на *массы* в собственном смысле этого слова, т. е. выступают именно как медиа-«посредники» в коммуникации между некими группами отправителей информации (владельцы изданий и телеканалов, заказчики информационного продукта и т. д.) и некими группами получателей информации, особенности которых не только специально изучаются, но и культивируются в целях повышения эффективности коммуникации, в том числе коммерческой, политической и иной. Семантика универба *медиа* позиционирует эту особенность в качестве доминантной, едва ли не единственной.

Как видим, по вопросу о том, сохраняется ли семантика редуцируемых в результате лексико-семантической конденсации лексем *информация* и *массы* в семантически производном универбе *медиа*, получаем ответы, близкие к негативным.

Отсюда: квазисинонимичные термины *СМИ* и *медиа* выражают отнюдь не одно и то же понятийное содержание. Лексико-синтаксическая плюс лексико-семантическая редукция на основе квазисинонимической замены опорного слова *средства* (словосочетание *средства массовой информации* → универб *медиа*) результирует в радикальные изменения плана содержания. Термин-интернационализм *медиа* оказывается носителем сем 'посредник / посредничество' как единственно доминантных. Налицо один из типичных процессов семантической эволюции – сужение понятия⁷ на основе замены именованного с широким значением (*средства массовой информации*) словом с узким значением (*медиа*).

Вольно или невольно, осознанно или неосознанно лингвистически «удобный» своей компактностью термин *медиа* оказывается если не собственно симулякром, то «симулякроподобной» языковой единицей, в которой отчетливо просматривается эволюция базовой функции

СМИ: от (достоверного) информирования – к манипулированию под маской информирования. Органичная для СМИ и публицистики в целом функция воздействия трансформируется в функцию скрытого манипулятивного управления – под прикрытием якобы перерастания в функцию (интерактивного) *взаимодействия* отправителя информации и ее получателя (реципиента).

Известно: «Чтобы стать чистым симулякром, образ проходит ряд последовательных стадий, где отражение глубинной реальности сменяется ее деформацией, затем – маскировкой ее отсутствия и, наконец, – утратой какой-либо связи с реальностью, заменой смысла анаграммой... <...> Симуляция выдает отсутствие за присутствие и смешивает всякое различие между реальным и воображаемым»⁸. В соответствии с приведенной характеристикой медиа все более радикально и открыто меняют свое исходное назначение, превращаясь из СМИ / СМК в средства отнюдь не массовой информации / коммуникации, а в средства информационно-психологического манипулирования / подавления (войны) на основе использования средств массовой информации – в ряду других многообразных средств⁹. В этом контексте термин *медиа* выступает – независимо от речевых намерений тех, кто этим термином пользуется, – как «языковая маска», «фигура сокрытия» тревожных и опасных трансформаций.

Подведем итоги. Возможно, есть не только этимологическая, но и актуальная неслучайность в морфосемантической общности слов *медиа* (*масс-медиа*) – СМИ и *медиум* – тот, кто профессионально манипулирует сознанием обрацающихся к нему и доверяющих ему, кто позиционируется как «посредник» между людьми и миром духов, якобы владеющий особыми знаниями и особыми способностями. Современные средства массовой информации – если понимать объем этого понятия предельно широко, включая Интернет с колоссальным количеством модных блогов и блогеров, – в чем-то «медиумичны», добиваются, ожидают и часто получают у «масс» – адресатов поставляемой «информации» – готовность некритично и полностью подчинить этой «информации» свое сознание, свои решения, свое поведение, поступки. *Информация* – тоже, как и *медиа*, – заимствование, интернационализм. Однако слово *информация* более «честное», оно о «сведениях», для доставки которых «массам» существуют специальные «средства», в том числе институциональные. По-своему драматична ситуация, когда языковая целесообразность выводит в широкую дискурсивную практику именно слово *медиа* как замену «длинного», «тяжеловесного», но точного и информативно полноценного словосочетания *средства массовой информации*.

Примечания

- ¹ См.: *Савчук В.* Медиафилософия : формирование дисциплины // Медиафилософия. 2008. Т. 1, № 1. С. 5–25.
- ² *Мисонжников Б.* Мобилизационная функция тактических медиа как герменевтическая категория // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2017. № 2 (11). С. 94.
- ³ См.: *Волков В.* Синергия и синергетичность в системе атрибутов художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2020. № 1 (64). С. 95–108.
- ⁴ О средствах массовой информации : закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=349691> (дата обращения: 12.09.2020).
- ⁵ *Ильченко С.* Фейк как антиисточник информации : риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 70. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-70-76
- ⁶ *Каминская Т.* Политические медиатексты и проблема доверия : современные вызовы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 5 (41). С. 15. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-5-15-21>
- ⁷ См.: *Гак В.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1971. С. 83–85.
- ⁸ *Полозова И.* Симулякр // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+, 2009. С. 860.
- ⁹ См.: *Операции информационно-психологической войны : краткий энциклопедический словарь-справочник / В. Б. Вепринцев, А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов ; под ред. А. И. Петренко. М. : Горячая линия – Телеком, 2015.*

Поступила в редакцию 12.09.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 02.11.2020

Received 12.09.2020, revised 02.10.2020, accepted 02.11.2020

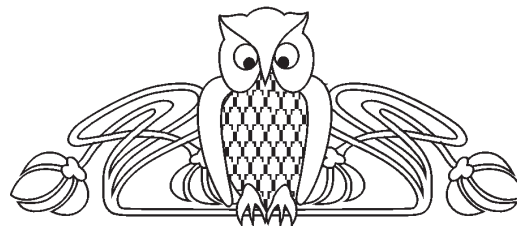

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 25–31
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 25–31

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-25-31>

Discourse on immigration in the USA: A comparative analysis of president' Donald Trump's speeches and articles in two American newspapers

Nataliya R. Kirichenko¹, nkirichenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7236-7432>

Vladimir B. Gurin², gurinvv83@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-6799>

Nataliya S. Novolodskaya³, indigos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4685-9967>

¹Irkutsk National Research Technical University, 83 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russia

²Irkutsk State University, 8 Lenina St., Irkutsk 664025, Russia

³East Siberian Institute of the MIA of Russia, 110 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russia

Abstract. The article is dedicated to the discourse analysis of the themes raised in the American media when reporting on immigrants. The study attempts to gain an understanding of the existing public attitudes towards refugees and the problem of immigration. We used a mixed research approach combining discourse analysis, framing analysis and corpus linguistics to examine 151 articles over the 12-month period of 2018.

Keywords: immigration, immigration discourse, representation of immigration, media coverage, immigrant stereotyping, political discourse

For citation: Kirichenko N. R., Gurin V. B., Novolodskaya N. S. Discourse on immigration in the USA: A comparative analysis of president' Donald Trump's speeches and articles in two American newspapers. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 25–31. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-25-31>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 811.111(73)'42+929Трамп

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-25-31>

Дискурс иммиграции в США: сравнительный анализ речей президента Дональда Трампа и статей двух американских газет

Н. Р. Кириченко¹, В. В. Гурин², Н. С. Новолодская³

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83

²Иркутский государственный университет, Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 8

³Восточно-Сибирский институт МВД России, Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

Кириченко Наталья Ростиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2, nkirichenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7236-7432>

Гурин Владимир Валерьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, gurinvv83@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4956-6799>

Новолодская Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и культуры речи, indigos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4685-9967>

Аннотация. Статья посвящена дискурсивному анализу тем, поднимаемых в американских СМИ при освещении вопросов, касающихся иммигрантов. В исследовании делается попытка понять существующее отношение общества к беженцам и проблеме иммиграции. Смешанный исследовательский подход, сочетающий анализ дискурса, анализ фреймов и корпусную лингвистику, применялся для изучения 151 статьи за 12-месячный период 2018 года.

Ключевые слова: иммиграция, иммиграционный дискурс, репрезентация иммиграции, освещение в СМИ, стереотипизация иммигрантов, политический дискурс

Для цитирования: Kirichenko N. R., Gurin V. B., Novolodskaya N. S. Discourse on immigration in the USA: A comparative analysis of president' Donald Trump's speeches and articles in two American newspapers [Кириченко Н. Р., Гурин В. В., Новолодская Н. С. Дискурс иммиграции в США: сравнительный анализ речей президента Дональда Трампа и статей двух американских газет] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 25–31. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-25-31>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The issue of immigration is a complicated hot-button topic for the whole world today. This paper represents one of a series of occasional articles produced as one part of Immigration Research Programme. In the series of articles, we aim at providing the results of the research of immigration issues of relevance to English-speaking, German- and Russian-speaking countries. The main aim of the research is to compare media discourse on immigration issues in these countries in order to inform migration practitioners. We assume that each country will have its own set of issues discussed. We hope that a detailed investigation of media coverage on the mentioned topic will be helpful in better contextualising current attitudinal tendencies as they reveal skyrocket immigration process.

In recent years researchers have focused on critical discourse analysis which proves to be effective for studying how language is engaged with social and political issues. Scholars try to reveal how media texts shape public opinions and how strong is their impact on people's attitudes to any important political issue. Allen proclaims that an important relationship exists between the nature of media coverage, public opinion and policymaking [1]. Aluthman supports this point of view [2].

Our work is aimed at the study of discourse that structurally reflects and consolidates the existing public attitudes to the problem of immigrants and immigration. The analysis of the language constituents of immigration discourse will reveal the implicitly expressed meanings of such realities of modern society as immigration, as well as monitor the current state of this social phenomenon. We will try to identify and measure the role of media in shaping the public view. This paper's main focus started from the hypothesis that despite the fact that the majority of people rely on mass media for information, the role of them in defining public opinion is still paramount. As the media play an important role in the country's political dialogue, we think it is necessary to have a comprehensive portrait of this discussion.

The concept of immigration, being a complex issue, has drawn the attention of a great number of researchers who analyzed this phenomenon from different perspectives. The studies on immigration are mostly carried out by scholars specializing in economy, demography, sociology, law, geography. Ewing, Jones, Penn Wharton, McMahon carried out the concept of immigration.

Immigration discourse has been studied from different perspectives in various contexts of mass-media, political speeches, and debates. The pioneers in studying the discourse of immigration were Teun van Dijk and Ruth Wodak. Linguists Berry, Garcia-Blanco, Moore, Lawlor, Tolley Eberl, Meltzer, Heidenreich, Fielder, Catalano, McAuliffe, Wilson, Weeks, Kosho, May, Krotofil, Motak have been trying to figure out how the immigration processes influence social component of human population.

The issue of immigration is a burning topic for the US public. We took into consideration governmental level, i.e. president Trump's weekly addresses to the American nation in 2017–2018 and the mainstream of two U. S. newspaper coverage of immigration issues. We researched 49 articles from *Washington Times* and 102 articles from *The New York Times* that dealt with the problem of immigration over the 12-month period of 2018. We used each newspaper's archive as a distinct corpus. The key-words for the search were 'immigration' and 'immigrant' as well as the words that stem from 'immigration'. The newspapers were chosen since their open access. Secondly, we have chosen these two cities because of the existed polar attitudes towards immigrants. *The New York Times* is the newspaper of the city which, with the highest percentage of immigrants in the US, is declared to be the friendliest city to immigrants, besides this newspaper demonstrates "significant influence on political discourse and variation in political standpoint" [3, p. 2].

Washington Times mostly supports Donald Trump's anti-immigrant rhetoric and platform. The method we use is framing analysis with the help of which we established a number of allocations presented in the press coverage and president's addresses to the nation.

The Analysis of President Donald Trump's Political Language

The term immigration is very popular for US political discourse nowadays as the problem of immigrants is one of the burning issues for American society. There is a considerable corpus of linguistic research that has identified existing metaphors prevalent in American society. It must be underlined that metaphors are regarded as a means of expressing new knowledge being one of the means of linguistic creativity [4]. Cotrău, Cotoc, Happer, Philo, Hart, Tereškinas consider that the dominant group of metaphors representing immigrants as DISASTER, THREAT reveal negative stereotyping and show that negative representations are prevalent. Though there is a great number of researchers who claim that much news and media coverage portray immigration positively, the review of these works was made by Alison J. Steinke [5].

Let's consider first how the image of an immigrant is being formed by the head of the state Donald Trump. Discursive strategies of US President in his speeches of 2016 were already examined by Quinonez where she came to conclusion that Trump and conservative media are perpetuating a discourse of racism in America [6]. In this article we analyzed his speeches in 2018. Donald Trump places immigration at the forefront of his agenda. But the current president of the USA faces

difficulty in persuading the Congress to take up his strict immigration policy: deporting undocumented immigrants, repealing birthright citizenship, building a wall. His type of discourse can be considered to be strategic in forming public opinion. The negative status of immigrants represents his “complex systems of governance through language” [7]. Thus, the basic concept in Trump’s and his administration’s rhetoric about immigrants is the concept of THREAT. In the post on the official website of the United States government *whitehouse.gov* the lexemes ‘secure our borders, protect American workers, advance the safety’ identify the enemy and represent ‘unlawful entrants’ as being dangerous and destructive for American society. The modal verb ‘must’ at the beginning of the message implies the necessity of the action. The use of present tenses of verbs ‘is committed, supports’ makes compliment to the current administration and the president himself. Then the tense switches to future ‘will advance’ which states the future protection. See the example:

(1) *The United States must adopt an immigration system that serves the national interest. To restore the rule of law and secure our border, President Trump is committed to constructing a border wall and ensuring the swift removal of unlawful entrants. To protect American workers, the President supports ending chain migration, eliminating the Visa Lottery, and moving the country to a merit-based entry system. These reforms will advance the safety and prosperity of all Americans while helping new citizens assimilate and flourish* [8].

Analyzing Trump’s weekly address to the American nation issued on March 10, 2018 we may highlight the main concepts connected with immigrants. They are the following:

1. Criminality (the word ‘criminal’ was used nine times in this speech):

(2) *Yet, lawless sanctuary jurisdictions are nullifying federal law, obstructing immigration enforcement, and releasing thousands of criminal aliens into U. S. communities to prey on innocent victims* [9];

(3) *The State of California is sheltering dangerous criminals in a brazen and lawless attack on our Constitutional system of government. Every state in our Union is subject to the laws and Constitution of the United States – including California. Yet California’s leaders are in open defiance of federal law. They don’t care about crime. They don’t care about death and killings. They don’t care about robberies. They don’t care about the kind of things that you and I care about* [9].

2. Crime (the majority of violent crimes are connected with illegal immigrants, namely nine different crimes were mentioned by Trump in his speech):

(4) *In other recent cases, New York authorities released illegal aliens who were previously charged with assault, criminal possession of a weapon, pos-*

session of poisonous drugs, and strangling a person – in each case, New York officials had refused to turn these dangerous illegal aliens over to ICE or notify ICE about their release with enough time for them to be safely arrested [9];

(5) *Just this week, the city of Denver refused ICE’s request to turn over a criminal illegal alien charged with vehicular homicide for killing another driver in a horrific hit-and-run* [9];

(6) *Sanctuary jurisdictions are the best friend of smugglers, gang members, drug dealers, human traffickers, killers, and other violent offenders* [9].

Thus, illegal immigrants are stigmatized for just illegal presence on the territory of the country and they represent a security concern. The enumeration of so many types of crimes in one sentence illustrates an emphasis to the dangerousness of the existed situation.

3. Threat (Trump gives great importance to the lexeme ‘safe’ which was used four times and which conveys the idea of threat and danger):

(7) *Protecting the safety and well-being of American Citizens is my highest duty as President. Yet, lawless sanctuary jurisdictions are nullifying federal law, obstructing immigration enforcement, and releasing thousands of criminal aliens into U. S. communities to prey on innocent victims. It’s absolutely terrible* [9];

(8) *It is time to end the bloodshed brought about by reckless sanctuary policies – and it is time to save American lives and American cities* [9].

Analyzing his other Weekly Addresses to the nation concerning immigration issues in the period 2017–2018 we discovered that when describing immigrants, the most often used term is ‘illegal’. See the examples:

(9) *Unfortunately, Democrats in Congress not only oppose our efforts to stop illegal immigration and crack down on Sanctuary Cities – now they are demanding amnesty as a condition for funding the government, holding troop funding hostage and putting our national security at risk. We cannot allow it* [10].

(10) *Illegal immigration affects the lives of all Americans. Illegal immigration hurts American workers; burdens American taxpayers; and undermines public safety; and places enormous strain on local schools, hospitals, and communities in general, taking precious resources away from the poorest Americans who need them most. Illegal immigration costs our country billions and billions of dollars each year* [11].

Thus, Donald Trump shapes immigrants mostly in terms of threat and fear as he treats them as dangerous criminals. In his speeches, immigrants have the stigma of criminality and are defined as a threat to national security. The above-mentioned lexis used by the current US president is aimed at justifying his punitive approach to immigration policy based on militarization of the border, deportation and incarceration.

Representations of Immigration in Two American Newspapers: the *Washington Times* and the *New York Times*

The closer look at two American newspapers unfolds the following results. We assume that modern newspapers do not publish articles which are opposite to their readers' views. Usually media reflects what their audience think, so existing public attitudes are reflected in these two newspapers. The survey conducted by Pew Research Center in summer, 2018 found that most Americans (69%) feel sympathy to unauthorized immigrants, most Americans express positive views of undocumented immigrants when it comes to their impact on crimes and jobs (Pew Research Center 2018). Thus, the analysis can help to identify which city is friendlier to immigrants.

The language of numbers (millions, caravans) and security (threats, illegality, crimes) are most common in *Washington Times*. The most frequent modifiers of immigrants are 'illegal', 'criminal', 'massive'. Immigrants are perceived as invaders who come caravan after caravan to the US. The usage of attributes with connotation of 'mass' can justify the governmental politics to detain immigrants. So, Trump's methods can be considered competent and reasonable. The newspaper tends to mention the rising number of illegal immigrants:

(11) *Professors at Yale University have roiled the immigration debate with a new study calculating there are between 16 million and 30 million illegal immigrants in the U. S. – as much as three times more than most demographers figure.*

The professors' model looked at estimates of how many people came illegally, and how many people likely left, and concluded there are a lot more people who arrived than the 11 million suggested by traditional estimates. The model says the most likely figure is double that, at about 22 million.

If true, the numbers would mean U. S. officials have done a poorer job of catching illegal immigrants than imagined, and that one out of every nine people living in the U. S. is here illegally.... He added: "When they came up with this number they should have stepped back and said we've got a problem, it doesn't pass the kind of prima facie approach of what seems possible" [12].

In the following article the main concepts connected with immigrants are threat and crimes. Such coverage presents immigrants as villains and residents as victims. So, people's reaction is highly negative. It surely evokes the wish to defend themselves:

(12) *"The smugglers, traffickers, and criminals understand our legal loopholes better than Congress and are effectively exploiting them to their advantage," Ms. Neilsen said Wednesday. "This president fully understands the threat this poses to Americans and has been crystal clear since the beginning of his*

administration that we will protect our borders and our sovereignty" [13].

Most articles point out the ineffectiveness of laws and as a result the increased criminality. In most articles immigrants are portrayed as being the source of the problems. In October *Washington Times* published an article with negative perceptions where the consequences of the refugee crisis are illegal immigrants' fault:

(13) *President Trump on Monday warned that a soft stance on illegal immigration risked subjecting the United States to the same kind of refugee crisis that is roiling Europe. ... For those who want and advocate for illegal immigration, just take a good look at what has happened to Europe over the last 5 years. A total mess! They only wish they had that decision to make over again, the president tweeted [14].*

Besides, the problems connected with immigrants cost money and immigrants are seen as troublemakers. The following quote is eloquent:

(14) *While the two sides argue over methods and motives, it's taxpayers who are shelling out to cover the costs.... HHS paid more than \$1.4 billion last year to accommodate nearly 41,000 UAC in its shelters. They stayed an average of 41 days, which means taxpayers paid about \$670 a day for each child. The cost of holding someone in a federal prison – a comparison some immigration activists make to the UAC situation – is just \$85 a day [15].*

Some articles assume the problems of immigrants and acknowledge that the blame lies with the government in power. The responsibility is often attributed to the specific group of people or governmental agency, in most cases attention is drawn to the lack of an effective immigration law, for example:

(15) *Sen. John Cornyn of Texas, one of the Republicans' chief negotiators in the current immigration debate, said the fatal crash should be a wake-up call. "People are dying as a result of criminals taking advantage of the porous nature of the border, and we need to stop it," Mr. Cornyn said. "A lot of that has to do with improving our border security. And it's not just about barriers. It's about technology. It's about personnel and creating the systems that are necessary to stop more of that" [16].*

Chris Crane, president of the National ICE Council also puts the spotlight on the president and his administration:

(16) *"With the right strategy and leadership, we can stop illegal immigration, but dynamic changes are needed within ICE, and the president has to get us the enforcement elements we're asking for in legislation," he said [16].*

Reporting on demonstrations supporting immigrants *Washington Times* sounds neutral, gives mere facts. Such articles can be assessed as neither favourable nor unfavourable. The research does not show that *Washington Times* is fully negative towards all immigrants, the newspaper contains some articles

which connote positive attributes to legal ones. This is the example of the article taken from *Washington Times* which shows positive attitude to immigrants as they fuel American economy, farming to be exact, as they represent low-cost but professional labour:

(17) The fear of deportation is one many migrant workers share, but they're not alone. Farmers nationwide – including in Iredell – worry about losing the low-cost labor that helps their farms thrive. That's why they're fighting immigration-law changes that threaten much of their workforce.

The latest U. S. Department of Labor Agricultural Worker's Survey found that one-third of the nation's agriculture workers are from Mexico, and half are not authorized to work in this country.

Linda Andrews, national legislative director for the N. C. Farm Bureau, said the lack of domestic labor has been an issue in the agriculture community for years. Migrant workers have helped fill the gaps [17].

On July, 1 *Washington Times* published an opinion of Stephen Moore, a columnist for *Washington Times*, an economic consultant with *Freedom Works* who points out that not all immigrants are beneficial, but there are skilled immigrants whose contribution to overall productivity is seemed to be out of the question, but also this refers only to legal immigrants:

(18) *Not all immigrants are beneficial and sure there are bad apples in the bunch – just as is true of the population of American citizens as a whole. But the benefits of immigration are surprisingly large – mostly because most immigrants are risk-takers who come to the United States between the ages of 16 and 40 – so they tend to be at the start of their working years or at the peak of their earning years.*

We also know that the more skilled the immigrants, the larger their contribution to overall productivity and the bigger their lifetime net-tax payments – i.e., the more they reduce budget deficits.

The most definitive voice on this came from the prestigious National Academy of Sciences, which concluded positive economic effect of immigration [17].

As we see, the cited opinion is rather inspirational and emphasizes positive sides of the immigration phenomenon.

New York is considered to be a sanctuary city that provides much assistance and sympathy to immigrants. The humanitarian point of view is complemented by the authors who call for more effective immigration policy. It supports a more tolerant attitude towards immigrants. Our research proves the results announced by Michael S. Boyd who came to the conclusion about 'institutionalized liberal perspective of the debates about immigration' expressed by newspaper *The New York Times* [18].

The most frequent modifiers for immigrants in *The New York Times* are 'undocumented people' and 'undocumented immigrants'. So, the current vocabulary which is used for presenting immigrants is

rather contradictory, with the president and *Washington Times* opting for the term "illegal" and *The New York Times* preferring "undocumented". Braedon Lehman cites Kristine Clancy [19] showing that 'undocumented' and 'illegal' convey different meanings, he illustrates that the usage of the term 'illegal' demonstrates "an increased likelihood to support restrictive immigration policy" and the term 'undocumented' "doesn't imply that the immigrants themselves are illegal", it is not dehumanizing or derogatory to immigrants [20]. Besides the attribute 'undocumented' is often used with the word 'people', which correlates with positive and humanizing opinions, where as this collocation is impossible with the attribute 'illegal'. See the examples from *The New York Times*:

(19) *The strategists worry that Republicans' foreboding immigration message is far more personal to most voters than the more modulated position of Democrats, whose push to protect the young immigrants known as Dreamers and to ensure humane treatment of undocumented people does not, in many cases, affect voters themselves [21];*

(20) *Usually, undocumented immigrants in the area were held at the Northwest Detention Center, a private facility operated under a contract with Immigration and Customs Enforcement [22].*

We observed the evidence of publishing articles which tend to be rather sympathetic and positive to immigrants. Mostly they present immigrants as victims who need support and sympathy. Our research drew on 48 immigration-related stories, interviews with representatives from governmental organizations in *The New York Times* which portrays a rather sympathetic attitude towards undocumented people:

(21) *There were 174 women. Many of them had come to the United States with their children, some as young as 5. A majority were from the violence-racked Central American countries El Salvador, Guatemala and Honduras; others had traveled from as far as China and the Democratic Republic of Congo. All of them sought asylum. Some of them, after crossing the Rio Grande, spent their first night in the United States shivering in their damp clothes on Mylar sheets in the sprawling processing center in McAllen, Tex., nicknamed the hielera, or icebox [22].*

In October 2018 *The New York Times* cited the Washington office Representative Pramila Jayapal, an Indian-American woman who came to the USA at the age of 16 and who was the first to be elected to the House. She belongs to liberal politicians who bend more to social-justice movements. She makes the problems of immigrants one aspect of failing governmental policy. The article contains rather emotive lexis representing sympathetic approach to immigrants:

(22) *Jayapal sat and listened to the women for nearly three hours. Then, outside the prison, she spoke into an aide's video camera. After vowing to help return the separated children to their parents,*

Jayapal set her sights on ICE. "I am going to do everything I can in my power," she said, "to stop funding a rogue agency at the Department of Homeland Security" [22].

The research shows that *New York Times* produces mostly positive coverage on immigrants. This newspaper uses quite positive and sympathetic language, including more stories about women and children, personal stories about their life in the US. To highlight the sufferings of immigrants in *The New York Times* articles, words with powerful evocative connotations like 'fair, compassionate, support' are widely used:

(23) *While President Trump shuts down the federal government over his obsession with keeping immigrants out, New York stands strong in our support for immigrant communities, Mr. Cuomo, a Democrat, said in a statement. "These actions will help keep immigrant families together and take a critical step toward a more just, more fair and more compassionate New York"* [23].

In the following example the discursive construction of 'Us' and 'Them' is being realized. The opposition of 'Us' (native Americans and immigrants) and 'Them' (president and governmental agencies) is evident:

(24) *Their concerns about illegal immigration, and the crime statistics that the president pointed to, are echoed by many Americans. "Americans have long believed that immigrants are more likely than natives to commit crimes and that rising immigration leads to rising crime," the National Academy of Sciences wrote in a 2015 study. ... He has branded many illegal immigrants as "murderers and thieves" who want to "infest our country." ... They don't want to talk to the angel moms* [24].

So, the research shows that *The New York Times* designs public attitudes as favourable to immigrants, personal stories published in this newspaper prove that they are not criminals, and that they are beneficial for American society.

This paper has analyzed the discourse on immigration in the head of state's speeches and in two American newspapers. The research shows that media coverage of these two newspapers divides opinion. Two opposed discourses have been described in the article. Negative immigrants' representation is the core feature of the president's discourse. This study is in line with our previous research [25]. The analysis also revealed *Washington Times* in negative coverage of immigrants. A strong tendency to criminalize illegal immigrants is found in the articles of this newspaper. It is also a prevalent view for the head of the country. *Washington Times* supports the president and points out the need of taking up a strict immigrational law which can provide more efficient control measures. This discourse is opposed by a more liberal approach expressed by *The New York Times*. The effort to provide a positive conception of immigrants is manifested by this newspaper, where the articles on immigration are closely inter-

twined with notions of justice, human rights, respect and empathy. The necessity to integrate immigrants into American society and the need to react on immigrants' needs are the prevalent notions for *The New York Times*.

These two contradictory approaches to immigrants show that a negative point of view is not yet rooted in American society maybe because such massive immigration is still a recent phenomenon.

References

- 1 Allen W. L. A Decade of Immigration in the British Press. *Migration Observatory Report*. COMPAS, University of Oxford, 2016. 34 p.
- 2 Aluthman E. S. A Corpus-assisted Critical Discourse Analysis of the Discursive Representation of Immigration in the EU Referendum Debate. *Arab World English Journal*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 19–38. DOI: <https://dx.doi.org/10.24093/awej/vol9no4.2>
- 3 Kakenmaster B. Belonging in a New Home: Discursive Othering of Latin American Immigrants in U. S. Print Media. *Clocks and Clouds*, 2016, vol. 7, no. 1, pp. 1–2.
- 4 Bereznykh N., Sivtseva N., Skopintseva T., Kontrimovich A. Metaphorical Blends (Case Study of Metaphorization of Concept BOOK). *Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences (CILDAH-2018)*. Ser. SHS Web of Conferences, 2018, vol. 50, pp. 1171–1180. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001171>
- 5 Global Media Coverage of Immigration. *The Society Pages*. Site. Available at: <https://thesocietypages.org/trot/2018/10/24/global-media-coverage-of-immigration/> (accessed 5 September 2020).
- 6 Quinonez E. S. (Un) Welcome to America: A Critical Discourse Analysis of Anti-Immigrant Rhetoric in Trump's Speeches and Conservative Mainstream Media. San Bernardino, California State University, 2018.
- 7 Jantzi M. 'Stranger Danger': A Critical Discourse Analysis of the Immigration and Refugee Protection Act. *Sociology Major Research Papers*. 2015. Papers 6.
- 8 Immigration Issues. *The White House*. Site. Available at: <https://akastg-www.whitehouse.gov/issues/immigration/> (accessed 6 September 2020).
- 9 President Donald J. Trump's Weekly Address. *The White House*. Site. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-weekly-address-27/> (accessed 6 September 2020).
- 10 President Donald J. Trump's Weekly Address. *The White House*. Site. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-weekly-address-26/> (accessed 6 September 2020).
- 11 Remarks by President Trump on the Illegal Immigration Crisis and Border Security. *The White House*. Site. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-illegal-immigration-crisis-border-security/> (accessed 1 September 2020).
- 12 Yale study: Illegal immigrant population likely double, possibly triple previous estimates. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/>

- news/2018/sep/24/yale-study-finds-us-illegal-immigrant-population-s/ (accessed 3 September 2020).
- ¹³ DHS vows criminal charges as illegal immigrant caravan reaches U. S. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/apr/25/migrant-caravan-reaches-us-mexico-border/> (accessed 3 September 2020).
- ¹⁴ Trump warns illegal immigration onslaught threatens repeat of Europe's refugee crisis. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/oct/24/donald-trump-warns-illegal-immigration-onslaught-t/> (accessed 2 September 2020).
- ¹⁵ Illegal Immigrant Children Cost Taxpayers \$670 a day. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/may/30/illegal-immigrant-children-cost-taxpayers-670-day/> (accessed 2 September 2020).
- ¹⁶ Illegal Immigrant Deported 44 Times. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/feb/6/illegal-immigrant-deported-44-times-15-years-tops-/> (accessed 8 September 2020).
- ¹⁷ Amid talk of deportation, farmers defend immigrant labor. *Washington Times*. Site. Available at: <https://www.washingtontimes.com/news/2018/mar/26/amid-talk-of-deportation-farmers-defend-immigrant-/> (accessed 8 September 2020).
- ¹⁸ Boyd M. S. Critical Discourse Analysis and the Editorial 2.0: News Reception and User-generated Comments in Discourses about (Im) migration. *Language and Discourse in Social Media*, New Challenges, New Approaches, 2018. 22 p.
- ¹⁹ Clancy K. E. Defining people: An analysis of the congressional lexicon on immigration reform. *Purdue University*. Site. Available at: <https://docs.lib.purdue.edu/dissertations/AAI3402315/> (accessed 8 September 2020).
- ²⁰ Lehman B. How Do Acts of Terror Affect Public Discourse Concerning Immigration? A Media Analysis Surrounding the Pulse Nightclub Shooting. *University Honors Teses*. Paper 420. 2017. <https://doi.org/10.15760/honors.416>
- ²¹ G.O. P. Finds an Unexpectedly Potent Line of Attack: Immigration. *New York Times*. Site. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/14/us/politics/immigration-midterm-election.html> (accessed 8 September 2020).
- ²² The Democrats Have an Immigration Problem. *New York Times*. Site. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/10/magazine/the-democrats-have-an-immigration-problem.html> (accessed 7 September 2020).
- ²³ With a Fresh Swipe at Trump, Cuomo Pardons 22 Immigrants. *New York Times*. Site. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/12/31/nyregion/cuomo-pardons-immigrants-trump.html> (accessed 7 September 2020).
- ²⁴ Trump Highlights Immigrant Crime to Defend His Border Policy. *New York Times*. Site. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/06/22/us/politics/trump-immigration-borders-family-separation.html> (accessed 7 September 2020).
- ²⁵ Kirichenko N. Linguistic Manifestation of the Concept of Immigration in the English and American Press. *SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences*, 2018, no. 1, pp. 44–50. DOI: 10.25136/1339-3057.2018.1.23899. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23899.

Received 18.09.2020, revised 02.10.2020, accepted 02.11.2020

Поступила в редакцию 18.09.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 02.11.2020

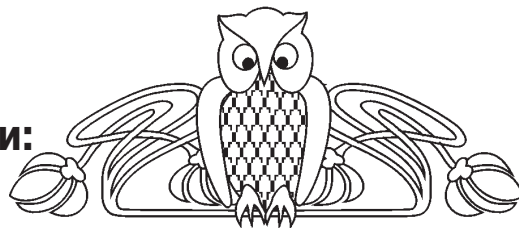

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 32–36
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 32–36

Научная статья
УДК 811.161'1373.23
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>

Индивидуальное прозвище в России: современное понимание

Н. А. Родина

Военный институт физической культуры, Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский просп., д. 63

Родина Надежда Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению индивидуального прозвища с точки зрения самостоятельности его выделения, положения в антропонимическом поле в соотношении с другими периферическими именованями, истории изучения, роли в неформальной коммуникации, а также когнитивных особенностей. Приводимый теоретический материал иллюстрируется примерами прозвищ, активно используемых в военном социуме.

Ключевые слова: прозвище, микроантропоним, неформальный идентификатор, социальный маркер, прозвище-символ, прозвище-икона

Для цитирования: Родина Н. А. Индивидуальное прозвище в России: современное понимание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 32–36. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>

An individual nickname in Russia: Modern understanding

Nadezhda A. Rodina, esperance84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4013-919X>

Military Institute of Physical Culture, 63 Bolshoy Sampsonievskiy Ave., St. Petersburg 194044, Russia

Abstract. This article considers an individual nickname from the point of view of the independence of its allocation, position in the anthroponymic field in relation to other peripheral naming conventions, the history of study, the role in informal communication, as well as cognitive features. The quoted theoretical material is illustrated by examples of nicknames that are actively used in the military community.

Keywords: nickname, micro-anthroponym, informal identifier, social marker, nickname symbol, nickname icon

For citation: Rodina N. A. An individual nickname in Russia: Modern understanding. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 32–36 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На протяжении трех десятилетий в национальном русском языке имеет место процесс карнавализации языковых средств. Она обусловлена многими причинами, но больше всего – тенденцией к «приукрашиванию» самой жизни: СМИ преподносят информацию в развлекательной форме, чтобы сгладить негативный фактор социально-психологических проблем общества¹. Также на активизацию языковой игры повлияли энтропийные формы культуры с ироническим восприятием действительности, сознательной ориентацией на эклектичность, мозаичность², пародийным переосмыслением традиций³.

Отражение национальной карнавализации языка особенно заметно в такой зоне русского коммуникативного пространства, как прозвища, которые, в отличие от принятой в документообо-

роте официальной антропонимической формулы (так называемой ФИО), играют одну из важнейших ролей в сфере неформального общения, занимающей большую часть личной жизни людей.

Еще В. К. Чичагов, первым выделивший прозвища как отдельную категорию именованья, в своем определении этого языкового явления указал место его бытования: «...слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества»⁴. Н. В. Подольская, автор Словаря русской ономастической терминологии, несколько расширила общие мотивы номинации в своей дефиниции: «...неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его

характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам»⁵.

Прозвища, по своей сути представляющие один из древнейших пластов лексико-семантической группы «названия лица», уже много десятилетий привлекают внимание исследователей. Установлено, что прозвища, судя по их особой семантике⁶, находятся в тесной связи с дохристианскими именами⁷. На современном этапе отечественные ономасты активно исследуют содержательные характеристики этих личных идентификаторов: семантическую наполненность, оценочность прозвищ, способы их образования, особенности мотивировки (Е. Н. Выборнова⁸, В. И. Супрун⁹, Т. Г. Никитина¹⁰, И. А. Королева¹¹, А. В. Суперанская¹², А. С. Щербак¹³), дифференциации с кличками и псевдонимами, особенности бытования в специфических коллективах (М. А. Грачев¹⁴, М. Ю. Стрельцова¹⁵, Т. Т. Денисова¹⁶, Е. И. Попова¹⁷, И. С. Стаханова¹⁸, Н. А. Родина¹⁹, М. Ю. Морозова²⁰), словарную параметризацию этого вида антропонимов²¹.

Однако среди исследователей единого понимания категориальной отнесенности прозвища по-прежнему нет. Границы этого явления в антропонимическом поле остаются размытыми.

Современное антропонимическое поле представляет собой концентрическую схему и имеет трехчастную структуру (рисунок). Ядром является имя собственное как номинация, дающая человеку при рождении и сопровождающая его всю жизнь. Околоядерное пространство занимают другие официальные идентификаторы: фамилия и отчество. В отличие от личного имени, их употребление не постоянно. Так, при определенных обстоятельствах фамилия может быть сменена по желанию носителя: например, при замужестве женщины. Отчество используется как третий элемент формулы ФИО в документальной фиксации, а также в комбинации с личным именем для уважительной формы обращения к лицу. На периферии находятся неофициальные именованья человека: прозвище, псевдоним и никнейм. Эти идентификаторы имеют узкую специализацию функционирования. Так, псевдоним бытует в сфере культуры, никнейм – в виртуальной среде, прозвища – в живом неформальном, бытовом общении.

Поскольку в разных регионах России прозвища, которые даются людям по одному какому-либо признаку, являются практически идентичными, можно констатировать традиционный характер бытования данной категории, прочно закрепившейся в обществе. Однако необходимо отметить, что вопрос семантики таких именованний некогда был объектом дискуссий среди ономастов. Так, в конце XX в. существовало несколько подходов к определению статуса прозвища: А. А. Пашкевич²² считала, что прозвище представляет собой имя нарицательное, О. В. Махнин

Современное антропонимическое поле

борода²³ видела место прозвища между онимами и апеллятивами, а В. К. Чичагов и А. В. Суперанская понимали прозвище как антропоним.

В последнее время большинство современных исследователей принимают точку зрения А. В. Суперанской, которая предлагает отнести индивидуальные прозвища к микроантропонимам: «...на стадии микроимени как бы происходит перелом в нарицательном употреблении слова и закреплении его за одним, определённым в данной ситуации, объектом»²⁴. В современном понимании прозвище как микроантропоним обладает следующим набором признаков, определяющих его как самостоятельную единицу в онимическом пространстве:

- а) локальность, своеобразная корпоративность – функционирование в пределах одного коллектива по отношению к одному конкретному лицу;
- б) специфическая семантика, складывающаяся из номинации, мотивации, деривации, коннотации (эмоционально-экспрессивной окрашенности) и возникающих ассоциаций; связь с понятием о реалии, которая дала прозвище;
- в) близость к апеллятивам по фонетической оформленности и ассоциативному ряду;
- г) роль характеристики как отличительного знака называемого лица;
- д) подвижность – прозвище человека может стать базой для образования прозвищ членов его семьи, уйти или замениться другим;
- е) название человека прозвищем за глаза (как правило), очное употребление для положительных прозвищ или для оскорбления отрицательных прозвищем в экстремальных коммуникативных ситуациях;
- ж) недолговечность – с уходом носителя исчезает его именование;
- з) структурно-грамматическое разнообразие;
- и) юридическая незакрепленность.

Таким образом, современные исследователи вкладывают в антропонимический термин «прозвище» специфическое понятийное содержание и обращают внимание на лингвистические,

грамматические, психологические, социальные и этнографические составляющие.

Отражая в процессе своей деятельности объективный мир, личность фиксирует в языке знания о реалиях, лицах и их характеристиках²⁵. Согласно современной ономастической теории, внутриязыковая специфика ономастических категорий объясняется когнитивными процессами представителей общества. Такое осмысление имен собственных предполагает их рассмотрение в аспекте «отражения действительности сознанием человека, учитывая связь речемыслительной активности с фондом языкового и неязыкового сознания, с прагматическими установками, что позволяет показать репрезентацию в ономастике различных типов знаний»²⁶. Следовательно, прозвища как онимы функционируют с целью не только называть и сохранять номинацию, но также способствовать мысленному соотнесению объекта с определенной категорией. Таким образом, изучение прозвищ как микроантропонимов позволяет вскрыть социальные отношения, культуру и быт носителей, а также некоторые процессы, протекающие в их языке.

Несмотря на размытость границ прозвищ, они были и остаются самыми активными периферическими именованиями. Практически вся неофициальная коммуникация, использующая неформальные идентификаторы, обслуживается прозвищами. Представители таких социумов, как детский, молодежный, профессиональный, в своем общении употребляют эти микроантропонимы.

Так, например, внеуставные отношения военнослужащих часто сопровождаются названием товарищей именно по прозвищу. Приводя соответствующие примеры из военного социума, следует напомнить, что с точки зрения мотива номинации прозвища делятся на две большие группы: образованные от официальных имен собственных и образованные по каким-либо экстралингвистическим характеристикам именуемого лица. Так, от фамилий произошли такие идентификаторы, как Андрюха (Андреев), Бро (Брославский), Кот (Котов) или Софа (Сафонов), от отчеств – Исаич (Исаевич), Камаль (Камаладинович), а от личных имен – Адриано (Андрей), Альтаир (Алтаир), Вэл (Валентин) или Данилец (Данила). В связи с экстралингвистическими особенностями возникли такие военные прозвища, как, например, Бессмертный (много травм), Гном (маленький рост), Дед (ворчливый характер). Поскольку главную роль в переносе значения, формирующего семантику прозвищ, играет переход имени нарицательного в имя собственное без изменения формы, по своей сути они являются метафорами. Разумеется, во второй группе именованных, мотивированных особенностями внешности или поведения носителя, концептуальность метафорического переноса в создании

прозвища представлена гораздо ярче, хотя и антропонимические идентификаторы априори обладают вторичным, переносным значением. Например, военнослужащий с кавказской внешностью имеет прозвище Чёрный, которое означает не цвет и не этническую принадлежность, а лишь подобность. От противного дано именование Блиц (в переводе с немецкого языка означает «молниеносный»), поскольку носитель медлителен в своей сосредоточенности действий. Военнослужащий, только увлекающийся боксом, но не занимающийся этим видом спорта профессионально, получил прозвище Боксёр²⁷.

С точки зрения когнитивного подхода к ономастике, имя собственное представляет собой ономастический знак, который, по сути, является вторичным, отражает как языковые, так и энциклопедические знания об имени собственном, а также способствует организации ономастического знания в человеческом сознании²⁸.

Прозвище как ономастический знак служит для передачи экстраситуационной информации, маркировки лица. Так, Рыжий – знак индивидуума с определенными параметрами внешности, а Бизнесмен маркирует поведенческие черты.

Еще в конце XX – начале XXI в. Ч. С. Пирсом²⁹ была разработана классификация знаков в соответствии с концептуальным пониманием знака как средства передачи информации: знаки-индексы, знаки-символы и знаки-иконы. Однако к прозвищам могут быть применены только понятия символов и икон. В соответствии с этой теорией символ представляет собой знак, выбор которого произволен, поскольку он свободен от какой-либо связи и осуществляет свою функцию, не имея сходства с чем-либо другим. Например, прозвище Дикаприо принадлежит военнослужащему с весьма привлекательной внешностью, но не похожему на знаменитого голливудского актера Леонардо Дикаприо, который считается одним из красивейших мужчин нашего времени. Курсант, отличающийся склонностью к изобретательству, получил прозвище-символ Илон Маск, так как соответствующие имя и фамилия принадлежат одному из самых известных изобретателей современности.

Несмотря на то что по отношению к любым онимам граница между символами и знаками расплывчата, большинство неформальных маркеров представляет собой так называемые «говорящие имена», по своей когнитивной сути являясь иконами – знаками, обладающими сходством с объектами, отсылающими к объектам, которые они обозначают, но, как правило, не требующими сходства с ними. Одним из символов Республики Беларусь является ее президент А. Г. Лукашенко, имеющий общеизвестное прозвище Батька. Российский военнослужащий – его однофамилец получил прозвище-икону Батька. Гномов – сказочных персонажей – принято считать очень низкорослыми существами, поэтому закрепив-

шийся в народном сознании образ послужил мотивацией для создания прозвища Гном, которым назвали невысокого курсанта. Также следует обратить внимание еще на одно именование-икону. У одного из обучающихся военно-физкультурного вуза имеется идентификатор Балтийский пул, поскольку молодой человек родом из г. Балтика и демонстрирует успехи, подобно американцу Майклу Фелпсу из Балтимора – обладателю прозвища Балтиморский пул.

Подводя итог вышесказанному о сущности прозвища в современной отечественной научной интерпретации, можно утверждать следующее.

Прозвище представляет собой имя собственное, известное русскому народу с древнейших времен. На современном этапе, по мнению большинства исследователей, оно принадлежит ономастическому полю, но занимает его периферию, находясь в пограничном состоянии по отношению к оппозиции «оним – апеллатив».

Помимо близости к апеллативам по фонетической оформленности и ассоциативному ряду, прозвище обладает такими отличительными от личного имени свойствами, как узкая сфера функционирования, специфическая семантика, характеризующая функция, изменчивость во времени, заочная номинация лица в его отсутствие при условии негативной семантики, а также юридическая незакрепленность.

Сегодня прозвище является важным выделительным знаком для идентификации личности в коллективе. Особая роль этого социального маркера видится в таких сообществах, как детское, молодежное, профессиональное и т. п.

Как вторичная номинация прозвище является ономастическим знаком – вербальным знаком со звуковой оболочкой и когнитивной сущностью. Россияне используют прозвища в качестве знаков-наименований на уровне передаваемых онимами представлений, смыслов, ментальных образов, известных носителям нашего языка. В военном социуме вторичная неформальная номинация в виде прозвищ-символов и прозвищ-икон получила широкое применение, поскольку в процессе коммуникации способствует трансляции как национального концептуального знания, так и понятий, доступных лишь представителям данной профессии.

Таким образом, прозвище представляет собой не только ономастический знак как словесное обозначение объекта, лица в виде его названия, карнавализационное имя собственное, но и лингвистическое обозначение отраженного в языковом сознании и закрепленного в мышлении мира субъектов и объектов.

Примечания

¹ См.: Шаховский В. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008. С. 374.

- ² См.: Дианова В. Постмодернистская философия искусства : истоки и современность. СПб. : Петрополис, 1999.
- ³ См.: Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М. : ОГИ, 2001.
- ⁴ Чичагов В. История русских имен, отчеств и фамилий. М. : Учпедгиз, 1959. С. 17–18.
- ⁵ Подольская Н. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. С. 115.
- ⁶ См.: Селищев А. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды А. М. Селищева / сост., общ. ред. Е. А. Василевской. М. : Просвещение, 1968. С. 97–128.
- ⁷ См.: Тагунова В. Современные прозвища в диалектной речи Муромской земли // Ученые записки Муромского педагогического института. Т. 40. Тр. каф. Русск. яз. 1967. С. 49–63.
- ⁸ См.: Выборнова Е. Отыменные прозвища // Ономастика Поволжья : тез. докл. VIII Междунар. конф. (Волгоград, 8–11 сентября 1998 г.) / отв. ред. В. И. Супрун. Волгоград : Перемена, 1998. С. 97–98.
- ⁹ См.: Супрун В. Ядро и периферия в ономастическом пространстве // Славистический сборник : В честь 70-летия проф. П. А. Дмитриева / под ред. Г. И. Сафронова, Г. А. Лилич. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 215–220.
- ¹⁰ См.: Никитина Т. Антропонимический компонент регионального молодежного сленга // Язык. Речь. Речевая деятельность : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2004. С. 139–143.
- ¹¹ См.: Королёва И. К вопросу о классификации русских прозвищ // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 3. С. 91–104.
- ¹² См.: Суперанская А. Современные русские прозвища // Хабаровский вестник. Филология сериясы. № 6 (78). Серия филологическая. Алматы : Казак университет, 2004. С. 43–50.
- ¹³ См.: Щербак А. Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012.
- ¹⁴ См.: Грачев М. Русская воровская кличка : мифы и реальность. М. : Эллис, 2009.
- ¹⁵ См.: Стрельцова М. Прозвищные именованья в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010.
- ¹⁶ См.: Денисова Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации : на материале прозвищ Шумячского и Ершицкого районов Смоленской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007.
- ¹⁷ См.: Попова Е. Личное имя в коммуникативном аспекте (на материале обращений в студенческой среде) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009.
- ¹⁸ См.: Стаханова И. Прагматика школьных прозвищ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
- ¹⁹ См.: Родина Н. Современные детские и молодежные прозвища : структурно-семантические и функционально-динамические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.

- ²⁰ См.: Морозова М. Категория оценки в прозвищном антропонимиконе Тамбовской области : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2016.
- ²¹ См.: Вальтер Х., Мокиенко В. Большой словарь русских прозвищ. М. : Олма Медиа Групп, 2007.
- ²² См.: Пашкевич А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
- ²³ См.: Махнборода О. Неофициальные (прозвищные) имена различных объектов ономастики : структурно-семантический аспект (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010.
- ²⁴ Суперанская А. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. С. 169.
- ²⁵ См.: Баранов О. Гидротопонимы в системе искусственных опознавательных единиц языка и речи (На материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 6–7.
- ²⁶ Щербак А. Указ. соч. С. 299.
- ²⁷ См.: Родина Н. Метафора как средство создания нового значения // Нефилология. 2020. № 6 (23). С. 456–463.
- ²⁸ См.: Щербак А. Указ. соч. С. 7–11.
- ²⁹ См.: Пирс Ч. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович [и др.] ; ред. Л. Макаева [и др.]. М. : Логос, 2000.

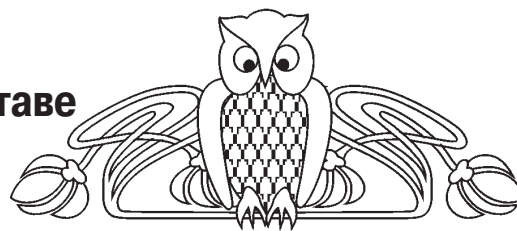
Поступила в редакцию 31.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 02.11.2020
Received 31.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 02.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37–40
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 37–40

Научная статья
УДК 811.112.2*282.3
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-37-40>

К вопросу о фразеологическом составе островных немецких говоров

Н. Л. Гончарюк

Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55

Гончарюк Наталья Леонидовна, старший преподаватель кафедры лингводидактики и второго иностранного языка, paleo@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2241-8101>

Аннотация. В статье рассматривается проблема исследования диалектной фразеологии островных немецких говоров. Тот факт, что островные немецкие говоры были долгое время изолированы и подвергались воздействию русского языка и русскоязычного окружения, отразился на фразеологическом составе говоров и объясняется факторами, определяющими тенденции в национальных процессах ассимиляции.

Ключевые слова: диалектная фразеология, фразеологический состав, фразеологизм, фразеологическое сочетание, фразеологическое единство, фразеологическое сращение

Для цитирования: Гончарюк Н. Л. К вопросу о фразеологическом составе островных немецких говоров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 37–40. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-37-40>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-37-40>

To the issue of the phraseological stock of insular German dialects

Natalia L. Goncharyuk, paleo@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2241-8101>

Altai State Pedagogical University, 55 Molodezhnaya St., Barnaul 656031, Russia

Abstract. The article discusses the problem of dialect phraseology research of insular German dialects. The fact, that insular German dialects were isolated and influenced by the Russian language and the Russian-speaking environment for a long time, has affected the phraseological stock of the dialects and can be explained by the factors which determine the tendency in the ethnic assimilation processes.

Keywords: dialect phraseology, phraseological stock, phraseological unit, phraseological combination, phraseological unity, phraseological fusion

For citation: Goncharyuk N. L. To the issue of the phraseological stock of insular German dialects. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 37–40 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-37-40>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Изучение фразеологии диалектов в последние годы стало одной из актуальных задач науки об устойчивых сочетаниях, так как диалектная лексика и фразеология представляют собой источники исторической и страноведческой информации, являются хранителями реликтовых образований, дающих возможность вскрыть древние языковые слои¹. Очень активно изучается русская диалектная фразеология (Т. С. Коготкова², Л. А. Ивашко³, А. И. Федоров⁴), фразеология диалектов немецкоговорящих стран находится в стадии разработки (Э. Пирайнен⁵, Л. Б. Копчук⁶), а исследования по фразеологии островных немецких говоров практически отсутствуют.

В качестве задач диалектной фразеологии выдвигаются сбор диалектного фразеологического материала и его интерпретация, выделение различных типов фразеологических единиц в диалектной речи, исследование фразеологических взаимосвязей между народными говорами и литературным языком, выявление местного и общенародного во фразеологии, грамматической и семантической специфики диалектных фразеологизмов, необходимых для дальнейшего развития и разработки синхронической, диахронической и сравнительной фразеологии.

Поскольку диалекты существуют в устной форме, их фразеологический состав отличается

исключительной мобильностью и разнообразием. Сюда относятся как фразеологические единицы, неизвестные общенародному языку, так и фразеологизмы, которые попали в говоры из книжного языка, трансформировавшись или сохранившись в своем первоначальном виде, а также многочисленные устойчивые обороты, еще не нашедшие отражения в словарях литературного языка. Речевой характер фразеологии способствует появлению различных формальных и семантических модификаций фразеологических единиц, широкой варьированности фразеологизмов в диалектной речи, образованию новых устойчивых сочетаний⁷.

В сфере фразеологии наиболее полное отражение находят следующие лексико-семантические особенности диалектного словарного состава:

1) диалектную лексику отличает высокая степень лексико-словообразовательной, лексико-морфологической и лексико-семантической вариативности;

2) большая дифференцированность лексики эмоционально-стилевого характера, развитая образная множественность обозначений, предметная дробность наименований, многочисленность дублетно-синонимических пар и рядов слов обуславливают другую организацию словарного состава, в особенности избыточность плана выражения некоторых лексико-семантических полей при недостаточности и неразвитости других;

3) диалектной лексике, которую отличает богатая синонимика, в значительно меньшей степени свойственна многозначность. Стремление диалекта к конкретности и точности выражения препятствует развитию полисемии и приводит к использованию в сфере обозначений реалий предметного содержания по преимуществу моносемичной лексики. Кроме того, для многих диалектных лексических единиц характерна диффузность семантики в том случае, если смысловая неопределенность слов с большой семантической значимостью приводит к их десемантизации, вплоть до достижения ими уровня служебных слов⁸.

Диалектная лексика и фразеология в историческом плане представляют собой фундамент, на котором развивалась лексико-фразеологическая система литературного языка, однако и в настоящее время они остаются важнейшим резервом пополнения литературного словарного состава. В то же время диалект и диалектная лексико-фразеологическая микросистема постоянно обновляются за счет словарного состава литературного языка.

Рассматривая фразеологию островных немецких говоров, следует обратить внимание на то, что в них немецкий язык, несмотря на возобновление связей с Германией, остается все-таки изолированным и, соответственно, не имеет возможности взаимодействовать с немецким литера-

турным языком, а это приводит к стагнации диалектов на лексико-семантическом уровне. Данное явление можно ликвидировать двумя способами: используя заимствования из русского языка, а также за счет многоязычного общения.

В селах Немецкого национального района Алтайского края и в селах других регионов немецкий диалект наряду с русским языком является средством коммуникации и достаточно активно употребляется в относительно замкнутых сообществах, которые объединены территориально, а также в хозяйственном, культурном и языковом отношениях. Там немецкие диалекты были изолированы от основного языкового коллектива долгое время, подвергаясь воздействию иноязычного, а именно русскоязычного окружения. Это воздействие в значительной степени отразилось не только на лексике немецких диалектов, но и на их фразеологическом составе.

Островные немецкие говоры Алтайского края образуют три основных диалектных ареала: ниже-, средне- и южнонемецкий. Попав в положение иноязычных языковых островов, немецкие говоры начали развиваться своими особыми путями. И как результат изоляции от основного языкового коллектива произошло формирование целого ряда специфических фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей, обусловленных внутренними законами их развития. В то же время структура немецких диалектов длительное время подвергалась и продолжает подвергаться воздействию инодиалектного и иноязычного окружения, что вызвало ее своеобразные изменения и привело к интенсификации процессов выравнивания и унификации⁹.

Фразеологизмы островных немецких говоров могут частично или полностью совпадать с фразеологизмами современного немецкого литературного языка либо вообще не имеют эквивалентов в немецком литературном языке. Это связано с сильным влиянием русского языка и русскоязычного окружения, а также является результатом консервации, благодаря которой был сохранен особый словарный состав исходного языкового коллектива.

Сравнив фразеологизмы островных немецких говоров с немецким языковым стандартом и проанализировав их, мы предлагаем разделить диалектные фразеологизмы на три группы:

1) фразеологизмы, полностью совпадающие с фразеологизмами современного немецкого литературного языка: диалект. *ruhig wie a Mäusche sein* – нем. *ruhig wie eine Maus sein* – рус. *быть тихим как мышь*;

2) фразеологизмы, частично совпадающие с фразеологизмами современного немецкого литературного языка: диалект. *taab wi Penj* – нем. *taub wie eine Nuss* – рус. *глухой как пень*;

3) фразеологизмы, не имеющие аналогов в современном немецком литературном языке:

диалект. *Wie so e Ferd schuften* – рус. *работать, калывать*.

А теперь рассмотрим каждую из трех групп фразеологизмов в отдельности, разграничивая виды фразеологических единиц на основании классификации академика В. В. Виноградова¹⁰. В данной классификации фразеологические единицы делятся на группы с точки зрения угасания мотивированности и возрастания идиоматичности компонентов: 1) фразеологические сочетания, в которых только один компонент употреблен не в прямом денотативном значении; 2) фразеологические единства, характеризующиеся идиоматичностью в большей мере, так как в них в неденотативном значении употреблены оба семантически ведущих компонента; 3) фразеологические сращения, в которых семантические связи значений компонентов полностью разорваны с денотативными.

Около 50% анализируемых фразеологизмов составляют фразеологические единицы, полностью совпадающие с фразеологическими единицами современного немецкого литературного языка, при этом они имеют фонетическое оформление, характерное для диалекта. При дальнейшем рассмотрении видно, что данные фразеологизмы, как структурно, так и семантически совпадают с соответствующими фразеологизмами современного немецкого литературного языка:

– диалект. *korz un gut* – нем. *kurz und gut* – рус. *короче говоря* (фразеологическое сращение);

– диалект. *aus m Häusje komme* – нем. *aus dem Häuschen kommen* – рус. *выйти из себя* (фразеологическое единство);

– диалект. *en Ohnmacht falle* – нем. *in Ohnmacht fallen* – рус. *упасть в обморок* (фразеологическое сочетание).

Большую часть фразеологизмов первой группы (совпадающих с фразеологизмами немецкого литературного языка) составляют фразеологические сочетания, а фразеологические единства и фразеологические сращения составляют вместе оставшуюся часть (примерно 40%). Мы полагаем, что данные фразеологизмы попали в диалекты от самых первых переселенцев из Германии, которые долгое время были монолингвами и не владели языком окружения.

Но со временем русскоязычные понятия проникли в немецкие островные говоры. Х. Франк¹¹ полагает, что подобная проблема проникновения иноязычных понятий существовала еще во времена колонизации. Это связано с тем, что с внешним миром коммуникация была незначительной, и объема немецкого лексикона было вполне достаточно для общения переселенцев между собой. Однако в результате дальнейшего технического и экономического развития, а также по причине «рассеивания» немцев начали возникать языковые проблемы. Взаимодействие с непривычным образом жизни, ситуациями и

профессиями, являющимися специфичными для страны проживания и не имеющими никакого соответствия в немецком языке, стало причиной того, что русские понятия интегрировались в словарный состав немецких диалектов.

Вторую по величине группу исследуемых единиц составляют фразеологизмы, частично совпадающие с фразеологическими единицами немецкого литературного языка. В данной группе также больше всего фразеологических сочетаний. При анализе данных фразеологизмов можно увидеть полное или частичное сохранение грамматической структуры соответствующей фразеологической единицы современного немецкого литературного языка: диалект. *ens Gehe komme* – нем. *in Gang kommen* – рус. *прийти в движение*. Но при этом:

1) две фразеологические единицы способны соединяться в одну, что можно объяснить как методом усиления экспрессивности, так и влиянием русского эквивалента: диалект. *s schütt wie ausm Eimer* – нем. *es regnet wie aus Eimern; es schüttet* – рус. *льёт как из ведра*;

2) может не совпадать лексический состав фразеологизма: глагол и/или существительное заменяются, как правило, диалектным или русскоязычным синонимом: диалект. *'n gute Barisch mache* – нем. *einen großen Profit machen* – рус. *получать барыш*; диалект. *sich vom Fleck mache* – нем. *sich vom Fleck bringen* – рус. *сдвинуть с мёртвой точки*;

3) наряду с заменой лексического элемента также возможно добавление предлога под влиянием русскоязычного фразеологизма: диалект. *in dr Otschered stehe* – нем. *Reihe stehen* – рус. *стоять в очереди*;

4) наблюдается несоответствие падежа именной части составного именного сказуемого: диалект. *is dr Deiwel selbst* – нем. *ist des Teufels* – рус. *быть суицим дьяволом*;

5) мы наблюдаем вариативность в употреблении предлога: диалект. *iwere dr Hund komme* – нем. *auf den Hund kommen* – рус. *прийти в упадок*;

6) в единственном фразеологическом сращении предлог передвигается в начало, а на его место ставится союз: диалект. *iwere Hals un Kopp* – нем. *Hals über Kopf* – рус. *опрометью, второпях*.

При комплексном рассмотрении данных особенностей можно предположить, что некоторые из этих изменений связаны с развитием билингвизма, т. е. владением двумя языками в степени, обеспечивающей возможность общения на каждом из них¹². Они произошли в результате проникновения русского языка в сферу повседневной жизни российских немцев в условиях «контактирования немецкого и русского языка на неофициальном уровне общения как средств коммуникации»¹³.

Наименьшую группу составляют фразеологизмы, не совпадающие с фразеологизмами не-

мецкого литературного языка. В данной группе, как и в двух предыдущих, тоже больше всего фразеологических сочетаний и всего лишь по три фразеологических сращения и фразеологических единства.

Фразеологические единства оформлены по законам немецкого языка, но являются «кальками» соответствующих фразеологических единств русского языка: диалект. *die Scharike müssen rolle* – рус. *нужно шевелить мозгами*.

Представленные фразеологические сращения также являются «кальками» русскоязычных: диалект. *auf einen Zahn* – рус. *на один зубок, мало (о еде)*.

Сравнения в составе фразеологических сочетаний часто не имеют ни семантических, ни структурных эквивалентов в современном немецком языке, так как включают в себя либо реалии, связанные с Россией: диалект. *Der Kopp hot mr g'brummt wie 'n Samowar*. – рус. *Моя голова трещала как самовар*, либо описывают явления, характерные только для нашей страны: диалект. *wie in dr Bud noch Lewrworscht* – рус. *как в магазине за колбасой*.

Таким образом, на основе анализа фразеологизмов островных немецких говоров можно сделать вывод, что диалектные фразеологические единицы на грамматическом уровне не всегда соответствуют фразеологическим единицам немецкого литературного языка, а на лексическом уровне часто не совпадают некоторые элементы ФЕ. Кроме того, в качестве заимствований очень часто используется разговорная лексика русского языка, что указывает на сильное влияние окружающей русскоязычной среды.

Все сказанное можно подтвердить факторами, определяющими течение процессов этнической ассимиляции. В первую очередь, это развитие русско-немецкого билингвизма, которое стало достаточно массовым стойким явлением и, как утверждает Т. Б. Смирнова¹⁴, может считаться одним из этнических признаков российских

немцев. Кроме того, произошло значительное влияние русской культуры на немецкую традиционную культуру, что также, безусловно, нашло свое отражение в языке российских немцев.

Примечания

- 1 См.: *Кончук Л.* Лексика и фразеология немецких диалектов : учеб. пособие для студентов университетов и факультетов иностранных языков. СПб. : ООО «Береста», 2002. С. 3.
- 2 См.: *Коготкова Т.* Русская диалектная фразеология. М. : Наука, 1978.
- 3 См.: *Ивашко Л.* Очерки русской диалектной фразеологии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981.
- 4 См.: *Федоров А.* Изучение русской сибирской диалектной фразеологии в лингвоэтнографическом аспекте // Гуманитарные науки Сибири. 1998. № 4. С. 78–81.
- 5 См.: *Piirainen E.* Phraseologie der westmünsterländischen Mundart. Teil 1 und 2. (Lexikon der westmünsterländischen Redensarten). Baltmannsweiler : Schneider Verlag Hohengehren, 2000.
- 6 См.: *Кончук Л.* Указ. соч.
- 7 См.: *Ивашко Л.* Указ. соч. С. 6.
- 8 См.: *Кончук Л.* Указ. соч. С. 36.
- 9 См.: *Москалюк Л.* Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2002. С. 6.
- 10 См.: *Виноградов В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 140–161.
- 11 См.: *Frank H.* Zur sprachlichen Entwicklung der deutschen Minderheit in Rußland und in der Sowjetunion. Frankfurt a/M ; Berlin ; Bern ; N. Y. ; Paris ; Wien : Lang, 1992.
- 12 См.: *Смирнова Т.* Немцы Сибири : этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 42.
- 13 *Москалюк Л.* Указ. соч. С. 19.
- 14 См.: *Смирнова Т.* Указ. соч. С. 88.

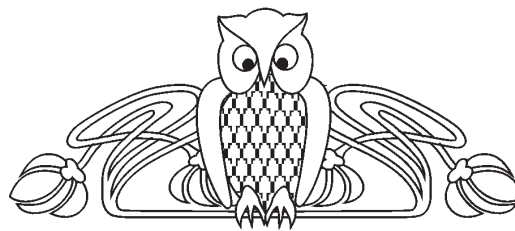
Поступила в редакцию 12.08.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 12.08.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 41–50
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 41–50

Научная статья
УДК 82.0
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-41-50>

Предрассудок как прецедентный феномен: роль сложных образов в условиях диалога культур (на материале поликультурного художественного текста)

П. С. Артемьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Артемьева Полина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, polina-artem@yandex.ru, <https://orcid.org/000-0002-0033-775X>

Аннотация. В статье рассматриваются предрассудки как явление культуры, описываются особенности функционирования предрассудков в поликультурном художественном тексте и обсуждается возможность отнесения их к числу национально-прецедентных феноменов. Особое внимание уделяется образам, прецедентным ситуациям, традициям и артефактам.

Ключевые слова: предрассудок, поликультурный художественный текст, прецедентный феномен, артефакт

Для цитирования: Артемьева П. С. Предрассудок как прецедентный феномен: роль сложных образов в условиях диалога культур (на материале поликультурного художественного текста) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 41–50. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-41-50>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-41-50>

A superstition as a precedent phenomenon: The role of complex images in the context of the dialogue of cultures (Based on a multicultural literary text)

Polina S. Artemieva, polina-artem@yandex.ru, <https://orcid.org/000-0002-0033-775X>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article discusses superstitions as a cultural phenomenon, the author describes the features of their functioning in a multicultural literary text and discusses the possibility of classifying them as national precedent phenomena. Particular attention is paid to images, precedent situations, traditions and artifacts.

Keywords: superstition, multicultural literary text, precedent phenomenon, artefact

For citation: Artemieva P. S. A Superstition as a precedent phenomenon: The role of complex images in the context of the dialogue of cultures (Based on a multicultural literary text). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-41-50>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«Азиато-американское литературное движение стало одним из самых динамичных в истории американской литературы и всего лишь за три десятилетия добилось всеобщего признания»¹. К авторам данного направления относятся Максин Хонг Кингстон (Maxsin Hong Kingston), Эми Тан (Amy Tan), Моника Сун (Monika Soon), Сюй Синь Фар (Sui Sin Far), Оното Ватана (Onoto Watanna), Этси Сугимото (Etsy Sugimoto), Джейд

Сноу Вонг (Dgeid Snou Vong) и др. Их произведения обретают популярность и за рубежом, так как появляются многочисленные переводы. Некоторые из романов Эми Тан переведены на русский язык, такие как “The Joy Luck Club” («Клуб радости и удачи») и “The Hundred Secret Senses” («Сто тайных чувств»).

Повышенное внимание читателей к подобного рода поликультурным текстам во многом

обуславливает интерес исследователей к данному типу литературы. Постараемся провести настоящее исследование в рамках теории прецедентности.

Возникновение лингвистической теории прецедентности относится ко второй половине XX в. Понятия «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция» находим в трудах Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Ю. Е. Прохорова, В. Г. Костомарова, А. Е. Супруна, В. В. Красных, Н. Д. Бурвиковой и др. Согласно работам В. В. Красных, к прецедентным относятся события, явления, предметы, названия, высказывания и, как отмечает П. С. Артемьева в своей кандидатской диссертации, образы и символы. В. И. Захаренко в работе «Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов» считает, что «прецедентные феномены являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке»². На наш взгляд, для исследования художественных текстов важно учитывать, что писатель может использовать разные типы прецедентных феноменов, опираясь на свою этнокультурную принадлежность. Автор применяет его и как специальный приём, показывающий этнокультурную принадлежность своего персонажа.

Остановимся более подробно на лингвокультурологическом анализе романа Эми Тан «The Bonesetter's Daughter» («Дочь Костоправа»), впервые изданного в 2001 г. и отражающего многие особенности поликультурного текста.

В работе постараемся сосредоточиться на решении следующих задач: 1) раскрыть образ двойственности как текстовую фигуру выдвижения, которую автор использует для акцентуации предрассудков в сопоставляемых культурах Востока и Запада; 2) рассмотреть возможность отнесения предрассудков к числу национально-прецедентных феноменов; 3) показать актуальность для поликультурного художественного текста образов одиночества и возвращения к корням, а также рассмотреть некоторые способы их формирования; 4) выявить наличие прецедентных ситуаций в поликультурном художественном тексте и показать их особую значимость для подобного типа текстов; 5) рассмотреть национально-прецедентные ситуации в поликультурном художественном тексте как сюжетобразующие элементы текста.

Роман Эми Тан «The Bonesetter's Daughter» («Дочь Костоправа») посвящен вопросам диалога поколений и культур, поиску этноидентичности, попытке осмысления влияния реалий одной культуры на формирующуюся новую реальность персонажа в другой культуре. Постараемся рассмотреть возможности тексто-

вого моделирования ситуации, традиционной для культуры Востока, на американской земле и выявить эффективность протекания межкультурной коммуникации, а также допустимость её формирования в целом с позиции 'успешности – неуспешности'.

Рут организует на американской земле праздник Полной луны (или праздник Середины осени), принадлежащий культуре Китая. В Китае к празднику Луны готовятся заранее, на него съезжаются родственники, проводятся беседы в дружелюбном и добродушном духе. Р. Джарылгасинова и М. Крюков, исследуя календарные обычаи народов Восточной Азии, отмечают, что «обычай требовал в праздник Середины осени ставить на стол разнообразную снедь <...> что символизировало изобилие и процветание дома»³. Центральным смыслом данного праздника является воссоединение семьи, что ярко отражено в тексте романа: <...> *she feared that once the older generation was gone, that would be the end of the family tie*⁴ – <...> она боялась, что как только уйдёт старшее поколение, это будет конец семейным связям (здесь и далее перевод с английского наш. – П. А.).

Рут тщательно продумывает, какое место избрать для проведения встречи, как расположить гостей, какие блюда заказать и в какой последовательности организовать их подачу. Рут заранее готовит слова, способные передать её благодарность многим из родственников, которые помогли ей стать такой, какая она есть. Так автор подчёркивает, что у праздника есть наполненность значимыми национально-культурными смыслами, однако американская действительность врывается в формирующуюся ситуацию: Арт (американский муж Рут) начинает настаивать на присутствии своей бывшей жены и её новой семьи, поскольку для него это всего лишь ужин: *Besides, it's the only chance my folks will have to see her before they leave for Carmel* (36) – *Кроме того, это единственный шанс для моих родителей увидеть её перед своим отъездом в Кармел*. Согласно смысловой концепции праздника в понимании Рут, присутствие бывшей жены напоминает о том, что «прошлое не всегда было хорошим и будущее не определено» (“the past was not always good and the future was uncertain” (36)). В процессе проведения праздника возникают неловкие моменты: “*Hey, are we in the white ghetto or what?*” *Wendy called out* (38) – «Эй, мы в белом гетто или что?» – воскликнула Вэнди. Замечание обусловлено невольным расположением гостей – китайцы за одним столиком, американцы за другим: “*Watch it! Spy talk!*” *Dory called from the other table* (41) – «Посмотрите на это! Шпионский разговор», – заметила Дори из-за другого столика (в тот момент, когда Рут стала говорить со своей матерью по-китайски из-за недостаточного знания последней английского языка). Дочери Арта Фиа и Дори позволяют себе недоста-

точно вежливое поведение, опаздывают к началу торжества, называют одно из блюд китайской кухни “jiggling mound of jellyfish” (38) («покачивающаяся горка медуз») словом “worms” (38) («черви»), чувствуя свою безнаказанность, обусловленную попеременным проживанием их то в доме Арта (отца), то в семье его бывшей жены Мириам.

Кульминацией праздника можно условно назвать тот момент, в котором Рут дарит своей матери Лу Линь фотографию из прошлого как нечто значимое (на фотографии изображены Гао Линь и Лу Линь, стоящие рядом с матерью). Реакция Лу Линь неожиданна и выступает в функции смыслового механизма формирования образа двойственности в романе. Рут узнаёт то, что женщина на фотографии – это мать Гао Линь, в то время как Лу Линь и Гао Линь – всего лишь невестки, а не сестры. Эти новые проявившиеся знания заставляют Рут вспомнить о непрочитанной рукописи своей матери, написанной на китайском языке и вот уже пятый год лежащей у неё в одном из ящиков рабочего стола. Когда Лу Линь достаёт маленькую фотографию Драгоценной Тётушки (“Precious Auntie”) и объясняет, что это её настоящая мать, Рут рассматривает снимок как изображение няни Лу Линь: “*That was your nursemaid, she coaxed. “I guess you’re saying she was like a mother to you”* (40) – «То была твоя няня, – попыталась убедить Рут. – Я полагаю, ты говоришь, что она была как мать для тебя». Только тогда Лу Линь начинает понимать то, что её дочь Рут не читала о событиях, произошедших с ней в то время, когда она жила в Китае.

Так автор разными сюжетными ходами формирует повтор важного элемента текста о том, что в прошлом Лу Линь не читала рукописи своей матери, в которой была заключена информация, «с чего всё начиналось» (“*how things begin*” (66)), и по этой причине в доме, где жила Лу Линь, произошла трагедия самоубийства Драгоценной Тётушки, за которой последовало отправление Лу Линь в миссионерский приют. А в настоящем, в американской действительности, у Рут не находится времени, чтобы прочесть то, что мать пытается донести до неё, передавая написанную от руки историю своей жизни: “*They were pages written in Chinese, her mother’s writing. Lu Ling had given them to her five or six years before. “Just some old things about my family”, she had said* (5) – «Это были страницы, написанные на китайском языке почерком её матери. Лу Линь дала их ей пять или шесть лет назад. «Всего лишь некоторые старые вещи о моей семье», – сказала она. Отсюда в романе через образ двойственности появляются смысловые недопонимания и неправильные трактовки верениц происходящих событий. Рут считает Гу Ли Ксинь только няней своей матери и не знает, что именно она её бабушка; Лу Линь полагает, что Рут читала её рукопись, в то время

как это далеко не так; Лу Линь думает, что подаренный дочерью жемчуг настоящий, хотя он искусственный и не дорогой.

Пытаясь понять, относится ли невосприятие Лу Линь образа матери, отражённого на фотографии, к её болезни или к тому, что действительно есть какие-то иные знания, к которым Рут долго не обращалась, поскольку не находила времени ознакомиться с рукописью Лу Линь, Рут нанимает переводчика через лингвистический колледж Арта.

Формированием образа возвращения к корням служат воспоминания матери, передаваемые через рукопись, вводимую в произведение как особый текст в тексте. Последовательности событий в прошлом во многом определяют то, что происходит в настоящем. Источник несчастий, происходящих на «новой земле» (“*unaccustomed earth*”)⁵, Лу Линь ищет в тех событиях своей предыдущей реальности (жизни в Китае), которые породили в ней чувство вины (гибель Драгоценной Тётушки, смерть Кай Джина); эти события отражают пересечения как минимум двух вариантов течения жизненных обстоятельств. В процессе осмысления того, почему произошло так, а не иначе, в сознании Лу Линь начинает возобладать менталитет китайской культуры, которая допускает объяснение происходящего через веру в такой предвзвешенность, как проклятие.

Далее на празднике Полной луны после недостаточно успешного получения подарка от Рут Лу Линь дарит Рут ожерелье: “*It was a necklace of irregularly shaped black pearls* (40) – «Это было ожерелье из черных жемчужин неправильной формы. За этим следует микросюжет об истории появления жемчужин, важным элементом в котором является то, что дочь забыла о дне рождения матери, а когда вспомнила, то подарила то, что у неё было привезено с отдыха в другой стране: “*a twenty-dollar bit of glassy junk to wear against sweaty skin on a tropically bright day* (41) – «двадцатидолларовый кусочек стекла, который можно носить на потной коже в яркий тропический день. Но для матери эта вещь все равно очень дорога и ценна: “*Best things take now”, Lu Ling went on. “No need wait to I dead”* (40) – «Лучшие вещи бери сейчас, – продолжила Лу Линь. – Нет нужды ждать, пока я умру». Привлекая элементы контраста, наличие недопонимания, некоторого неприятия (и в том числе со стороны равнодушно-спокойных американцев), автор подчёркивает невозможность организовать типичный для культуры Китая, наполненный радостью праздник Середины осени – Полной луны на иной земле, даже несмотря на то, что Рут, следуя китайской традиции праздника, раздаёт детям обёрнутые коробочки с лунными пряниками и шоколадными зайцами, хотя это, безусловно, можно рассматривать как один из успешных моментов встречи: “*Ruth then passed out wrapped boxes of moon cakes and chocolate rabbits to the*

children (39) – *Рут затем раздала детям обёрнутые коробочки с лунными пряниками и шоколадными зайцами.*

Обращение к форме дневниковой записи о прошедших событиях позволяет автору перенести место событий из Америки в Китай и ярче отразить наполненную этноколоритом окраску следующего предрассудка, являющегося важным для передачи менталитета типичного китайца в поликультурном художественном тексте. Рассмотрим формирование образа двойственности, который сопровождает предрассудок и порожденные верой в него события.

В то время пока Старая Бабушка (согласно рукописи Лу Линь) была жива, семья принимала её веру в призраков и допускала то, что к ней во сне пришёл дух Ху Сена (её погибшего младшего сына) и повелел семье оставить у себя его невесту и воспитать его ребёнка. Так в тексте появляется ложная информация о том, что Лу Линь является дочерью Первой Жены, а Драгоценная Тётушка её няней. Оказавшаяся в двусмысленной ситуации, вызванной к жизни верой в призраков, девочка Лу Линь по мере взросления начинает обращать внимание на то, что её позиция как старшей дочери первой женщины в доме не соответствует отношению к ней. Она наивно полагает, что своим хорошим поведением, послушанием сможет добиться похвал матери, большей доброты и внимания к себе. Лу Линь не может понять то, что взрослые вокруг неё играют заранее заданные роли. Желание утвердиться приводит к ряду нелепых споров, вере в то, что она своим поступком (вступлением в брак) сможет занять весомое положение в доме, стать предметом разговоров.

В одном из споров Лу Линь с Драгоценной Тётушкой автор упоминает один из вариантов восприятия событий прошлого, приведших к появлению Драгоценной Тётушки в доме. По версии семьи, в день свадьбы её отец, Известный Костоправ ("Famous Bonesetter"), был пьян и погиб, выпав из повозки, а Самого Младшего Дядю ("Baby Uncle") Ху Сена смертельно ударила его собственная лошадь. Однако, по словам Драгоценной Тётушки, в день её свадьбы Ченг переоделся в костюм монгольского бандита, убил её отца и, перевернув повозку, украл приданое. Ху Сен (жених), осознав масштаб разорения, горечь невесты от гибели отца, глубоко переживая эту трагедию, переполнился решимостью к отмщению и выстрелил в воздух, что привело к тому, что его строптивая лошадь ударила его: *Precious Auntie did not see the kick that killed Baby Uncle* (75) – *Драгоценная Тётушка не видела удар, который убил Самого Младшего Дядю* (от удара Ху Сен погиб). Так в тексте начинают формироваться понятия о некоей двойственности окружающей действительности: возникавшие в жизни события порождались верой в предрассудок. В понимании термина «предрассудок» будем сле-

довать определению С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, которое приводится в Толковом словаре русского языка: «предрассудок – это ложный, но укоренившийся в сознании взгляд на что-либо»⁶.

Лу Линь, сама не зная того, заявляет няне (своей истинной матери), что не она должна определять её судьбу. Нежелание девочки узнать правду о своём происхождении из рукописи Драгоценной Тётушки приводит к трагическому событию – самоубийству няни. После случившегося семья перестает скрывать правду о происхождении Лу Линь – так происходит разрушение вызванной к жизни верой в предрассудок вереницы событий. Наблюдается наличие своего рода авторского приёма построения образа (жизни благополучной китайской семьи, занимающейся изготовлением и продажей чернильных палочек) через разрушение (вызванных к реальности, навязанных предрассудком верениц событий). Семья Ченгов из опасений того, что призрак мёртвой Драгоценной Тётушки будет преследовать их, отказывается от брака с Лу Линь, согласие на который уже было получено по результатам заранее проведённых переговоров: *The letter said that if I joined the Chang household, Precious Auntie would come to stay as a live-in ghost, haunting them forever. <...> the Chang wife left, scared out of her wits* (92) – *В письме говорилось о том, что если бы я присоединилась к дому Ченгов, Драгоценная Тётушка стала бы постоянно преследующим у них привидением, вечно преследующим их. <...> Жена Ченга ушла напуганная до безумия.*

Спустя две недели после гибели Драгоценной Тётушки в семейном магазине по продаже чернил в Пекине происходит пожар: *"Gone", Little Uncle said. His teeth chattered as if he were cold. "Everything's burnt up. We're finished". "Last night, he said, Precious Auntie came to Father <...> and Father instantly knew she was ghost and not an ordinary dream"* (93) – *«Исчезло», – сказал Маленький Дядя. Его зубы стучали как будто бы он замёрз. «Всё сгорело. Мы на мели. В прошлую ночь, – сказал он, – Драгоценная Тётушка пришла к Отцу <...> и Отец сразу же знал то, что она была призраком, а не обычным сном».* Так в романе вновь появляется тема веры в призраков. Роль предрассудка проявляется в его влиянии на формирование событий реального бытия. Это указывает на то, что в китайской культуре предрассудок наполнен ценностной значимостью.

Члены семьи допускают двойственность в понимании последовательностей событий в рамках происходящей ситуации, причинно-следственную связь объясняют не логикой, а верованиями во вмешательство призраков в судьбу людей. Все понимали нарушение ритуала похорон Драгоценной Тётушки (*Mother ordered Old Cook to put the body in a pushcart and throw it over the cliff* (92) – *Мать приказала Старому Повару положить тело в ручную тележку и сбросить его с обрыва*), но возникающее чувство несправед-

ливости трансформировали в чувства опасения и страха перед образом обиженного и мстящего привидения.

Остановимся более подробно на следующих эпизодах, являющихся значимыми для передачи образа двойственности в романе. Две девочки, получив деньги для покупки хорошей еды, пытаются найти на базаре что-то, в чём всегда отказывали себе, но продукты не кажутся им свежими, ничто не вызывает желания их купить. На одной из прилегающих к базару улиц они встречаются с бедной девушкой, гадалкой, объявляющей о том, что «привидение хочет поговорить» с ними (*"A ghost is now waiting to speak to you"* (95)). Гао Линь и Лу Линь принимают решение выслушать гадалку, которая начинает писать тонкой палочкой на песке слова, передавая речь призрака: *"A dog howls, the moon rises <...> A rooster crows, the sun rises (96)"* – «Собака воет, луна поднимается» <...> «Петух кричит, солнце встаёт». Из-за того, что Лу Линь эти слова кажутся настолько близкими к её действительности, она отдаёт девушке все свои карманные деньги: *Gao Ling asked me why I had given the money for nonsense about a dog and a rooster <...> Precious Auntie said "I was the dog who betrayed her", I told Gao Ling at last. <...> "That is one meaning. There are other"* (96) – Гао Линь спросила меня о том, почему я отдала деньги за чепуху о собаке и петухе <...> «Драгоценная Тётушка сказала, что я была собакой, которая предала её, – наконец сказала я Гао Линь. <...> Это одно значение. Есть и другие».

Когда вся семья встречается во дворе дома, в саду, после посещения базара, все слушают рассказ Отца о том, как он встретил даосского священника (*"Taoist priest"*), оказавшегося Ловцом Привидений (*"the Catcher of Ghosts"*), и пригласил его в дом, для того чтобы тот поймал призрак Драгоценной Тётушки. За этот обряд Мать и Отец платят два серебряных слитка. Лу Линь замечает, что мантия священника-монаха отличалась от мантий странствующих монахов, у которых она была из хлопчатобумажной ткани песочного цвета: на Ловце Привидений был надет дорого выглядевший голубой шёлк. Автор описывает все этапы обряда и необходимые для его проведения предметы: банка из-под уксуса, верёвка, деревянный колокольчик и гребень из слоновой кости: *"It's over. She's caught. Go ahead. Try to open it, you try. Can't be done"* (97) – «Всё закончено. Она поймана. Смелее. Попытайся открыть это, ты попытайся. Это невозможно». Так у семьи появляется вера в то, что их неудачи закончились, что, однако, не мешает Матери отправить Лу Линь в иностранный приют для бездомных девочек со словами *"If you remain in the house, who can tell, the ghost might return"* (98) – «Если ты останешься в доме, кто может гарантировать, что привидение не вернется?». Позже Отец выясняет, что Ловец Привидений оказался фальшивым и вовсе не был монахом.

Так складывается ещё один из этапов формирования образа двойственности в романе, в основу которого положены зеркальные отражения событий: дети обращаются к гадалке, которой и верят и не верят одновременно; параллельно взрослые обращаются к священнику – Ловцу Привидений, платят ему хорошие деньги за обряд, но при этом сомневаются в том, что в результате этого действия призрак действительно оказывается надёжно запертым в банке из-под уксуса. Образ двойственности, начинающий окружать предвзгляд, автор использует как средство, помогающее передать в тексте эволюцию менталитета типичного представителя китайского лингвокультурного сообщества.

Оказавшись в приюте, расположившемся в здании монастыря, который в течение времени занимали то даосские, то буддистские монахи, Лу Линь впервые сталкивается с иностранными и китайскими учёными, занятыми на раскопках Пекинского Человека в карьере у подножия холма Кость Дракона. Как и другие девочки, она становится непосредственным участником этих событий. Так автор вводит в текст прецедентную ситуацию раскопок Пекинского Человека и через действия ребёнка показывает её изнутри как значимую для истории Китая: *I also knew that Peking Man was the bones not just from one person, but from many men, women, children, babies* (102) – Я знала также, что Пекинский Человек был костями не только от одного человека, но и от многих мужчин, женщин, детей, младенцев. Важность проводимых раскопок Пекинского Человека передается в тексте словами молодого китайского учёного Кай Джина, произнесенными им на занятии по геологии: *He drew pictures on the chalkboard of icy floods and fiery explosions from underneath, of the skull of Peking Man and how it was different from a monkey's, higher in the forehead, more room for his changing brain <...> Ancient Peking Man could stand up and walk. We see this by the way his bones are formed, the footprints he left in the mud. He used tools* (114) – Он рисовал на классной доске картинку схода ледников и извержений вулканов, черепа Пекинского Человека и того, как он отличался от черепа обезьяны – выше в районе лба и больше места для его меняющегося мозга <...> Древний Пекинский Человек мог стоять и шагать. Мы видим это по тому, как были сформированы его кости и по отпечаткам ступней, которые он оставил на земле. Он использовал примитивные орудия труда.

Такая детализация выступает механизмом текста, используемым автором для того, чтобы обратить внимание читателя на особую значимость данной прецедентной ситуации для культуры и истории Китая. Если археологические раскопки затрагивали только одну небольшую область Китая, то начавшаяся война с Японией вольно или невольно охватывает всё насе-

ление Китая, и такая прецедентная ситуация, как война отодвигает своей масштабностью и разрушительной силой другую прецедентную ситуацию, не менее важную для передачи культурного этноколорита Китая в поликультурном художественном тексте, а именно ситуацию раскопок Пекинского Человека: *Because of the war, it was too dangerous for anyone to work in the quarry anymore. Most of the scientists had fled for Peking, leaving behind almost everything except the relics of the past* (112) – *Из-за войны это было слишком опасно для кого-либо работать в карьере далее. Большинство учёных в спешке бежали в Пекин, оставляя позади практически всё, за исключением реликвий прошлого.* Во время войны результаты раскопок теряют свою ценность. Согласно приводимым автором двум версиям судьбы археологических находок, коробки оказываются либо затопленными в бухте, либо раздавленными колёсами военных машин: *They've disappeared. All the pieces of forty-one ancient people* (117) – *Они исчезли. Все кусочки сорока одного древнего человека.*

В тексте пересекаются значимые для народа Китая две прецедентные ситуации, одна из которых направлена на то, чтобы воссоздать события далёкого прошлого. Другая, стремительно врываясь в судьбы людей, заставляет их меняться и служит текстовым механизмом, формирующим в сознании персонажей решительность к перемене, веру в то, что на иной земле можно положить конец страданиям и проклятьям. В оппозиции как авторском приёме чётче оттеняются для понимания читателем основные черты обеих ситуаций.

Лу Линь обращает особое внимание на то, что в комнатах монастыря было много деревянных статуй китайских богов – Жадеитовый Император (“Jade Ruler”), Богиня Милосердия (“the Goddess of Mercy”), Бог Литературы (“the God of Literature”) и др. Так в тексте происходит упоминание о предметах иной культуры, имеющих особое культурное значение. Для руководящих приютом американских миссионерок эти артефакты (артефакт культуры – это предмет искусства, ремесла, сделанный руками человека, в художественном тексте, как правило, несущий те или иные символические значения и смыслы⁷) не имеют никакого значения: *Miss Grutoff decided that we should convert the Chinese gods into Christians* (104) – *Мисс Грутофф решила, что мы должны превратить китайских богов в христианских.* Лу Линь полагает, что обращение статуй китайских богов в христианство неизбежно, так как этот приют принадлежит американцам: *If the gods could speak, they, too, would insist that the Christian deities have the better position <...> In this way, Buddha became fat Jesus, the Goddess of Mercy was Mary of the Manger* (105) – *Если бы боги могли говорить, они бы тоже настаивали на том, что христианские святые имели более лучшую позицию <...> Так Будда*

стал толстым Иисусом, Богиня Милосердия Девой Марией.

Упоминание о ещё одном, несколько ином артефакте в главе «Судьба» (“Destiny”) связано с эпизодом, где Лу Линь, перечитывая страницы рукописи Драгоценной Тётушки, в маленьком кармане обложки находит своё наследство, а именно кость-оракул. Если к статуям китайских богов наблюдалось отношение скорее как к заложникам ситуации, то в данном случае персонаж очень дорожит не до конца понятной ей реликвией. Драгоценная Тётушка когда-то сказала Лу Линь: *Now the scholars call these oracle bones, and they sell for twice as much. And the words on here? They're questions to the gods* (70) – *Сейчас учёные называют эти кости оракулы, и продаются они в два раза дороже. И слова здесь – это вопросы богам.* Так проявляется обращение автора к артефактам как к предметам, знаковым для какой-либо из взаимодействующих культур, с функцией передачи отношения персонажей к предметам, несущим значения этноколорита.

Миссионерский приют по замыслу автора выступает тем местом, где впервые прозвучат идеи о том, что забинтованные ступни, талисманы, опиум и рабы есть реалии, уходящие в прошлое, на смену которым приходят новые возможности:

We can study, we can learn,

We can marry whom we choose.

We can work, we can earn,

And bad fate is all we lose (100) –

Мы можем учиться, мы можем изучать,

Мы можем выйти замуж за того, кого мы выберем.

Мы можем работать, мы можем зарабатывать деньги,

И плохая судьба – это всё, что мы теряем.

В этой атмосфере пропагандируемых христианских ценностей Лу Линь долгое время продолжает размышлять о судьбе призрака своей Тётушки, о влиянии родового проклятья на возникающие в её жизни события. В одном из разговоров с Кай Джинном она пытается найти объяснение тому, почему так рано погиб её отец, почему Драгоценная Тётушка решила на отчаянный шаг самоубийства. Однако молодой учёный продолжает придерживаться мысли о том, что «нет таких вещей, как проклятья», что «предрассудок – это бесполезный страх» (“*There are no such things as curses <...> and a superstition is a needless fear*” (112)). Так автор передаёт появление новых убеждений, возникающих в среде образованной молодёжи того времени.

После того как США объявляют Японии войну, выступая союзниками Китая, Мисс Грутофф (директор школы на базе миссионерского приюта) объясняет своим коллегам, что оставаться на этой земле теперь опасно, и напоминает о последней возможности увести девочек в Пекин. Такая прецедентная ситуация, как война

Японии с Китаем, разрушает не только прошлое (результаты археологических раскопок), но и судьбы людей в настоящем: *Miss Grutoff shook her head. "The old monastery is gone. Destroyed. One of the other missionaries told me". We gasped. "The trees, the building, everything has been burned to the ground and scattered"* (121) – *Мисс Грутофф покачала головой. «Старого монастыря больше нет. Разрушен. Один из других миссионеров сказал мне. – Мы ахнули. – Деревья, здание, всё было сожжено до земли и развеяно».*

Когда становится известно о том, что Гао Линь, сопровождая больную Мисс Грутофф, уезжает в США, Лу Линь, Сестра Ю и учитель Пэн организуют небольшую вечеринку, на которой мечтают о скорой возможности посетить Америку. Лу Линь наивно верит в такое выражение, как «американская мечта», ставшее уже благодаря частотности своего употребления прецедентным. Приведём определение В. Познера, которое он даёт этому выражению в своей книге «Одноэтажная Америка»: «<...> в Америке любой человек может добиться всего, что он захочет»⁸. Предполагается, что в Америке своим трудом можно быстро заработать большие деньги, купить дом и дорогой автомобиль.

Позже реальность разрушает и эти представления. Так, в одном из писем к сестре в Гонконг Гао Линь пишет: *Life here is not so easy. And making money is not like we imagined. All those stories of instant riches, don't believe them. As for dancing, that is only in the movies. Most of the day, I clean houses. I am paid twenty-five cents* (124) – *Жизнь здесь не так легка. И заработать деньги не так просто, как мы это представляли. Все эти истории о внезапных богатствах – не верь им. Что касается танцев, это только в кино. Большую часть дня я убираю дома. Мне платят двадцать пять центов.*

Лу Линь оказывается в Гонконге в ситуации, когда на то, чтобы выехать в Пекин (с целью устроиться там учительницей и иметь возможность навещать своих старых друзей), у неё не только не хватает денежных средств, но её останавливает становящаяся всё более ожесточённой гражданская война: *The Nationalists would say you are a Communist because Kai Jing is now called one of their martyrs, and the Communists would say you are a Nationalist because you lived in an American orphanage* (127) – *Националисты сказали бы, что ты коммунистка, потому что Кай Джин сейчас называется одним из их погибших героев, а коммунисты сказали бы, что ты националистка, потому что ты жила в американском приюте.* По прошествии нескольких лет выполнения самых разных работ для поддержания своего существования Лу Линь получает вызов в Америку, организованный новыми знакомыми Гао Линь. Для того чтобы купить билет на пароход, она решается продать кость-оракул (так автор показывает, что артефакт, имеющий

для персонажа особое значение, связанное с воспоминаниями о прошлом, оказывается тем предметом, с которым расстаются, чтобы приобрести новые возможности развития в настоящем): *I said that the gift she had given me would now buy me my freedom* (129) – *Я сказала, что её подарок сможет купить мне сейчас свободу.* Обретение возможности уехать из Гонконга, переполненного беженцами со всех уголков Китая, даёт Лу Линь веру в то, что, покидая родную землю, она уедет туда, где нет более предвзглядов и где не действуют родовые проклятья.

Несмотря на то что первоначальные представления персонажей об Америке более похожи на образы отдалённой земли, на которой нет несчастий, вызываемых к жизни призраками, в судьбе Лу Линь вновь появляется вера в непреодолимое проклятье после того, как её дочь Рут в детстве ломает руку. Будучи маленькой девочкой, Рут оказывается в положении «связующего моста»⁹ между двумя культурами – Востока и Запада. Стремясь завоевать внимание одноклассников, она съезжает с опасной горки и ломает правую руку. Находясь дома после травмы, Рут принимает решение не разговаривать: *She thought about making a little sound so small no one would even hear. But if she did, then all the good things that were happening might disappear* (31) – *Она подумала о том, чтобы издать маленький звук, настолько маленький, что никто бы даже и не услышал. Но если бы она сделала это, тогда все хорошие вещи, которые происходили, могли исчезнуть.* Так в романе вновь проявляется образ двойственности, формируемый за счёт создания автором ложных ситуаций (Рут может говорить, но принимает решение молчать). Чтобы наладить контакт с дочерью, мать предлагает ей писать левой рукой на песке (косвенная отсылка к тому, что в Китае гадалки писали палочками на песке, эта аллюзия помогает передать пересечение культур в сознании персонажа), отвечая так на вопросы. Положение в классе завоёвано, лучшие девочки окружают её заботой. Дети воспринимают появившийся тип коммуникации (через песок на подносе) как увлекательную игру, но однажды после занятий Рут решается воспользоваться своим положением и просит у матери купить ей собачку, для этого она пишет на песке слово “doggie” («собачка»). Реакция матери поражает её появлением новых непосредственно с данным словом не связанных смыслов: “Doggie, doggie”, in Chinese. *She jumped up and her chest heaved. “Precious Auntie”, Lu Ling cried, “you’ve come back. This is your Doggie. Do you forgive me?”* (33) – *«Догги, догги», – по-китайски. Она вскопчила тяжело дыша. «Драгоценная Тётушка, – закричала Лу Линь, – ты вернулась. Это твоя Догги. Ты прощаешь меня?».* Так в атмосферу американской реальности врываются китайские понятия о призраках, проклятьях и вере в духов, что пугает маленькую Рут, и она начинает разговаривать, для того чтобы

прекратить принявший форму медиумического общения с усопшим предком сеанс общения посредством песка: *"Precious Auntie cure you?" Ruth nodded. "That mean curse gone?" "Yes, but she says she has to go back now. And she said I need to rest"* (34) – «Драгоценная Тётушка исцелила тебя? – Рут кивнула. – Это означает то, что проклятие окончено?». – «Да, но она говорит, что должна уйти сейчас. И она сказала, что мне нужен отдых». Этот неожиданно возникший из случайных ассоциативных совпадений призрак Драгоценной Тётушки будет сопровождать Рут многие годы. В данный момент для Рут приоткрываются знания, имеющие своим истоком китайские традиции, обычаи, верования, однако ей не с кем этим поделиться. Её поражает многообразие вариантов мышления, присущее культуре Востока, в то время как типы поведения представителей культуры доминирующего большинства – логико-рациональные, лишённые яркости эмоциональной окраски.

Не менее важным для исследуемого текста является также и образ одиночества. Постараемся показать некоторые сюжетно-смысловые стратегии его формирования. Когда Рут жила с американским парнем Полом, в момент расставания он назвал ей одну из причин своего ухода, которая заключалась в том, что, по его мнению, она «заставляла простые проблемы иметь сложные решения» (*"made simple problems have difficult solutions"* (13)). Спустя годы то же самое «обвинение» появляется в совершенно иной ситуации. Приехав домой с отдыха на природе, Арт, девочки и Рут обнаруживают поломку нагревательного котла, задачу организовать ремонт которого (вызов слесарей) Арт возлагает на Рут, однако она начинает честно перечислять ему свои дела, и без того запланированные на наступающий день, что приводит к следующему замечанию Арта: *"Why do you have to make everything so difficult?"* (8) – «Почему ты всегда вынуждена делать всё настолько трудным?». Так фраза «делать трудным» начинает окружать образ Рут, выступая одной из ступеней формирования образа одиночества, возникающего с опорой на положение персонажа между двумя культурами. Далее по тексту встречаются следующие предложения: *"Dad's right. She loves to make everything sooo difficult"* (9) – «Папа прав. Она любит делать всё таким трудным». Произносит их Фиа, дочь Арта, когда Рут делает ей замечание о том, что её кофта слишком короткая.

Как и многие американцы, имея большую занятость по работе (Рут работает автором-призраком (*"ghostwriter"*)) и множество хлопот по дому, занимающих всё её время, Рут не может позволить себе часто видеться с матерью. Только однажды, помогая ей пройти медицинскую консультацию у доктора, она узнаёт правильный диагноз, объясняющий порой несколько странное поведение матери. Это глубоко поражает

Рут. Название болезни – «деменция» – кажется ей красивым и разрушительным одновременно, наполненным пугающими символами: *Such a beautiful-sounding word apply to such a destructive disease? It was a name befitting a goddess: Dementia, who caused her sister Demeter to forget to turn winter into spring* (41) – *Такое красиво звучащее слово применимо к такому разрушительному заболеванию? Это имя похоже на имя богини Деменции, которая послужила причиной того, что её сестра Деметра забыла перевести зиму в весну.* Такими словами (с привлечением прецедентного имени Деметра) в произведении конструируется аллюзия к прецедентному тексту, а именно греческому мифу, что позволяет передать значимость элемента интертекстуальности как диалога текстов предыдущих эпох с текстами эпохи современной для поликультурного текста.

Случившаяся ситуация безрезультатно провоцирует попытки Рут найти некий универсальный выход: более частое посещение матери, поиск домоуправительницы. Она отменяет свой отдых с Артом на Гавайях, просит девочек терпимее относиться ко многим словам бабушки, однако это не удерживает Арта от поездки на отдых одному, а Дори от грубого высказывания: *"I once drive to Himalaya, long ways by myself", Lu Ling bragged. "Himalaya very high up, close to moon". <...> "You just can't. I mean, you're crazy if you think". Dory, <...>, blurted* (43) – «Я однажды ездила в Гималаи, долгий путь прошла сама, – похвалилась Лу Линь. – Гималаи идут очень высоко вверх, близко к луне». <...> «Ты просто не могла. Я имею ввиду ты сумасшедшая, если ты думаешь...», – выпалила Дори.

Однажды, когда Рут не смогла дозвониться до матери, она отменяет свои дела и приезжает в дом Лу Линь. Следующие слова и словосочетания – *"unanswered ringing"* (безответные звонки), *"rushed in"* (бросилась в), *"sudden silence frightened her"* (внезапная тишина напугала её), *"ran down"* (побежала вниз), *"raced back upstairs"* (помчалась назад наверх), *"shaky fingers"* (трясущиеся пальцы), *"panic"* (паника), *"voice started to wobble"* (голос начал дрожать), *"ran toward her"* (побежала по направлению к ней), *"felt sick"* (испытала болезненное чувство), *"to worry"* (беспокоиться) – помогают передать эмоциональное состояние персонажа: чувства тревоги от потери чего-то, страха, растерянности перед чем-то. Отрывки текста, для которых характерна плотность/частотность употребления таких слов, выступают одним из способов формирования образа одиночества в данном поликультурном художественном тексте. В комнатах матери на втором этаже она находит включенный телевизор, незапертую дверь, но матери там нет. Франсин, женщина-арендатор первого этажа, рассказывает о том, что мать куда-то ушла в тапочках и пижаме два-три часа назад. Так появляется образ разрушающегося дома.

Для китайской культуры образ дома является очень значимым: «Символ дома приравнивается к олицетворению души человека, его внутреннего мира»¹⁰; крепкий дом олицетворяет достаток, благополучие и упорядоченность в семье, высокий социальный статус, внешнюю защищенность. Рут не узнаёт дом своего детства, в котором сейчас всё не на своём месте, дом, пришедший в состояние беспорядка и заброшенности. Связь этого хаоса с персонажем подчёркивает возникающие в нём чувства беспомощности, беспокойства, паники, осознания масштаба болезни матери. Ей хочется на кого-то опереться, кому-то всё это рассказать: *She called Art in Kauai. There was no answer. <...> Where was he? Hula dancing in someone's bed? <...> She could call Wendy, but Wendy would simply commiserate by saying her own mother was doing far crazier things. How about Gideon? He was more concerned about clients and contracts* (46) – Она позвонила Арту на остров Кауаи. Ответа не было. <...> Где он был? Танцевал хулу в чьей-то кровати? <...> Она могла позвонить Вэнди, но Вэнди просто бы проявила сочувствие, говоря, что её собственная мать вытворяла гораздо более сумасшедшие вещи. Как насчёт Гидеона? Он был более озадачен клиентами и контрактами. Так она понимает, что среди окружающих её людей есть некое деловое, спокойное отношение к ней, не подразумевающее стремления понять её трудности и непредвиденные проблемные ситуации. Она обращается к старой тётушке Гэл (двоюродной сестре матери), которая видит причину всех трудностей в том, что дети слишком заняты, чтобы заботиться о своих родителях: *Everybody gets old, everybody forgets. <...> When you're old, there's too much to remember <...> today kids have no time anymore to see parents* (47) – Каждый становится старым, каждый всё забывает. <...> Когда ты стар, есть слишком много того, что надо помнить <...> сегодня у детей нет больше времени, чтобы быть чаще с родителями.

Оставшись в доме матери одна, Рут принимается за уборку просроченных упаковок из холодильника, перебирает старые вещи, многие из которых хранят воспоминания из её детства – так она припоминает некоторые ссоры с матерью, происходившие в то время, когда ей было 15–16 лет. Рут чувствует свою вину за многие поступки, вызванные недопониманием, а также глубокое сожаление, что уже сейчас начинает уходить в прошлое образ её деятельной, всегда спорящей, несогласной со многими американскими реалиями жизни матери, матери, верящей в призраков и проклятия, в возможность изменения своей удачи. В настоящем же остаётся болезнь Лу Линь, позволяющая Рут увидеть правду, осознать своё одиночество в ситуации, в которой начинает проявляться новая реальность. Как и тридцать шесть лет назад, Рут отправляется к песчаному берегу океана: <...> *picked up*

a broken shell. She scratched in the sand: "Help". And she watched as the waves carried her plea to another world (59) – <...> подняла разбитую раковину. Она нацарапала на песке: «Помогите». И смотрела, пока волны уносили её просьбу в иной мир. Так автор смысловыми механизмами текста, а также образами пустынного берега, равномерного шума холодных волн подчёркивает формирующийся образ одиночества в сознании персонажа.

Неудача, которую Рут терпит при попытке подарить матери фотографию на празднике Полной луны, служит причиной того, почему Рут обращается к переводу рукописи матери как к поиску истории своего рода. Она не только нанимает переводчика, но и просит Гао Линь рассказать незафиксированные матерью продолжения событий как своего рода взгляд из Америки на происходящее в современном Китае. Сюжетные действия содержат в себе образы поиска корней, смыслы которого во многих эпизодах романа выходят на первое место. Рут стремится узнать фамилию своей бабушки, для этого Гао Линь пишет письмо своему брату в Китай, где он находит старую женщину, внучку странствующего фотографа, который сделал снимок Драгоценной Тётушки и сохранил подписанную фотографическую пластинку.

В музее на выставке, посвященной китайской археологии, Лу Линь вновь встречает один из артефактов китайской культуры – кость-оракул. Мистер Тэнг (переводчик китайской рукописи матери, рекомендованный лингвистическим колледжем Арта) рассказывает о его значении. «На лопаточной кости животного (обычно барана) или на панцире черепахи гадатель в строго определённом для данного случая порядке наносил несколько углублений. Затем на кости или панцире выцарапывалась надпись, содержащая вопрос. Вопрос обычно формулировался таким образом, чтобы можно было получить однозначный ответ (да, нет, согласен, не согласен). Затем с помощью специально нагретой бронзовой палочки углубления на кости прижигались. По трещинам на обратной стороне гадатель (иногда им был сам правитель – ван) узнавал, точнее интерпретировал результат гадания»¹¹. А Лу Линь вспоминает ту кость-оракул, которая принадлежала её семье и помогла когда-то купить ей билет на паром в Америку. Происходит своего рода сопоставление застывших музейных и когда-то имевших в сознании персонажей важные значения и ценность, функционировавших в реальной действительности артефактов. Автор передаёт отношение персонажей-американцев к предмету иной культуры в Америке, когда они проявляют интерес, уважение, стремятся узнать то, что этот предмет означает, с каким историческим пластом событий прошлого связан. Кроме того, именно в музее Лу Линь вспоминает фамилию своей настоящей матери, а Гао Линь позже помогает Рут перевести это слово

во всем многообразии его значений с китайского языка на английский: “No, no”, *Gao Ling said. “Gu” as in “gorge”. It’s a different “gu”. It sounds the same as the bone “gu”, but it’s written a different way. The third-tone “gu” can mean many things: “old”, “gorge”, “bone”, also “thigh”, “blind”, “grain”, “merchant”, lots of things. And the way “bone” is written can also stand for “character”. That’s why we use that expression “it’s in your bones”. It means, “That’s your character”* (152) – «Нет, нет, – сказала Гао Линь. “Гу” как в слове “gorge”. Это другое “Гу”. Оно звучит так же, как кость “Гу”, но пишется по-разному. Третий тон “Гу” может означать многие вещи: “старый”, “овраг”, “кость”, также “бедро”, “слепой”, “зерно”, “купец”, множество вещей. И то как “кость” пишется, может также означать “характер”. Вот почему мы используем выражение “это в твоих костях” в значении “это твой характер”». Все это выступает завершающим этапом формирования смыслов, группируемых автором вокруг образа возвращения к корням.

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1) образ двойственности может как функционировать самостоятельно, так и окружать такую реалию культуры, как предрассудки, которые, на основе соответствия определению В. В. Красных, «к числу прецедентных относятся феномены: а) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; б) актуальные в когнитивном, познавательном и эмоциональном плане; в) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества»¹², можно отнести к числу прецедентных феноменов;

2) образ предрассудка автор использует как особое стилистическое средство выдвигания в тексте;

3) нами были также показаны этапы формирования образа одиночества как значимого для поликультурного художественного текста;

4) особое внимание было уделено возможности функционирования прецедентных ситуаций (в работе под прецедентной ситуацией вслед

за В. В. Красных мы понимаем некую «эталонную», «идеальную» ситуацию, связанную с набором определённых коннотаций) как сюжетообразующих, которые помогают оттенить значимость артефактов, функционирующих в текстовой реальности на стыке лингвокультур, что, в свою очередь, позволяет уточнить их роль в художественном произведении.

Примечания

- 1 См.: *Кливленкова Д.* Проблема поиска идентичности в азиатско-американской литературе США (на примере романа «Клуб радости и удачи» Эми Тан) // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2012 г. Забайкальский гос. гум.-пед. университет им. Н. Г. Чернышевского; 2012. URL: <http://www.rae.ru/forum2012/18/2746> (дата обращения: 11.02.2020).
- 2 *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : ИТИ Технологии, 2003. С. 581.
- 3 *Джарылгасинова Р., Крюков М.* Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М. : Наука, 1989. С. 87.
- 4 *Tan A.* The Bonesetter’s Daughter. N.Y. : Harper Collins Publishers, 2001. P. 39. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому источнику с указанием страниц в скобках
- 5 *Lahiri J.* Unaccustomed Earth. Toronto ; N. Y. : Alfred A. Knopf, 2008. P. 5.
- 6 *Ожегов С., Шведова Н.* Указ. соч. С. 581.
- 7 См.: *Артёмьева П.* Прецедентные феномены как выразительное средство : диалог культур в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2016. С. 163.
- 8 *Познер В., Кан Б., Ургант И.* Одноэтажная Америка. М. : Зебра Е, 2008. С. 46.
- 9 См.: *Кливленкова Д.* Указ. соч.
- 10 *Рошаль В.* Символы. Знаки. Эмблемы. М. : Эксмо, 2005. С. 122.
- 11 *Васильев Л.* Культы – религии – традиции в Китае. М. : Наука, 1970. С. 66.
- 12 *Красных В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. С. 170.

Поступила в редакцию 15.07.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020

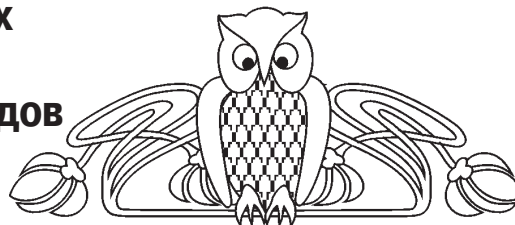
Received 15.07.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 51–57
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 51–57

Научная статья
УДК 821.161.1.09+811.133.1'1255.2+929Пушкин
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

О передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов «Евгения Онегина»)

А. П. Богинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, ГСП-1

Богинская Анастасия Петровна, преподаватель кафедры французского языкознания, nastrix@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-7485>

Аннотация. На материале корпуса французских переводов «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (16 переводов) рассматриваются способы передачи формально выделенных фрагментов стихотворного текста в переводе. Изоморфизм передачи выделенных фрагментов зависит от выбранной переводчиком поэтической формы в целом.

Ключевые слова: «Евгений Онегин», корпусная лингвистика, множественные переводы, Пушкин, французский язык, перевод, переводоведение

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00620).

Для цитирования: Богинская А. П. О передаче формально выделенных фрагментов в переводе (на материале французских переводов «Евгения Онегина») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 51–57. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

On rendering formally selected fragments in translation (On the material of French translations of A. S. Pushkin's novel Eugene Onegin)

Anastasia P. Boginskaya, nastrix@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5082-7485>

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Abstract. This article considers methods of rendering formally selected fragments of a poetic text in translation; the research is based on the material of 16 French translations of A. S. Pushkin's *Eugene Onegin*. The isomorphism of formally selected fragments depends on the poetic form as a whole chosen by the translator.

Keywords: Eugene Onegin, corpus linguistics, multiple translations, Pushkin, French language, translation, translation studies

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-012-00620).

For citation: Boginskaya A. P. On rendering formally selected fragments in translation (On the material of French translations of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin*). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 51–57 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-51-57>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Традиция многократных переводов иноязычных классических произведений давно стала неотъемлемой частью многих культур. Явление множественных переводов (*re-traduction*у Бермана) одного художественного текста неизменно попадает в центр внимания исследователей. Ю. Д. Левин определяет переводную мно-

жественность как «возможность существования в данной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, которое в оригинале имеет, как правило, одно текстовое воплощение»¹. Специалисты в области перевода предлагают и другие определения, в целом синони-

мичные; А. Попович применяет также понятие «повторяемости» перевода². Проблематика множественных переводов сохраняет актуальность и по сей день. Ей посвящены работы как зарубежных, так и российских современных исследователей (см., например, работы I. Oséki-Dépré³, A. Verman⁴, Е. Э. Разлоговой⁵, Е. Д. Поварничиной⁶, П. В. Ярошенко⁷ и др.)

Поскольку читатели формируют свое понимание мировой литературы на основе именно переводных текстов, изучение корпусов множественных переводов художественных текстов имеет большое значение для традуктологии. Исследования в данной области позволяют внести вклад в дальнейшую разработку переводческих универсалий и технических приемов перевода, представленных в работах, например, M. Baker⁸, A. Verman⁹, J.-P. Vinay, J. Darbelnet¹⁰ и других исследователей, проследить приоритетное использование тех или иных переводческих универсалий в переводах одного текста, появившихся в одной культуре на протяжении достаточно длительного периода времени, и т. д.

Новые переводы появляются по разным причинам: меняются эпоха, литературное окружение, адресат перевода, происходят изменения в развитии «принимающего» языка, с течением времени могут в значительной степени трансформироваться принципы перевода иноязычного текста в отдельных культурах и т. д. Ни один перевод не может считаться окончательным. Работа переводчика над художественным текстом всегда имеет характер личной интерпретации оригинала. Как следствие, разные переводы одного художественного текста могут появляться практически одновременно, поскольку каждый из них носит отпечаток уникального идиостилия переводчика.

Существует мнение, что поэзия непереводаема. Так, Р. О. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода» пишет: «В поэтическом искусстве царит каламбур, или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, паронимазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводаемой»¹¹. Не все исследователи так же категоричны: Е. Г. Эткинд в книге «Поэзия и перевод» утверждает, что поэтический перевод возможен: «Да, искусство пересоздания стихов существует»¹². Ю. Д. Левин подчеркивает, что именно в переводах стихотворных произведений чаще всего проявляется множественность: «Вызываемые поисками адекватности отклонения, неизбежные во всех видах художественного перевода, в стихотворном переводе умножаются во много раз, и соответственно значительно ярче и отчетливее проявляется индивидуальность переводчика. Поэтому один стихотворный перевод нимало не препятствует появлению следующих, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала»¹³.

Французский теоретик перевода А. Берман подчеркивает, что лучшие переводы никогда не были первыми. Лучший перевод вторичен дважды – по отношению к оригиналу и по отношению к появившимся ранее переводам: «La grande traduction est *doublément seconde* : par rapport à l'original, par rapport à la première traduction»¹⁴ (курсив автора). Того же мнения придерживается Р. Р. Чайковский в отношении поэтических переводов: «...при заметном увеличении количества переводов перевод с более высоким уровнем адекватности возможен лишь на основе творческого комбинирования уже использованных переводческих решений»¹⁵.

Материалом для нашего исследования послужили французские переводы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». По различным библиографическим данным, на сегодняшний день существует 17 полных переводов: Н. Dupont (1847), I. Tourguénéfet, L. Viardot (1863), P. Béésau (1868), W. Mikhailow (1884), G. Pérot (1902), A. de Villamarie (1904), S. Baguette (1946), M. Bayat (1956), N. de Witt (1968–1969), M. Semenoff, J. Bour (1979), M. Colin (1980), N. Minor (1990), R. Legras (1994), J.-L. Backès (1996), A. Markowicz (2005), C. Weinstein (2010), F. Voutev (2012). В наш корпус текстов вошли 16 из них, а также несколько переводов фрагментов романа.

Среди проблем, связанных с переводом «Евгения Онегина» (текст стилистически разнороден, содержит многочисленные отсылки к русским реалиям пушкинской эпохи и т. п.), передача формального аспекта, ставшего своего рода «визитной карточкой» романа в стихах, играет важную роль. При переводе на французский язык передача поэтической формы осложняется различиями между русской и французской системами стихосложения. Регулярное чередование ударных и безударных слогов является основой русской силлабо-тоники, в то время как во французской силлабике мерой стиха считается равное во всех единицах число слогов с обязательным ударением на последнем слоге. Для классического французского стихосложения характерны строгие правила подсчета слогов и ограничения на употребление целого ряда форм. Только в XX в. допускается нарушение некоторых классических правил. Ввиду значительных различий между французской и русской системами стихосложения каждому французскому переводчику «Евгения Онегина» приходится либо отказываться от поэтической формы, либо выбирать стихотворную форму, наиболее адекватно, с его точки зрения, передающую особенности оригинала.

«Евгений Онегин» написан онегинской строфой, однако несколько фрагментов выделяются в формальном отношении, и письма Татьяны и Онегина¹⁶ в их числе. Подобный прием встречается и в других произведениях Пушкина:

например, в «Борисе Годунове», написанном белым пятистопным ямбом, есть несколько прозаических сцен. Происходит своего рода переключение «поэтического» кода, подобно случаям, когда в тексте делаются вставки на другом языке или диалекте. Эти вставки представляют стандартную проблему перевода, которая обсуждается во многих работах, например у А. Бермана, У. Эко и др. Антуан Берман использует в этом случае термин «*superposition de langues*» и говорит о том, что это одна из «острейших» проблем при переводе прозаического текста. В нашем же случае речь идет не о смене языка, а об изменении строфики и рифменной системы: в письмах Татьяны и Онегина, в отличие от онегинской строфы основного текста романа, сохраняется четырехстопный ямб, но используется свободная система рифмовки, и текст делится на неравновеликие стихотворные абзацы. Цель нашей работы – выявить, какими способами переводчики передают или не передают изменение строфики и рифменной системы в письмах.

Во французских переводах «Евгения Онегина» предлагается несколько вариантов решения проблемы формы в целом: от прозаических переводов до точной передачи рифмы и даже попыток имитации русского размера средствами французского стиха. В этом вопросе переводчик находится под влиянием литературных тенденций на момент выполнения перевода. Так, практически все ранние переводы выполнены в прозе, тогда как последние точно передают форму оригинала. Кроме того, в некоторых разрозненных во времени переводах используется спорадическая рифма или свободная рифмовка.

Особенности формального выделения пушкинских писем напрямую зависят от того, каким образом в переводе передается поэтическая форма обрамляющего текста. В связи с этим мы выделяем три типа переводов: прозаические переводы; стихотворные переводы, не передающие рифменную схему оригинала; стихотворные переводы, достаточно точно воспроизводящие онегинскую строфу.

1. Обратимся к прозаическим переводам. Поэтические тексты переводились в прозу в разных культурных традициях и в разные эпохи. Так, поэма Себастьяна Бранта «Корабль дураков» в XV в. получила два французских перевода: стихотворный (Pierre Rivière, 1497) и прозаический (Jehan Drouhyn, 1498), «*pource que la prose est plus familière que la ryme à gens simples*»¹⁷; в начале XVIII в. Анна Дасье в предисловии к переводу «Илиады» Гомера высказала мнение о том, что только проза способна достоверно отразить оригинал¹⁸. Подобная точка зрения была не редкостью во Франции и позднее: «В XIX веке в отношении поэтического перевода встает один основной вопрос: следует ли переводить поэзию прозой или стихами? Если перевод в прозе точен, но однообразен, то перевод в стихах, по опреде-

лению, может лишь исказить оригинал» («*Au XIX siècle, le discours sur la traduction poétique est dominé par une question: pour traduire des poèmes, faut-il choisir la prose ou les vers? Si la traduction en prose est exacte, mais terne, alors la traduction en vers ne peut, par définition, que trahir l'original*»)¹⁹. Подобное негативное восприятие стихотворного перевода возникло в связи с рядом факторов, в числе которых стоит упомянуть особенности французской метрики: в XIX в. она по-прежнему подчинялась строгим правилам и запретам, появившимся еще в XVI столетии; переводчики, решавшие писать в стихах, вынуждены были преодолевать многочисленные препятствия, связанные с формальными ограничениями²⁰. В данной связи необходимо подчеркнуть, что четыре из шести полных французских переводов «Евгения Онегина», изданных в XIX и начале XX в., были сделаны в прозе. Интересно, что появившаяся в середине XX в. прозаическая версия «Евгения Онегина» (M. Bayat, 1956) претерпела несколько переизданий. Позднее подавляющее большинство переводчиков отдали предпочтение стихотворной форме.

Рассмотрим, какими средствами письма Татьяны и Онегина выделяются в рассматриваемых переводах.

В прозаических переводах (А. Дюпон (1847), И. Тургенев, Л. Виардо (1863), П. Безо (1868), А. де Вилламари (1904), М. Байя (1956)) письма также переведены прозой.

Деление на абзацы в большинстве этих переводов чаще всего совпадает с делением на строфы основного текста романа, в переводах Тургенева и Виардо, Вилламари, Байя сохраняется нумерация строф, как в оригинале; Поль Безо обозначает границы строф оригинала увеличенными интервалами между абзацами перевода и опускает нумерацию. В этих случаях «иная» строфика интересующего нас фрагмента находит отражение в вариативности длины абзацев перевода.

Некоторые переводчики используют также дополнительные средства, например, у Байя это курсив, у Безо каждая строка письма закавычена.

В самом раннем прозаическом переводе Дюпона, изданном в 1847 г., деление на абзацы не всегда совпадает со строфами русского текста, каждый абзац заключен в кавычки, опущена нумерация строф; границы абзацев перевода не полностью отражают границы строф русского текста, и изменение строфики интересующего нас фрагмента в переводе размывается; заголовок письма отсутствует, его текст сливается с обрамляющим контекстом:

«...» Mais voici une traduction incomplète et faible, une pâle copie d'un tableau animé où Freyschutz est joué par de timides écolières.

«Je vous écrit – que voulez-vous encore? Que puis-je dire de plus? Maintenant, je le sais, je ne mérite que du mépris.<...>»²¹

В 1956 г. выходит полный перевод Мишеля Байя, выполненный в прозе и длительное время остававшийся наиболее доступной версией романа. Переводчик достаточно точно следует интонации повествования, сохраняя лексические особенности оригинала. Это уже не «роман в стихах», но от французского перевода не ожидают большего: «Французский перевод более не является тем “романом в стихах”, который написал Пушкин, хотя роман не утратил от этого своей поэтичности, и это все, что ожидают, я думаю, от французской версии». Цитата из предисловия С. Фюме к прозаическому переводу «Евгения Онегина» М. Байя. («La traduction française n'est plus ce “roman en vers” qu'a écrit Pouchkine, encore que le roman n'en soit pas moins poésie, et c'est tout ce qu'on attend, je pense, d'une version française»)²².

Поскольку у Байя строфика оригинала передается делением текста на равные абзацы с сохранением нумерации, а письма Татьяны и Онегина даны курсивом, интересующие нас фрагменты оказываются графически выделенными в переводе:

Voici sa lettre mot pour mot.

Lettre d'Oniéguine à Tatiana

*Je m'attends à tout. Le triste aveu de mon secret vous offensera. Je lis le plus amer mepris dans votre fier regard. Je veux vous écrire, vous ouvrir mon âme, pourquoi ? Dans quelle intention ? <...>*²³

2. Далее мы рассмотрим стихотворные переводы. При переходе в силлабику размер оригинала (четырёхстопный ямб) наиболее близок к восьмисложнику. Чаще всего переводчики «Евгения Онегина» выбирают именно этот вариант. Исключением является только ранний перевод Михайлова, где почти всегда отдается предпочтение александрийскому стиху.

Следует отметить, что в течение XIX в. не появилось ни одного перевода «Евгения Онегина», принятого французским читателем²⁴. В начале XX в. публикуется первый полный стихотворный перевод Г. Перо (1902), точно передающий онегинскую строфу. На долгое время он остается единственным²⁵. После перевода Перо наступает длительный период затишья, когда появляется лишь несколько переводов фрагментов романа.

В 1970-е гг. Ефим Эткинд продолжает начатую Менье работу по подготовке и изданию собрания сочинений А. С. Пушкина на французском языке. Выступая против французской школы, переводящей русскую силлабо-тонику прозой, белым стихом и верлибром, он придает большое значение передаче формального аспекта в поэтическом переводе и, руководствуясь этими принципами, включает в новое издание перевод Г. Перо, наиболее точный в отношении формы на тот момент.

После этого переиздания в течение тридцати лет появляется восемь полных французских переводов «Евгения Онегина», среди них нет прозаических. Все переводчики отдают предпочтение стихам, но точность передачи поэтической формы оригинала неодинакова: от восьмисложника без рифмы (М. Семенов и Ж. Бур, Ж.-Л. Бакес) до полной передачи структуры оригинала с имитацией русской силлабо-тоники (А. Маркович, Ф. Вутев).

2.1. Сначала мы коснемся стихотворных переводов, в которых не сохраняется рифменная схема оригинала. Это упомянутый выше перевод В. Михайлова (1884) со свободной рифмовкой, а также неполный перевод А. Лиронделя (1926) и два перевода второй половины XX в., – М. Семенов и Ж. Бур (1979), Ж.-Л. Бакес (1996), выполненные восьмисложником со спорадической рифмой.

В. Михайлов выбирает александрийский стих со свободной рифмовкой, что, впрочем, оказывается типичной ситуацией для стихотворных переводов XIX в., когда переводчики нередко выбирают стихотворную строку длиннее, чем в оригинале. Однако употребление александрийского стиха нерегулярно, и в некоторых фрагментах Михайлов использует также восьмисложные и десятисложные стихи. Это можно проиллюстрировать на примере его перевода X строфы третьей главы:

X.
Se croyant être l'héroïne
De tous ses romans préférés,
Clarisse, Julie ou Delphine,
Elle erre à l'ombre des forêts,
Lisant et relisant son livre,
Qui la domine et qui l'enivre;
A cette source redoublant
Les ardeur de sa propre flamme,
Et de ce doux poison rassasiant son âme,
Elle écrit en pensée à son amant absent,
Lequel était, hélas! fort loin de ce roman,
Onéghin' n'ayant pas, ayez-en l'assurance,
Avec ce Grandisson la moindre ressemblance²⁶.

Как видим, переводчик не только меняет размер, но и оставляет в строфе всего 13 стихов. В среднем строфы в этом переводе насчитывают от 14 до 16 стихов, но в некоторых случаях число стихов доходит до 20.

Письмо Татьяны также передано верлибром, чередуются стихи с 8, 10 и 12 слогами. Михайлов не делит текст письма на стихотворные абзацы, хотя в оригинале деление есть. Это можно рассматривать как компенсаторную меру, поскольку в переводе Михайлова постоянно варьируется длина строфы обрамляющего контекста, в отличие от неизменных 14 стихов онегинской строфы. Если бы Михайлов сохранил в письме неровное деление на абзацы, изменение строфики не было бы очевидным.

LETTRE DE TATIANE À ONÉGHINE

«Je vous écris, que puis-je encor faire de plus?
Ne sais-je pas que cette lettre,
Que cet écrit une fois lu,
Vous allez m'accuser, me mépriser peur-être ...
<...> Nul autre n'aurait eu mon âme,
Dieu l'a voulu, c'està vous que j'étais
Prédestinée; oui, cette flamme
N'est que pour vous ... pour toi, mon bien-aimé!
<...>»²⁷

Письмо Онегина, напротив, полностью переведено у Михайлова alexandрийским стихом, без деления на строфы. Как следствие, отсутствует изоморфная передача формального параллелизма писем в оригинале.

LETTRE D'ONÉGHINE À TATIANE

«Madame, je prévois, vous serez offensée
Par l'affligeant aveu que je dois formuler;
Combien votre fierté en sera courroucée,
De quel œil de mépris vous allez m'écraser!
Oui, que puis-je espérer? Quelle idée insensé
Me pousse à vous ouvrir mon âme désolé? <...>»²⁸

Михайлов под влиянием переводческих традиций и личных предпочтений нарушает изоморфизм с оригиналом на различных уровнях. Его работа может рассматриваться как пример «этноцентрического» перевода (*traduction ethnocentrique* по Берману): «Однако нарушения изоморфизма на всех уровнях могут носить и избыточный, не вызванный языковой необходимостью характер. Например, различия в пунктуации параллельных текстов могут быть неоправданно значительными, как и стирание различий в употреблении синонимов и др. Это свойственно более свободным переводам, где число переводческих трансформаций выше необходимого минимума. Такие переводы часто рассматриваются как проявление этноцентризма»²⁹.

В остальных переводах предпочтение отдано восьмисложнику со спорадической рифмой, деление на строфы совпадает с оригиналом. Таким образом, различие рифменной схемы письма и основного текста романа стирается, передается только изменение строфики. Например, относительно новый перевод Ж.-Л. Бакеса:

<...> C'est la copie
Pâle d'un tableau éclatant.
Le *Freischütz* joué par des élèves.

LETTRE DE TATIANA À ONÉGUINE

*Je vous écris ; voilà. C'est tout.
Et je n'ai plus rien à vous dire.
Maintenant, je sais, vous pouvez
Me mépriser pour me punir.*

*Mais vous aurez pour mon malheur
Juste un petit peu de pitié*³⁰.

2.2. Теперь обратимся к стихотворным переводам, в которых онегинская строфа воспроизводится достаточно точно. В пяти из них используется восьмисложник и сохраняется схема рифмовки оригинала: Г. Перо (1902), М. Колен (1980), Н. Минор (1990), Р. Легра (1994), Ш. Вайнштейн (2010). Переводчики Н. де Витт (1968–1969), А. Маркович (2005) и Ф. Вутев (2012) не только сохраняют схему рифмовки оригинала, но и пытаются имитировать ритм русского двусложного размера средствами силлабического стиха. Во всех перечисленных переводах особый статус писем передается наиболее полно: в письмах используется схема рифмовки оригинала, отличная от рифмовки онегинской строфы основного текста, а также сохраняется строфика пушкинского текста. В отношении формы перевод Г. Перо предвосхищает тенденции второй половины XX в.:

LETTRE D'ONÉGUINE À TATIANA

«Je sais bien que je vous offense
En venant vous ouvrir mon cœur;
Votre mépris, j'en lis d'avance
Dans vos yeux toute la rigueur.
Quel est donc le but de ma lettre?
En vous confiant mes ennuis
Je sais que vous allez, peut-être,
Vous moquer de moi, mais tant pis! <...>»³¹

Приведем также пример из самого позднего перевода (Ф. Вутев), опубликованного в 2012 г.:

<...> Maisvoici
Ma faible traduction ici,
Qui est en tous points semblable
Au beau *Freischütz* pianoté
Par des pupilles admonestées.

LA LETTRE DE TATIANA À ONÉGUINE

Je vous écris – sinon que faire ?
Quoi d'autre dire? A présent,
Je sais que vous pouvez, sévère,
Me punir, en me méprisant.
Mais si ma destinée amère
Vous touche un tant soit peu le cœur,
Vous me suivrez dans ma douleur»³².

Переводы, вошедшие в наш корпус, демонстрируют усиливающуюся тенденцию к более изоморфной передаче выделенных фрагментов (как, впрочем, и всей формальной организации текста) во второй половине XX и начале XXI в. Вместе с тем полное «слияние» выделенного фрагмента с контекстом не происходит ни в одном из 17 переводов.

Выше на примере передачи в переводах выделенных фрагментов оригинала было показано, что отказ от формальной точности неизбежно влечет потери на различных уровнях. Что касается передачи лексики – аспекта, который мы здесь подробно не рассматривали, то многие французские исследователи считают, что стихотворные рифмованные переводы всегда оказываются дальше от оригинала: «Там, где преобладает ограничение рифмы, лексическая точность, как правило, ослабляется или искажается» («Là où domine la contrainte de la rime, la justesse lexicale est, c'est de règle, affaiblie et altérée»)³³. Однако это не всегда так: переводы без рифмы, как и ранние прозаические переводы, также не лишены лексических потерь. Так, нами было показано³⁴, что во всех переводах «Евгения Онегина», независимо от рифмы, происходит замена стилистически маркированных слов более нейтральными эквивалентами, что можно считать проявлением универсальных тенденций, свойственных для переводов вообще, – в частности, универсалии симплификации и универсалии нормализации³⁵. Сюда же можно отнести и частичное стирание границ выделенных фрагментов.

Таким образом, переводческие универсалии, фиксирующие «сглаживание» стилистических особенностей оригинала, верны во многих случаях, однако всегда будут переводы, стремящиеся как можно ближе подойти к оригиналу, включая воспроизведение его формальных характеристик.

Примечания

- ¹ Левин Ю. Проблема переводной множественности // Литература и перевод : проблемы теории : Междунар. встреча ученых и писателей (Москва, 27 февраля – 1 марта 1991 г.) / сост. П. М. Топер, В. Х. Ганиев. М. : Прогресс, 1992. С. 213.
- ² Попович А. Проблемы художественного перевода. Благоевещенск : Изд-во БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 189.
- ³ См.: *Oséki-Dépré I.* Théories et pratiques de la traduction littéraire. Paris : Armand Colin, 1999.
- ⁴ См.: *Berman A.* La traduction et la lettre ou l'Auberge du lointain. Paris : Edition du Seuil, 1999.
- ⁵ См.: *Разлогова Е.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
- ⁶ См.: *Поварницына Е.* О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 15–20. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>
- ⁷ См.: *Ярошенко П.* Синестезия в художественном тексте и модели её перевода (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2020. № 3. С. 135–143.
- ⁸ См.: *Baker M.* Corpus Linguistics and Translation Studies : Implications and Applications // Text and Technology : In Honour of John Sinclair / eds. M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam : J. Benjamins, 1993. P. 233–253.
- ⁹ См.: *Berman A.* Op. cit.
- ¹⁰ См.: *Vinay J.-P., Darbelnet J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris : Didier, 1977.
- ¹¹ *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. / вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Комиссарова. М. : Международные отношения, 1978. С. 24.
- ¹² *Эткинд Е.* Поэзия и перевод. М. ; Л. : Советский писатель, 1963. С. 7.
- ¹³ *Левин Ю.* К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность : сб. ст. / редкол. : Д. С. Лихачев (отв. ред.) [и др.]. Л. : Наука, 1981. С. 366.
- ¹⁴ *Berman A.* Op. cit. P. 105. Тем не менее, существуют примеры, когда первый перевод классического текста вполне удовлетворил читателей. Так, первый перевод «Капитанской дочки» Л. Виардо многократно переиздавался впоследствии.
- ¹⁵ *Чайковский Р.* Основы художественного перевода (вводная часть) : учеб. пособие. Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. С. 152.
- ¹⁶ См.: *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. 4-е изд. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 5 : Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 60–61, 155–156.
- ¹⁷ «Поскольку проза ближе простым людям, чем рифма» (здесь и далее перевод наш. – А. Б.) (*Ballard M.* Histoire de la traduction. Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2013. P. 88).
- ¹⁸ Ibid. P. 121.
- ¹⁹ Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914 / sous la direction de Chevrel Y., D'Hulst L., Lombez C. Lagrasse : Verdier, 2012. P. 428.
- ²⁰ Ibid. P. 429.
- ²¹ *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine // Œuvres choisies de A.-S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont : 2 vols. T. 1. Saint-Pétersbourg ; Paris : Comptoir des Imprimeurs unis, 1847. P. 187.
- ²² Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 372.
- ²³ *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine : roman / trad. du russe par M. Bayat. Paris : R. Laffont, 1956. P. 186.
- ²⁴ См.: Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 368.
- ²⁵ Следующий стихотворный перевод Н. де Витта появился лишь в 1968 г., однако он остался неизвестен широкой французской публике и специалистам в области перевода.
- ²⁶ *Pouchkine A.* Eugène Oniéguine : roman en vers / trad. du russe par W. Mikhailow. Paris : A. Ghio, 1884. P. 87.
- ²⁷ Ibid. P. 102–103.
- ²⁸ Ibid. P. 266.
- ²⁹ *Разлогова Е.* О нарративном изоморфизме в переводе //

- Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам : актуальные проблемы и перспективы : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Орел, 28 марта 2019 г.). Орел : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2019. С. 796.
- ³⁰ Pouchkine A. Eugène Onéguine / texte présenté, trad. et annoté par J.-L. Backès. Gallimard, 1995. P. 114–115.
- ³¹ Pouchkine A. Eugène Oniéguine : roman en vers / trad. par G. Pérot. Paris ; Lille : Tallandier, 1902. P. 190.
- ³² Pouchkine A. Eugène Onéguine : roman en vers / nouvelle traduction de Florian Voutev. Paris : Éditions La Bruyère, 2012. P. 76–77.
- ³³ Histoire des traductions en langue française : XIX siècle 1815–1914. P. 379.
- ³⁴ См.: Богинская А. «Качественное обеднение»/«обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. 2017. № 5. С. 154–164.
- ³⁵ См.: Baker M. Op. cit. P. 243.

Поступила в редакцию 15.07.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 15.07.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020

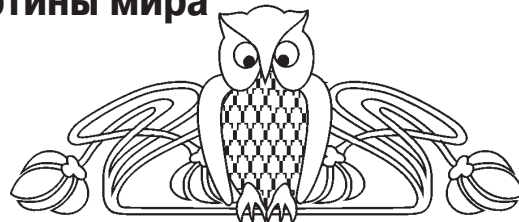

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 58–62
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 58–62

Научная статья

УДК 821.111.09-312.9+811.161.1*255.2+929Роулинг
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-58-62>

Перевод фольклорных и мифологических наименований при моделировании волшебной картины мира в произведениях фэнтези (на материале серии романов Д. К. Роулинг «Гарри Поттер» и их переводов на русский язык)

Е. А. Мозгачева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Мозгачева Екатерина Александровна, аспирант кафедры английской филологии и перевода, mrkate12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2864-0603>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности литературы жанра фэнтези, выделяются трудности, возникающие при переводе текстов данного жанра, проводится сравнительный анализ переводов фольклорных и мифологических наименований на примере двух вариантов перевода одного произведения.

Ключевые слова: волшебная картина мира, фэнтези, переводческие трансформации, фольклорные и мифологические наименования

Для цитирования: Мозгачева Е. А. Перевод фольклорных и мифологических наименований при моделировании волшебной картины мира в произведениях фэнтези (на материале серии романов Д. К. Роулинг «Гарри Поттер» и их переводов на русский язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 58–62. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-58-62>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-58-62>

The translation of folklore and mythic names in magic worldview modelling in fantasy literature (Based on J. K. Rowling's series of novels *Harry Potter* and their translations into Russian)

Ekaterina A. Mozgacheva, mrkate12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2864-0603>

St. Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Abstract. The research focuses on fantasy literature peculiarities and points out the difficulties of translating the texts of such genre. The comparative analysis of folklore and mythical names translation is implemented as illustrated by two variants of translation of the literary work.

Keywords: magic worldview, fantasy, translation transformations, folklore and mythical names

For citation: Mozgacheva E. A. The translation of folklore and mythic names in magic worldview modelling in fantasy literature (Based on J. K. Rowling's series of novels *Harry Potter* and their translations into Russian). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 58–62 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-58-62>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Жанр фэнтези сформировался как отдельный жанр литературы в XX в. и практически сразу стал одним из самых популярных жанров среди детей, подростков и даже взрослых. Такая популярность послужила причиной создания довольно большого количества научных работ, посвященных изучению особенностей данного жанра. В своих исследованиях уче-

ные давали различные дефиниции термина «фэнтези» с точки зрения литературоведения, лингвистики и других наук. В данной статье упомянем определение термина «фэнтези» исследователя В. А. Каплана, который в одной из своих статей указывает на сверхъестественность и иррациональность, свойственные фэнтези. Также В. А. Каплан обобщает: «Фэнтези – это

произведение, где фантастический элемент несовместим с научной картиной мира»¹. Отсюда можно заключить, что одной из важнейших характеристик фэнтези является наличие волшебной картины мира (ВКМ). ВКМ можно представить как совокупность всех явлений, объектов и суждений о них. Все эти знания передаются из поколения в поколение в течение всего существования мира; иными словами, ВКМ – особая система познаний об окружающем мире, его глобальный образ². ВКМ можно рассматривать с разных сторон, но в этой статье мы обратимся к особенностям картины мира в рамках произведений фэнтези, связанным с наличием особых лексических единиц, так как данная статья посвящена анализу воссоздания ВКМ. Несмотря на то что ВКМ в произведениях фэнтези имеет множество различий с реальной картиной мира, в ней присутствуют свои реалии, она гармонична, автор представляет ее как вполне реальную или связанную с реальностью определенным образом. Такую связь волшебного и реального вполне возможно объяснить. Дело в том, что человеческий разум вряд ли может создать абсолютно новую действительность, не опираясь на какие-либо понятия реального мира. Зачастую этим фундаментом выступает окружающий мир, а следовательно, и реалии, характерные для него. Более того, мир фэнтези изобилует особыми авторскими неологизмами, перевод которых представляет одну из наиболее сложных задач для переводчика. Данная статья рассматривает перевод фольклорных и мифологических наименований, которые активно используются авторами произведений фэнтези и часто составляют основу мира произведений такого жанра.

Чтобы проследить, как переводчики выполнили переход от авторской к переводческой картине мира, в качестве материала для исследования была выбрана серия романов J. K. Rowling «Harry Potter» (далее – АИТ), был произведен анализ переводов мифологических и фольклорных наименований серии романов издательства «РОСМЭН» (далее – РПТ 1), выполненный группой переводчиков под редакцией М. Литвиновой, и «Махаон» (далее – РПТ 2), выполненный М. Спивак. Серия романов о «Гарри Поттере» является одним из важнейших произведений в истории становления жанра фэнтези и на протяжении длительного периода времени служит объектом исследования в различных областях науки. Выбор материала исследования мотивирован наличием большого количества примеров лексических единиц из фольклора различных стран и народов, что дает возможность проследить, каким образом переводчики справляются с трудностями сохранения уникальности произведения, его ВКМ и осуществляют переход от авторской к переводческой картине мира.

Рассмотрим перевод конкретных лексических единиц:

*АИТ: Veela were women...the most beautiful women Harry had ever see*³.

*РПТ 1: Гарри увидел вейл – самых прекрасных женщин, каких ему только приходилось видеть*⁴.

*РПТ 2: На поле выскользнуло не меньше сотни вейл. Это были женщины... самые прекрасные женщины, каких Гарри видел в своей жизни*⁵.

Название существам, приведенным в первом примере, Д. К. Роулинг, очевидно, дала, вдохновляясь образами чудесных женщин из славянской мифологии, которые отличались невероятной красотой. Если обратиться к этнолингвистическому словарю, найдем следующее определение лексемы «вила» в народном творчестве и верованиях южных славян, а также словаков – «женское существо, обладающее преимущественно положительными свойствами. Изредка вилы могли мстить человеку за причиненное зло, что делает её похожей на богинку, отчасти русалку»⁶. Автор романа для создания нового существа в волшебном мире никак не преобразила аутентичных героинь фольклора, но, как видно, переводчики обоих вариантов несколько изменили форму лексемы. Это может быть связано в некоторой мере с целевой аудиторией серии романов – она рассчитана в большей степени на детей. Скорее всего, дети дошкольного и школьного возрастов не знакомы со славянской мифологией, и название этих существ может вызвать ненужные ассоциации. Это может касаться и взрослых, ведь при виде лексемы «вила» нам представляется орудие труда, а не персонажи фольклора. Можно сделать предположение, что при сохранении переводчиками исходной формы лексемы (ее фонетического и графического оформления) воссоздать их такими же прекрасными и чарующими, как и задумывала Д. К. Роулинг, было бы проблематично. В таком случае у читателей образ вейл мог ассоциироваться с вилами, что могло создать скорее комичный эффект, чего нет в оригинальном тексте. Чтобы отобразить это наименование наиболее близко к английскому тексту, переводчики образуют неологизм, заменяя гласные «ее» в английском тексте на словосочетание «ей» в русском тексте, что помогает избежать неуместного комизма.

В отличие от описанного выше примера, где переводчикам пришлось проявить некоторую изобретательность, ниже мы можем наблюдать использование уже существующих русских соответствий:

АИТ: «What's the problem with giants? But what's it matter if his mother was a giantess?» said Harry (147); РПТ 1: Так что такое с великанаму? – напомнил Гарри. – Его мать великанша, пусть так (294); РПТ 2: Что с этими гигантами? – Но кому какое дело, что его мать гигантесса? – спросил Гарри (217).

В этих примерах главные герои ведут разговор о великанах – еще одних персонажах фольклора, названия которых варьируются в зависимости от принадлежности к тому или иному этносу: в античной мифологии это титаны, гекатонхейры, гиганты или циклопы; в Библии можно встретить термин «нефилим»; кельты называли их фоморами и т. д. Ссылаясь на общий толковый словарь русского языка, великана можно определить как крупного человека, обладающего необычайной силой, либо как сверхъестественное существо, чей образ часто появляется в творчестве западноевропейских и южнославянских народов, а также в скандинавском эпосе. Примечательно, что великаны склонны проявлять агрессию к людям⁷. Это существо хорошо знакомо русскоязычным читателям, поэтому для переводчика здесь нет никаких трудностей: в первом варианте перевода использовано русское соответствие. Во втором примере, однако, переводчик использует лексему «гигант». Согласно Реальному словарю классических древностей, гигант – тот же самый, великан, но в мифологии древних греков (263). Выбирая данную лексему, переводчик делает акцент на различиях людей и гигантов, добавляет больше мифического в перевод и показывает, что в мире Гарри Поттера взаимоотношения волшебников и гигантов очень противоречивы. Более того, согласно Этимологическому словарю Фасмера, слова «великан» и «гигант» имеют разное происхождение: первый из древнерусского, второй – из древнегреческого языка⁸. Так, мы видим, что образ гигантов намеренно отдален от человеческого образа. Интересно образование женского рода от данной лексемы. В английском языке мы видим типичный пример использования суффикса *-ess*. Как и с лексемой, обозначающей мужской пол существ, здесь переводчики выбрали разные стратегии. В первом варианте перевода мы видим суффикс *-ша*, указывающий на принадлежность существа к женскому полу, а во втором варианте переводчик использует окончание *-есса*, которое, как указывает словарь, характеризует персонажей, дополняя их образ комичным, несколько ироничным оттенком⁹.

Далее взглянем на существ, характерных для английской, скандинавской и ирландской мифологии:

АИТ: I did hear an excellent joke over the summer about a troll, a hag, and a leprechaun who all go into a pub (213);

РПТ 1: Этим летом я слышал анекдот... словом, заходят однажды в бар тролль, ведьма и лепрекон... (431);

РПТ 2: Летом мне рассказали отличный анекдот. Значит, так: тролль, лешачка и лепрекон заходят в бар... (401).

Тролли – существа не из славянской мифологии, как было в предыдущих примерах, а из скандинавской. Они представляют собой огромных, сильных существ, однако часто малодушны. И как в случаях с переводом других наименований

мифологических существ, переводчики использовали готовое соответствие. То же можно сказать и о переводе слова *leprecon*, разница только в том, что эти существа известны нам из ирландского фольклора и, в отличие от троллей, они маленькие, одетые во все зеленое люди, приносящие удачу. Стоит заметить, что в этом примере Д. К. Роулинг для обозначения волшебника женского рода не использует слово *witch*, вместо него используется *hag*. Это слово сочетает в себе признаки волшебных качеств и дает характеристику объекту, оно более экспрессивно. Более того, в этом случае оно уместнее, так как речь идет об анекдоте, а значит, Д. К. Роулинг использует пейоративное слово с экспрессивной окраской. Также через это слово передается характеристика не только ведьмы, о которой рассказывает Грюм, но и его самого, ведь он известен тем, что обладает грубым, жестоким нравом. Переводчик первого варианта принял решение не передавать особую окраску этого слова, выбрав нейтральное «ведьма», совсем другое наблюдается во втором варианте перевода. Здесь переводчик выбирает нестандартный вариант: слово «лешачка». Это лексическая замена с созданием собственного неологизма от известного слова *леший*. Данный вариант делает речь Грюма более экспрессивно окрашенной, определенным образом характеризует и его.

Далее приведем пример, содержащий лексему *banshee*, которая также обозначает магическое существо, и разберем ее перевод на русский язык:

АИТ: Sounded like a banshee...! (173);

РПТ 1: Похоже на ведьму-банши (342);

РПТ 2: Похоже на банши... (407).

Переводчики использовали здесь русский аналог, но в первом варианте было добавлено слово *ведьма* для уточнения рода существа. Это можно объяснить тем, что *банши* – персонаж ирландского фольклора, и многие русскоязычные читатели могут быть с ним не знакомы. Таким образом, переводчик первого варианта с помощью добавления делает это существо более наглядным для читателей.

В следующем представленном примере виден целый ряд магических существ и животных:

АИТ: You've covered boggarts, Red Caps, hinkypunks, grindylows, Kappas, and werewolves, is that right? (164);

РПТ 1: ...Прошли боггартов, Красных Колпаков, болотных фонарников, гриндилоу, ползучих водяных и оборотней – я правильно поняла? (312);

РПТ 2: Вы прошли вризракков, красношапов, финтилюхов, загрыбастов, кап и оборотней, верно? (288).

Боггарта, типичного для английского фольклора, можно сравнить со славянским домовым – у них много общих черт. Боггарты имеют образ скорее дружелюбных существ, однако иногда они доставляют людям немало проблем, так как

способны на злые проделки. Д. К. Роулинг переосмысливает образ традиционного боггарта. В мире Гарри Поттера он не похож на другие привидения, может подстраиваться под любого волшебника и принимать форму объекта, которого волшебник страшится больше всего.

В первом случае переводчик передает название существа транслитерацией. Во втором мы видим сочетание целостного преобразования и описательного перевода: окказионализм «boggart» заменен на переводческий неологизм «вризрак», что очень хорошо передает характеристику этих существ: они – подобие призраков-домовых, способны трансформироваться в самые разные объекты, обманывая волшебника. «Красные колпаки» – еще одно наименование мифологических существ. Они берут свое начало из фольклора Шотландии и представляются там воинственными карликами с обязательным атрибутом – красными колпаками, цвет которых символизирует кровь убитых ими людей. В первом случае переводчик применяет калькирование.

Во втором примере перевода – также калькирование, однако для перевода слова «сар» выбран аналог «шапка», что позволяет лексеме лучше вписаться в российскую реальность, так как слово «шапка» воспринимается как коллоквиализм, в то время как колпак может отсылать читателя либо к национальному атрибуту одежды некоторых народностей, либо к атрибуту одежды шутов. Кроме того, переводчик, сращивая два слова, создает неологизм. Болотный фонарик походит на дымообразное существо на одной ноге, с фонариком в руке, встречающееся в сумерках или ночью. Болотные фонарики опасны для людей: они привлекают людей светом фонаря и заманивают в топи. В качестве прототипа болотных фонариков, очевидно, выступает существо английского фольклора will-‘o-the-wisp. Чтобы воссоздать образ этого существа, первый переводчик использует описательный перевод, тогда как во втором варианте перевода мы видим окказионализм «финтиплюх», введенный переводчиком для подражания звучанию и структуре оригинальной лексемы. Гриндилоу описывается в народном творчестве англосаксов как обитатель морей с длинными когтями и рожками, что делает его похожим на черта. Некоторые исследователи видят в названии существа аллюзию на имя Гретель из Беовульфа. Гриндилоу опасны для людей, особенно для детей, которые могут стать их жертвой, проходя близко к водоемам¹⁰.

Д. К. Роулинг сохраняет аутентичный образ этих существ, в романе они также представляют угрозу для волшебников. Например, один из гриндилоу утащил Флёр Делакур под воду. В первом случае перевода применяется транскрипция для точной передачи фонетической формы слова. Во втором же случае создан неологизм и использован описательный перевод. Ползучие водяные (англ. *Carpa*), очевидно, происходят из

японской мифологии и походят на обезьян, покрытых чешуей. Скорее всего, большинству русскоязычных читателей оригинальное название существа представится малознакомым, и для более яркой и точной характеристики переводчик в первом варианте применяет описательный перевод – добавляет слово «ползучий» для большей образности. Во втором варианте использована транслитерация в сочетании с транскрипцией.

Далее рассмотрим пример, где приведено название и переводы еще одного греческого существа – гиппогрифа:

АИТ: I was attacked by a hippogriff, and my friend Vincent Crabbe got a bad bite off a flobberworm (203);

РПТ 1: На меня бросился гиппогриф и поранил, а моего друга Винсента Крэбба укусил флоббер-червь (397);

РПТ 2: На меня напал гиппогриф, а моего друга Винсента Краббе жутко кусал скучечервь (361).

Гиппогриф впервые упоминается в работах древнегреческих авторов и означает животное, наполовину коня, наполовину грифона. И в английском, и в русском языках создается образ этого животного, оно известно нам еще из других художественных произведений. Следовательно, переводчикам достаточно было просто перевести слово с использованием транслитерации, чтобы читатель представил себе этого магического зверя. В этом примере внимания заслуживает и второе существо – флоббер-червь, или скучечервь. Это слово состоит из двух частей. Здесь уже видны разные подходы к переводу наименования данного существа. В первом варианте перевода применяется транслитерация для первой части «флоббер», а для второй части используется дословный перевод. «Флоббер» указывает на магическое происхождение существа, на то, что его не встретишь в обычном мире, а «червь» дает нам представление о том, как это существо выглядит, как себя ведет, ведь флоббер-черви во многом похожи на червей из обычного мира. Что касается второго варианта перевода, то здесь вторая часть слова worm была так же дословно переведена, чтобы дать зрительное представление читателям о внешности существа, а первая часть flobber была переведена как «скуче», что указывает на характерное поведение и образ жизни этих созданий: ведь они малоподвижны, ведут однообразную и скучную жизнь. Следующее существо не известно нам из мифов, однако Д. К. Роулинг использовала образ известного мифологического существа для создания собственного неологизма:

АИТ: ... he had fought the dementors last year – for that was the terrible power of the dementors (197);

РПТ 1: ... в прошлом году сражался с дементами... (394);

РПТ 2: ... в прошлом году к нему приближались дементоры... (358).

Прототипом для дементоров послужили вампиры, представленные в мифологии народов Европы. Их обычно можно увидеть во многих произведениях фэнтези, не только в литературе, но и в кинематографе. Они известны тем, что ведут ночной образ жизни, носят длинные одежды (часто мантии), не способны находиться на дневном свете, питаются человеческой кровью. В фольклорных традициях считали, что вампирами становились «нечистые покойники» – преступники, утопленники, жертвы вампиров и т. д. Существует несколько версий происхождения этой лексемы, и все они связаны со словами, несущими в себе значение ужаса страха и страданий. Одна из самых распространенных версий гласит, что название «дементор» происходит от слов *dement* ('делать сумасшедшим') и *tormentor* ('тот, кто причиняет большие страдания'), т. е. буквально дементор – «тот, кто наносит сумасшествие»¹¹.

Существует также и другая версия: *de* – отрицать, *mental* – духовный, умственный, разумный, т. е. «отрицать разум», «лишать разума»¹².

Здесь наблюдается транслитерация, переводчики приняли решение сохранить оригинальную форму слова. В русском языке дементор имеет сходное звуковое оформление со словом «демон», которое в русском языке обозначает дьявола, Злого духа¹³. Таким образом, переводчики, сохраняя исходную форму слова, достигают нужного эффекта угрозы и опасности.

Как видно из приведенного анализа, в романах о Гарри Поттере Д. К. Роулинг при создании уникальной волшебной картины мира использовала массу персонажей из мифов и фольклора, некоторые из которых хорошо знакомы русским читателям, а о некоторых можно было прочитать впервые. При воссоздании волшебной картины мира и переводе распространенных в русской среде лексических единиц у переводчиков, как правило, не возникало трудностей, и перевод был осуществлен с использованием русских аналогов. Однако автор разнообразила текст произведения существами, неизвестными многим представителям русскоязычной аудитории. Здесь для моделирования картины мира переводчики вынуждены были прибегать к различным трансформациям. В результате анализа 48 примеров следует заключить, что самая частотная трансформация перевода в обоих вариантах – калькирование (или использование готового соответствия: 33 примера в первом переводе и 29 примеров во втором – 64 и 59% соответственно). Далее следуют транскрипция и транслитерация (в 8 случаях в тексте первого варианта перевода, в 6 случаях во втором – 26 и 14% соответственно). В переводе от издательства «РОСМЭН» присутствуют примеры использования добавления (2 примера – 11%), тогда как в переводе издательства «Махаон» мы, помимо вы-

шеперечисленных приемов, видим описательный перевод (8 примеров – 12%) и грамматические и лексические замены (5 случаев – 13%). Отсюда можно сделать заключение, что второй вариант перевода отличается большим разнообразием, уникальностью с точки зрения переводческих трансформаций и прекрасно подходит для детей дошкольного и школьного возрастов.

Примечания

- 1 Каплан В. Заглянем за стенку // Новый мир. 2001. № 9. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/9/zaglyanem-za-stenku.html (дата обращения: 09.07.2020).
- 2 См.: Степанова М., Мозгачева Е. Обучение анализу переводческих трансформаций на материале литературы жанра фэнтези // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6, № 20. С. 53–60. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.20.6
- 3 Rowling J. Harry Potter and The Goblet of Fire. L. : Bloomsbury, 2010. P. 184. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 4 Роулинг Д. Гарри Поттер и Кубок огня / пер. с англ. М. Д. Литвиновой, Н. А. Литвиновой, А. Г. Ляха, М. А. Межуева, Е. И. Саломатиной ; под ред. М. Д. Литвиновой. М. : РОСМЭН, 2002. С. 368. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 5 Роулинг Д. Гарри Поттер и Кубок Огня / пер. с англ. М. В. Спивак. М. : Махаон, 2017. С. 140. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 6 Реальный словарь классических древностей : в 5 т. / под ред. Ф. Любкера. Т. 3. М. : ОЛМА-Пресс, 2001. С. 206. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 7 См.: Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolsklovar.ru/> (дата обращения: 29.07.2019).
- 8 См.: Этимологический словарь М. Фасмера. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-vasmer/index.html> (дата обращения: 29.07.2019).
- 9 См.: Исторический словарь галлицизмов русского языка. URL: <https://gallicismes.academic.ru> (дата обращения: 29.07.2019).
- 10 См.: Pearsall J. Oxford English Reference Dictionary. L. : Oxford University Press, 2002. С. 94.
- 11 Биловонс Е. Перевод окказионализмов в произведениях современной фантастики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2011. № 1. С. 74.
- 12 Тумбусуа-Макашова А. Р. Особенности перевода с английского на русский язык лексики жанра фэнтези // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25 ноября 2014 г.) / редкол. : Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2015. С. 146.
- 13 См.: Общий толковый словарь русского языка.

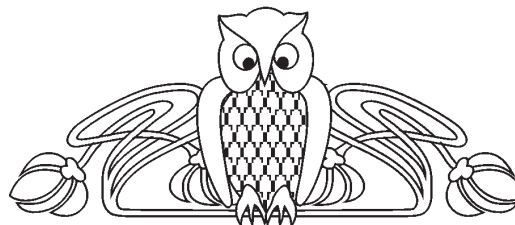
Поступила в редакцию 03.08.2020, после рецензирования 03.09.2020 / 02.11.2020
Received 25.07.2020, revised 03.09.2020, accepted 02.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 63–67
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 63–67

Научная статья
УДК 811.161.1'243
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-63-67>

Экстралингвистические факторы и внутриязыковая специфика преподавания русского языка как иностранного в группах обучающихся из Лаоса

Н. А. Антонова

Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Наб. Адмирала Макарова, д. 8

Антонова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, annata71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-1865>

Аннотация. Статья посвящена изучению экстралингвистических и внутриязыковых факторов, влияющих на эффективность обучения русскому языку курсантов из Лаоса. В исследовании анализируется культурологическая типология Р. Льюиса применительно к экстралингвистической специфике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: лаосский язык, обучение РКИ в военных вузах, сопоставительная типология, культурологическая типология

Для цитирования: Антонова Н. А. Экстралингвистические факторы и внутриязыковая специфика преподавания русского языка как иностранного в группах обучающихся из Лаоса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 63–67. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-63-67>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-63-67>

Extra-linguistic factors and intra-lingual specific features of teaching Russian as a foreign language in groups of students from Laos

Natalya A. Antonova, annata71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-1865>

Army General Khrulev Military Logistics Academy, 8 Makarova Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Abstract. This article studies extra-linguistic and intra-lingual factors affecting the effectiveness of teaching Russian to cadets from Laos. The study analyzes the cultural typology of R. Lewis in relation to the extra-linguistic specific nature of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Lao language, teaching RFL in military universities, comparative typology, cultural typology

For citation: Antonova N. A. Extra-linguistic factors and intra-lingual specific features of teaching Russian as a foreign language in groups of students from Laos. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 63–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-63-67>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Глобальные интеграционные процессы в современном мире способствуют не только ускорению научно-технического прогресса, но и усиленному межкультурному обмену. Развитие и укрепление партнерских отношений России и стран Азии привело к росту числа обучающихся из азиатских стран в российских вузах, преимущественно из Вьетнама, Китая и Лаоса. В результате активного военно-технического сотрудничества России и Лаоса в последние годы

можно отметить увеличение числа лаосских обучающихся в военных вузах России, что ставит перед специалистами в области педагогики и преподавателями русского языка как иностранного ряд принципиально важных задач, направленных на создание оптимальных условий для осуществления эффективного образовательного процесса с учетом межкультурной специфики.

Значимость настоящего исследования обусловлена тем, что знание особенностей лаос-

ского языка, менталитета, культуры, понимание трудностей, с которыми сталкиваются учащиеся на первом году изучения русского языка как иностранного, дают преподавателю возможность предотвратить появление типичных ошибок на начальном этапе и значительно облегчить столь трудоемкий процесс изучения русского языка. Практическая ценность работы заключается в разработке новых педагогических приемов, учитывающих экстралингвистическую и внутриязыковую специфику педагогического дискурса в профессиональной сфере с целью их последующего применения в профессиональной деятельности преподавателей, работающих в группах обучающихся из Лаосской Народно-Демократической Республики.

Данное исследование вносит определенный вклад в коммуникативную лингвистику и способствует дальнейшему исследованию речевой межкультурной коммуникации в рамках педагогического дискурса в сфере профессионального общения.

Методы исследования включают в себя метод лингвистического наблюдения, описания, интерпретации и обобщения для определения межкультурной и межъязыковой специфики коммуникации «обучаемый – преподаватель» и последующей выработки педагогических приемов, направленных на преодоление возникающих трудностей. В основе методологической базы исследования лежит метод дискурсивного анализа, или дискурс-анализ. Применение дискурс-анализа обусловлено его универсальностью применительно к исследованиям, посвященным вопросам коммуникации, так как данный метод, располагаясь на стыке социолингвистики и психолингвистики, отражает общие знания о человеке. Сбор исследовательского материала был произведен методом включенного наблюдения.

Трудности, с которыми сталкиваются учащиеся, следует разделить на экстралингвистические и внутриязыковые. К экстралингвистическим факторам относятся культурно-специфические феномены, такие как религия, тип культуры, общекультурные и педагогические традиции, социальные поведенческие конвенции. Внутриязыковые факторы, в свою очередь, охватывают не только структурные уровни языка, такие как фонетика, грамматика, синтаксис, но и коммуникационную прагматику.

Рассматривая экстралингвистические факторы, невозможно не упомянуть типологию культур, предложенную американским лингвистом и специалистом по межкультурной коммуникации Р. Льюисом¹, который выделяет три типа культур – моноактивные, полиактивные и реактивные. Для представителей моноактивных культур (преимущественно германская этноязыковая общность) характерны организованность, четкое следование правилам, составление планов, логичность, по-

следовательность, пунктуальность, ориентация на деловую, практическую составляющую коммуникации. Полиактивные культуры – это культуры, ставящие во главу угла межличностные отношения. Представители полиактивных культур зачастую пренебрегают правилами и обладают гибкостью при выполнении задач, выставляя приоритетность сообразно значимости той или иной задачи. Реактивные культуры представлены азиатскими культурами, для которых характерны эмоциональная сдержанность, взаимное уважение, ритуализованность коммуникации, патерналистский характер взаимодействия сторон. Кроме того, одной из специфических черт реактивных культур является скромность, в некоторых случаяхходящая до самоунижения.

Особое внимание в такой коммуникации уделяется «сохранению лица» – в процессе общения стороны следят не только за сохранностью своей репутации, но и за репутацией собеседника. Данные культурно-типологические особенности коррелируют с общими религиозными источниками буддизма и конфуцианства, распространенными в Китае и Лаосе. Для иностранных студентов из этих стран характерны общая доброжелательность, почтительное отношение к преподавателю, коллективизм. Как правило, эти обучающиеся никогда не высказывают своего мнения открыто, не вступают в спор и не демонстрируют негативных эмоций.

Часто группы лаосских курсантов обнаруживают неуверенность в себе, теряются при вопросах незнакомых людей, а также впадают в языковой «ступор», если не понимают, что им говорят. Несмотря на это, обучающиеся из Лаоса проявляют благодарность и уважение к наставникам, их отличает крайнее любопытство к преподавателю как к человеку. При этом они никогда не признаются, что устали или плохо себя чувствуют. Вполне вероятно, что коллективизм, характерный для реактивных культур, где интересы индивида должны непременно подчиняться интересам группы, проявляется в наличии у лаосских курсантов терпеливости, выносливости, сдержанности и ответственности.

«Преподавателю, обучающему лаосцев, следует знать, что они открыто гордятся своим языком и с огромным уважением относятся к тем, кто знает их язык, ведь он, с их точки зрения, недостижим для иностранца. Если иностранец знает лаосский язык, то он достоин огромной похвалы, поэтому при обучении лаосских курсантов родной язык можно использовать как вспомогательное средство»². Именно поэтому для преподавателя столь важно выстроить такую стратегию педагогического взаимодействия, которая способствовала бы достижению конкретных результатов в коммуникации «обучаемый – преподаватель».

Еще одним экстралингвистическим фактором, осложняющим изучение РКИ для военно-

служащих из Лаоса, является резкое изменение бытовых условий, обусловленное совершенно иной климатической и социокультурной средой. Различаются военные уставы армий Лаоса и России, порядок проведения ночных нарядов и учебных занятий, имеются различия в воинском менталитете в целом, что приводит к стрессу и проблемам с усвоением знаний. Достаточно сказать, например, что в лаосской армии отсутствует сама процедура нарядов, поэтому первое время обучающиеся из Лаоса испытывают значительные сложности, связанные с распорядком дня. Профессиональные различия осложняются и иными погодными условиями, а также отличиями в повседневной культуре, прежде всего в системе питания.

Обучение русскому языку как иностранному в группах лаосских курсантов также сопряжено с межъязыковыми различиями русского и лаосского языков. Необходимость учета межъязыковых различий при обучении студентов из Лаоса русскому языку отмечают многие исследователи (Е. Бакланова, М. Барбасоева³, Н. Катышева⁴, Л. Шашок⁵ и др.). Наибольшие трудности связаны с отсутствием в лаосском языке таких фонетических дифференциальных признаков, как мягкость/твердость, глухость/звонкость. Иными словами, 25 согласных звуков русского языка не имеют соответствий в лаосском языке, поэтому основные усилия преподавателя направлены на формирование у обучающихся фонетических навыков. Именно поэтому преподавателю РКИ в группах лаосских обучаемых также необходимо уделять особое внимание постановке звуков [Ц], [Щ], [Ш], [Ы], дифференциации звуков [С] и [Ш], [Р] и [Л]. Кроме того, в лаосском языке отсутствуют йотированные гласные – [Е], [Ё], [Ю], [Я].

Это длительный, трудоемкий процесс, результаты которого отмечаются не сразу. На протяжении всего процесса обучения на подготовительном курсе каждое практическое занятие рекомендуется начинать с фонетической разминки, так как именно фонетике отводится главная роль в процессе обучения. Лаосским курсантам требуется значительно больше времени для освоения фонетики, что в свою очередь замедляет процесс изучения грамматики и спецлексики военного модуля. Опыт работы в таких группах показывает, что «раскрываться» в языковом плане обучаемые начинают только на втором, а иногда даже на третьем году обучения. Добиться хороших результатов удается не всегда.

Межъязыковые различия лаосского и русского языков в области морфологии, грамматики и синтаксиса обусловлены их отнесенностью к разным типам языков. «Обучаемые, особенно на начальном этапе, обычно бессознательно переносят речевые навыки родного языка в речь на изучаемом ими русском языке. Чтобы предотвратить появление типичных ошибок, необходимо знать особенности родного языка иностранца,

использовать положительное влияние ранее усвоенного языка на изучаемый (перенос)»⁶.

С точки зрения морфологической типологии, русский язык – это синтетический язык, для которого характерны флективное маркирование грамматических категорий, развитая флективная система, участвующая в словоизменении и словообразовании, относительно свободный порядок слов. В свою очередь, лаосский язык относится к изолирующему типу языков, в которых образование грамматических форм осуществляется преимущественно аналитическим способом. Для лаосского языка свойственны фиксированный порядок слов в предложениях (SVO), наличие вспомогательных слов для образования грамматических форм, отсутствие аффиксального маркирования падежа, слаборазвитая флективность. Согласно данным типологической базы World Atlas of Languages (WALS), в лаосском языке также отсутствуют категория множественного числа, артикли, грамматическое маркирование совершенного и несовершенного вида. Еще одним отличием лаосского языка от русского является то, что числительные, прилагательные и притяжательные местоимения в лаосском языке стоят в постпозиции к определяемому слову. При образовании степеней сравнения прилагательных вспомогательное слово также располагается в постпозиции к прилагательному.

Данные экстралингвистические и внутриязыковые факторы оказывают влияние на эффективность изучения русского языка в группах курсантов из Лаоса. Преподавателю заблаговременно следует ознакомиться с языковыми особенностями контингента обучающихся, учитывать экстралингвистическую специфику дискурса, культуру и менталитет обучающихся. Учет межкультурных и межъязыковых факторов дает преподавателю РКИ возможность выработать такую коммуникативную стратегию, которая позволит достичь в обучении слушателей-курсантов из Лаоса желаемого результата, поставленного программой дисциплины. Следует оговорить, что под «коммуникативной стратегией» в педагогическом дискурсе мы понимаем линию речевого поведения преподавателя в условиях социального взаимодействия на уроке, направленную на решение коммуникативных задач и выраженную конкретными языковыми средствами.

Помимо выработки коммуникативной стратегии, для преподавателя важно продумать методы обучения и изучаемый материал. Опыт преподавания русского языка в группах лаосских военнослужащих показывает, что важнейшим этапом каждого практического занятия по русскому языку является фонетическая разминка. Задачей вводно-фонетического курса становится не только освоение азов фонетики русского языка, но и одновременное изучение профессиональной лексики, включающей термины по математике, черчению, химии и физике.

Вводный фонетический курс при этом включает нескольких уровней. Первый уровень подразумевает установление фонетико-графических соответствий «буква – звук» при параллельном усвоении основ произношения и письма. На элементарном уровне вводится лексика и грамматические конструкции с ее использованием, что способствует неразрывному освоению лексической и грамматической языковых компетенций.

При формировании языковых компетенций в области профессиональной коммуникации необходимо тщательно отбирать задания, нацеленные на изучение специального военного модуля. Для обучения военнослужащих из Лаоса в качестве дополнительного материала мы рекомендуем учебное пособие авторов Е. В. Дубинской, Т. К. Орловой, Л. С. Раскиной и др. «Русский язык будущему инженеру. Учебник по научному стилю речи для иностранных граждан (довузовский этап). Книга для студента»⁷. Методом наращивания знаний изучается профессиональный модуль.

Необходимо иметь в виду, что в ходе образовательного процесса преподаватель не только осуществляет коммуникацию с аудиторией обучающихся, но и управляет их деятельностью на занятии. Организация работы в течение урока предполагает наличие сценария, постановку методических целей и задач. Задача преподавателя заключается в том, чтобы настроить обучающихся на сотрудничество, а также направить работу участников педагогического дискурса в конструктивное русло. Сценарий занятия допускает вариативность, так как именно преподаватель регулирует педагогическое взаимодействие учащихся и создает определенную атмосферу для этого взаимодействия. При этом следует отметить, что одни и те же педагогические цели достигаются разными способами. Так, сюжет занятия зависит от того, какую линию поведения выбрал преподаватель. Для преподавателя важно правильно стратегически выстроить свое речевое поведение таким образом, чтобы оно стимулировало учебный процесс, поскольку он на протяжении всего практического занятия контролирует и регулирует учебную деятельность. Данная задача обуславливает выбор императива как основной педагогической стратегии на уроке.

Тем не менее, опыт преподавания в группах лаосских обучаемых показывает, что проявление строгости, чрезмерной требовательности, а также недовольства со стороны преподавателя с низким уровнем знаний и умений в этих группах может привести лишь к снижению мотивации обучаемых и конфронтации, которая проявляется в том, что они впадают в «ступор», неохотно идут на контакт. В связи с этим преподавателю следует быть очень внимательным к языковым средствам, используемым в своем педагогическом взаимодействии с обучаемыми для дости-

жения желаемого результата. Принимая во внимание данный фактор, необходимо отметить, что в этих группах формы обычных директив в речи преподавателя неуместны.

Поскольку преподаватель направляет обучающихся в ходе образовательного процесса, ему следует быть готовым к тому, что он не всегда получит правильный ответ на задаваемый вопрос или желаемый отклик на просьбу что-то выполнить. Преподавателю, работающему в таких группах, важно не использовать в своей речи прямых, эксплицитно выраженных директивных высказываний, так как это встречает мгновенное сопротивление со стороны обучаемых. В качестве эффективной коммуникативной стратегии мы предлагаем уметь корректировать деятельность обучаемых и терпеливо ждать.

Кроме того, как и в любом дискурсе, в педагогическом общении используется очень много языковых средств, которые информативно не значимы, но крайне важны для поддержания рабочей обстановки. На занятиях русского языка как иностранного в группах курсантов из Лаоса следует комбинировать оценочные и информативные высказывания, такие как: *Произнесите!; Скажите/ пожалуйста/ звуки А/ О/ У!; Повторите/ пожалуйста!; Повторяем все вместе/ так/ хорошо!; Отлично/ вот так/ молодец!* Данный прием позволяет инициировать коммуникацию и активизировать физическую и интеллектуальную деятельность обучающихся и способствует гармонизации учебного процесса.

Для создания оптимальных условий обучения мы применяем на занятиях такой психолого-педагогический прием, как похвала или одобрение, в функции которого выступает реплика *Молодец!* Не менее важно выбирать формы императива совместного действия, в которых снижена категоричность и в то же время поддерживается побуждение к действию: *Подумайте/ пожалуйста!; Давайте вместе посмотрим!; Давайте скажем вместе!; Повторяем все вместе!* Реплики *Спасибо!; Пожалуйста!* традиционно используются нами, чтобы смягчить жесткую требовательность учебного процесса, стимулировать к учебной деятельности и побудить к работе. Например: *Пожалуйста/ повторите!; Спасибо/ хорошо!* Этикетная форма *Спасибо!* часто употребляется в функции оценки и одновременно одобрения деятельности обучаемого. На занятиях также используется разговорная стимулирующая компонента общей фразы: *«Вот/ повторите этот звук!; Вот/ теперь правильно!; Давайте еще раз/ пожалуйста!*

Мы отмечаем, что для преподавателя РКИ в группах лаосских курсантов важно не злоупотреблять использованием негативной оценки знаний и умений обучаемых, так как только похвала и позитивное отношение на занятиях позволяют добиться хороших результатов, распо-

ложить к себе обучаемых, завоевать их доверие. Работа в этих группах особенно ответственна и трудна, но в то же время и интересна. Межкультурная коммуникация с представителями этой культуры обогащает и самого преподавателя. Отличительные черты психологического облика лаосцев – позитивное восприятие жизни, доброта по отношению к людям, терпение и сдержанность в общении.

В результате настоящего исследования были перечислены ключевые экстралингвистические и внутриязыковые факторы, влияющие на эффективность обучения лаосских курсантов русскому языку. Педагогическая практика показывает, что наиболее значимой составляющей образовательного процесса, направленного на формирование языковых компетенций у иностранных военнослужащих, является учет межкультурных и межъязыковых различий, а также создание культурно-ориентированного психологического климата на занятии.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что педагогический дискурс подразумевает постановку педагогических целей и контроль со стороны преподавателя. Ключевым инструментом контроля учебного процесса и создания эффективной рабочей атмосферы в рамках практического занятия является выработка преподавателем оптимальной коммуникативной стратегии взаимодействия с обучающимися в совокупности с проработанным сценарием урока. Настоящее исследование показало, что учет экстралингвистической и внутриязыковой специфики ведения коммуникации с группой иностранных обучающихся является неотъемлемым элементом при разработке коммуникативной стратегии преподавателя РКИ. Склонность представителей реактивных культур к коллективизму и церемониализации коммуникации, недопустимость «потери лица» обуславливают неприятие ими традиционных для педагогического дискурса категоричных форм императива, в связи с чем ведущая роль в коммуникации «преподаватель – обучающиеся» отводится формулам вежливости и императивам совместного действия.

Кроме того, внешние факторы, такие как иная культурная среда, изменение климата, непривычные бытовые условия, приводят к интенсификации и возрастанию роли культурно обусловленного поведения обучающихся, что нередко служит причиной возникновения трудностей при изучении иностранного языка. Именно поэтому в процессе обучения военных курсантов из Лаосской Народно-Демократической Республики необходимо особое внимание уделять активизации профессионально мотивирующих факторов изучения русского языка, а также продуманной политике системной социально-культурной адаптации.

Примечания

- ¹ См: *Льюис Р.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М. : Дело, 1999.
- ² *Бурченкова А.* Обучение русскому языку иностранных военнослужащих из Лаоса. Принцип учёта родного языка // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2011/12/321> (дата обращения: 12.09.2020).
- ³ См: *Бакланова Е., Барбасова М.* Некоторые причины возникновения коммуникативных сбоев и способы их предупреждения в процессе обучения русскому как иностранному лаосских учащихся // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2019. № 5 (27). С. 117–129. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-5-117-129
- ⁴ См: *Катышева Н.* Особенности обучения русскому языку лаосских курсантов // Лингвокультурология. 2018. № 12. С. 122–127.
- ⁵ См: *Шапок Л.* Некоторые характерные особенности обучения иностранных военнослужащих русскому языку как иностранному // Молодой ученый. 2017. № 37 (171). С. 124–126.
- ⁶ Методика / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Русский язык, 1988. С. 41.
- ⁷ См: *Русский язык будущему инженеру. Учебник по научному стилю речи для иностранных граждан (двузоровский этап). Книга для студента / Е. В. Дубинская, Т. К. Орлова, Л. С. Раскина [и др.]. М. : Флинта ; Наука, 2016. (Русский язык как иностранный).*

Поступила в редакцию 21.10.2020, после рецензирования 16.11.2020, принята к публикации 21.11.2020
Received 21.10.2020, revised 16.11.2020, accepted 21.11.2020

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 68–74

Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 68–74

Научная статья

УДК 821.161.1.09-14+929Мандельштам

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-68-74>

«Степные» мотивы в лирике О. Мандельштама: специфика художественного пространства

Б. А. Минц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Минц Белла Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

Аннотация. В статье рассматривается развитие поэтических образов и мотивов, связанных с представлениями Мандельштама о степном пространстве. Выявлены национальные и универсальные аспекты данного комплекса образов и мотивов, связь с русской литературной традицией, с индивидуальной поэтической мифологией Мандельштама.

Ключевые слова: «степные» мотивы, национальный менталитет, инвариант, аллюзии, интертекстуальная структура, поэтический миф

Для цитирования: Минц Б. А. «Степные» мотивы в лирике О. Мандельштама: специфика художественного пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-68-74>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-68-74>

'Steppe' motifs in the lyrical poetry of O. Mandelstam: Characteristic aspects of the art space

Bella A. Mints, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

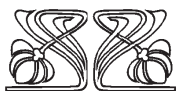
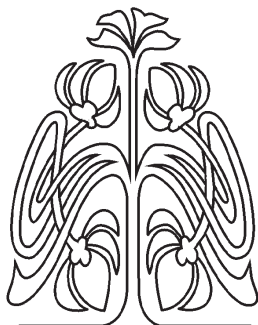
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article deals with the development of poetic images and motifs associated with Mandelstam's ideas about the steppe space. The author reveals national and universal aspects of this complex of images and motifs, as well as their connection with the Russian literary tradition and the individual poetic mythology of Mandelstam.

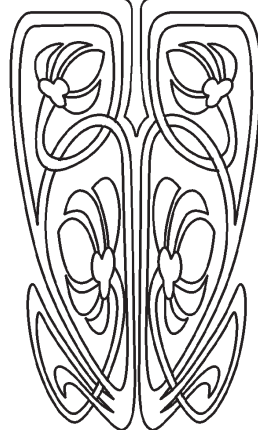
Keywords: 'steppe' motifs, national mentality, invariant, allusions, intertextual structure, poetic myth

For citation: Mints B. A. 'Steppe' motifs in the lyrical poetry of O. Mandelstam: Characteristic aspects of the art space. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 68–74 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-68-74>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Пространственные модели и образно-мотивный комплекс в поэзии О. Мандельштама, центром которого является степь, одна из национально-культурных универсалий, обращали на себя внимание исследователей, в том числе и как специальный предмет изучения¹. Материал этот настолько богат и содержателен, что каждое обращение даёт возможность увидеть значимые детали.

Изучение этого образно-мотивного комплекса в лирике Мандельштама сопряжено с неким внутренним сопротивлением материала. Непростой процесс национального самоощущения поэта проблематизирует соотношение «степных» мотивов в его поэзии с сугубо национальным менталитетом, пространственный аспект которого был философски осмыслен Н. А. Бердяевым во фрагменте книги «Судьба России» – «О власти пространств над русской душой». По словам Н. А. Бердяева, «русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности... не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработывает её»². Как следствие – широта души русского человека, некая бесформенность мысли, отсутствие самодисциплины.

Стоит вспомнить, что в молодости Мандельштам увлекался Чаадаевым, ценя в нём как раз внутреннюю дисциплину и то, что он был чужд российским представлениям о бесформенном внеисторическом рае³. Именно пространственной метафорой определяет Мандельштам направление чаадаевской мысли: «Уроженец равнины, он захотел дышать воздухом альпийских вершин»⁴. По мнению Г. Д. Гачева, русское пространственное мышление горизонтально по своей сути. В нём «даль и ширь важнее высоты и глубины»⁵, получая сакральный смысл как параметры бескрайних равнин. В мире Мандельштама пространство, напротив, «создаётся, как правило, вертикальными линиями»⁶, что содержательно коррелирует с «архитектурной» образностью, распространяющейся не только на культуру, но и на природу, например, на структуру геологических пород, почвы. Одним из характерных инвариантов в мандельштамовской системе образов и мотивов является снятие верхнего слоя чего-либо для проникновения в суть, для ощущения подлинной, но скрытой природы явления. В художественной сфере Мандельштам к сходному процессу применяет формулу «снять катаракту с жёсткого зрения» (II, 2010: 195) («Разговор о Данте»). В этом же русле находится повторяющаяся метафора плуга и чернозёма: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху» (II, 2010: 51); «Время вспахано плугом, и роза землёю была» (I, 2009: 106). Показательны также образы, связанные со структурой породы, а не с видимыми очертаниями ландшафта. Это хорошо

вписывается в ту картину творческого сознания Мандельштама, которая позволила С. Аверинцеву назвать поэта «виртуозом противочувствия»⁷. Уместно предположить особое отношение поэта к российской ментальности, ориентированной на ощущение бескрайних просторов и однообразных равнин.

В качестве примера можно привести слова из черногового фрагмента Мандельштама о Палласе («Путешествие в Армению», глава «Натуралисты»): «Никому, как Палласу, не удавалось *снять с русского ландшафта пелену ямщицкой скуки*. В её [мнимой] однообразности, приводившей наших поэтов то в отчаянье, то в унылый восторг, он подсмотрел неслыханное [разнообразие крупы, материалов, прослоек] богатое жизненное содержание» (II, 2010: 407). Поэт предлагает вообразить «спутником Палласа не кого иного, как Н. В. Гоголя. Всё для него иначе. Как бы они не перегрызлись в дороге» (там же). Само изменение масштаба и ракурса зрения обозначено в стиле сказок Гофмана фантазийными образами «майских жуков» и «муравьёв», впряжённых в почтовую карету Палласа. «Картина огромности России слагается у Палласа из бесконечно малых величин» (II, 2010: 498). Противопоставление «гоголевских коней» «майским жукам» или «муравьям» призвано показать разные точки обзора, разную оптику во взгляде на Россию. Кстати, Гоголь внимательно изучал и подробно конспектировал Палласа, готовясь к написанию второго тома «Мёртвых душ»⁸, так что шуточное предположение Мандельштама о ссоре немецкого натуралиста с Гоголем не отражает всех граней этого сопоставления. В любом случае фантазия поэта симптоматична и придаёт образу дороги, по которой едет учёный, символические гоголевские обертоны, но с полемическим подтекстом.

В русской классике до Мандельштама уже был яркий опыт выделения того момента, когда резко и необычно меняются масштаб и природа взгляда человека на степь. Это фрагмент повести Чехова «Степь», посвящённый подводчику Васе, который наделён поразительно острым зрением: «Он видел так хорошо, что бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержания»⁹. Собственно, эти слова можно спроецировать и на самого автора повести, так что Мандельштам спорит не столько с классиками, сколько с некими привычными образно-смысловыми моделями восприятия степного пространства, с властью предания.

Каждое произведение, густо насыщенное мифопоэтическими и фольклорными коннотациями, где степь играет роль центра образного строя и одной из художественных доминант, становится медиатором для последующих текстов, резонируя с их версиями образа в рецепции автора или читателя. Поэзия Мандельштама и в этом конкретном случае имеет богатые связи с традицией, впитывая, прежде всего, то образное

излучение, которое исходит от Пушкина. Однако «пушкинский» слой, как мы увидим, не является единственным в «степной» мотивике Мандельштама.

Неисправимый горожанин и городолюб, Мандельштам воспринимал степь и сквозь многослойную призму культурных ассоциаций, и непосредственно в личном опыте, путешествуя по крымским, армянским, воронежским и тамбовским степям, мыслил как образную модель национального сознания и как универсальную данность, несущую в себе архетипические пространственные смыслы. Вектор вертикализации сказался здесь в интересе к возделанным слоям степного ландшафта (пашня, чернозём), что отражало сосредоточенность поэта на культуре в разнообразных её проявлениях. Не остался Мандельштам чужд и фольклорной традиции, характерной в наибольшей степени для воронежской лирики.

В ранней поэзии степь предстаёт как условный умопостигаемый образ, промелькнувший в воображении лирического героя. Неожиданным выглядит появление образа степи в «Летних стансах» (1913?), не вошедших ни в одну из редакций «Камня». По форме это жанровая картинка, характерная для акмеистического периода. Лирический герой, ипостась «прохожего человека» (I, 2009: 65), «самолюбивого, скромного пешехода», «чудака Евгения» (I, 2009: 64), смотрит из-за решётки на сад как на заповедное пространство:

В аллее колокольчик медный,
Французский говор, нежный взгляд –
И за решёткой заповедной
Пустеет понемногу сад (I, 2009: 286).

Взгляд у него ребяческий, взгляд того мальчика/юноши, который «устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья» (I, 2009: 153). Картинка становится слегка наивной эмблемой недоступности Рая. Летний город за пределами этого сада – пространство раздражающее, большое («не зажигают фонарей», «Нева как вздувшаяся вена», «всклоченное сено», «рабочая землянка», смола, самоубийца на скамье «с бесконечной челобитной / О справедливости людской»). Это город Достоевского, но это и лирический аналог Ада («трещит и варится смола»). Ретроспективно образ «всклоченного сена» выглядит предшественником «всклоченного сеновала» (I, 2009: 125) из двойчатки 1922 г. («Я не знаю, с каких пор...» и «Я по лесенке приставной...»), выразительного символа вселенского хаоса, но в контексте раннего периода он не столь откровенно символичен и растворяется в описательности.

В 4-й строфе неожиданно происходит смена планов, открывается новое, уже воображаемое, пространство: «Ломовика судьба-цыганка / Обратно в степи привела...». Эта строчка с характерной многоуровневой метафорой-метони-

мией¹⁰ и «пушкинскими» аллюзиями («судьба-цыганка» и «стэпи») настолько не вписывается в городскую пейзаж и в сюжетную канву стихотворения, в его природу жанровой картинки, что обращает на себя особое внимание. «Пушкинский» ассоциативный фон с его темами кочевой жизни и неотвратимости судеб сталкивается с вполне реалистической бытовой деталью, устанавливая связь загадочного степного мира с «ломовиком». Открывается пространство, чуждое лирическому герою и полное чисто литературных ассоциаций (и с романтическим кодом, и с намёком на реалистическую традицию). Образные оппозиции буквально наслаиваются друг на друга: город – степи, сад – степь, ломовик как деталь рабочей столицы и одновременно символ существа, чуждого городскому миру, – «французский говор, нежный взгляд».

Мандельштам создаёт вполне узнаваемую картину с социальными контрастами, но в виде образной компрессии, имеющей в своём смысловом объёме и отсылки к русской классике. По сути, эта зарисовка – свёрнутый конспект некой прозы и неких судеб. В его спрессованных фабулах таится возможность развёртывания. Бинарная оппозиция «сад – степь», например, содержит в себе архетипические значения, антитезу уюта и бесприютности, одомашненного пространства и дикого поля, защиты и беззащитности. Вместе с тем в ней проступают и человеческие коллизии, очень важные в творчестве Мандельштама и соотносимые с классической традицией. Позиция лирического героя, заглядывающегося на недоступный рай и мечтающего о даче, но замороженного драмами летнего города и воображаемой степью, может показаться инфантильной, но это позиция юного человека, которому предстоит погружение в трагические разломы реальной жизни. Это позиция «самолюбивого, скромного пешехода», равно чуждого и заповедному пространству сада, и диковатому пространству изнаночного летнего города, которое ассоциативно связано со степями и простонародьем. Стихия Невы и степей составляет противовес заповедному саду и неуютному рабочему городу, которые, в свою очередь, антитечны. Лирический герой чувствует себя неуютно в этой дисгармоничной реальности. По сути, за лёгкой жанровой зарисовкой встаёт целый узел неразрешимых коллизий, обозначенных именно благодаря литературным аллюзиям.

Здесь возникают наряду с «пушкинскими» – «чеховские» ассоциации и характерная для Мандельштама подтекстовая тема инициации¹¹. Однако, в отличие от чеховского Егорушки, лирический герой с его ребяческим восприятием мира далёк от степного пространства, и пока его воображение скользит по касательной степного мира. Его влечёт дачная жизнь в Финляндии («На яхте, на чухонской шхуне / Уехать хочется скорей»). Тем не менее выразительное соседство

степи с ломовиком в предпоследнем катрене и самоубийцей в последнем уже отсылает к жизненным катастрофам и трагизму бытия¹².

В «Летних стансах» прорыв в пространство степей мыслится как некая умозрительная конструкция возвращения природного существа в родную дикую стихию. Этой стихии аккомпанирует «Нева – как вздувшаяся вена». Прозрачная параномазия подчёркивает семантику ребяческого взгляда на мир: ведь дети так любят языковую игру и всяческие перевёртыши! «Нева» и «вена» принадлежат к ключевым символам в поэзии Мандельштама, их сближение здесь базируется и на языковом, и на образном сходстве, а также отсылает к «Медному всаднику» открытой лексической параллели и семантикой болезненности («Нева металась, как больной...», «Нева вздувалась и ревела»¹³). Благодаря этой строке весь образно-смысловой код пушкинской поэмы включается в рецепцию скрытого сюжета «Летних стансов» и создаёт мысленный «мостик» к «чудаку Евгению» из «Петербургских строф», созданных в том же 1913 г.

За стройными очертаниями имперской столицы едва-едва проступает степь. В других стихотворениях предвоенного года возникают обобщённые образы «чудовищной, как броненосец в доке» (I, 2009: 63) России «на камне и крови» (I, 2009: 67) («Петербургские строфы», «Заснула чернь. Зияет площадь с аркой...»). Промелькнувший образ степи отдаётся, как эхо, в «Посохе» (1914): «А снега на чёрных пашнях / Не растают никогда» (I, 2009: 78). Мандельштам осторожно приближается к незнакомому пространству, развивая классические коннотации. Пока это пространство либо возникает в нейтральном контексте, либо несёт в себе семантику чуждости и непонятности, но неизменно притягивает к себе. Сказывается и атмосфера предвоенных и военных лет с её интересом к теме пути и участи России.

В период «Tristia» степные реалии мелькают, но они, как правило, представляют духовное «крымско-эллиническое» пространство с мерцающими смыслами полуреальных-полусимволических «кузнечиков», «цикад», «пчёл», «простоволосых трав». Реальные крымские степи в одной из редакций стихотворения «Не веря воскресенья чуду...» (1916) – «Я через óвиди степные тянулся в каменистый Крым» (I, 2009: 452) – содержатся в отброшенных строках, авторство которых является предметом полемики¹⁴. Характерно, что вслед за этим двустихием возникает мотив обрыва, конца, границы: «Где обрывается Россия / Над морем чёрным и глухим».

В одном из «осколков» цикла «Армения», стихотворении «Дикая кошка – армянская речь...» (1930), соседствуют образы степи и гостиницы/постоялого двора, запечатлённого ещё раньше в загадочной «Цыганке» 1925 г. («Сегодня ночью, не солгу...»). Текст 1925 г. за-

служивает отдельного изучения: в нём можно обнаружить как фольклорно-мифологическую основу мотива «дом у дороги», так и конкретные переключки с эпизодом постоянного двора в повести Чехова «Степь», хотя наиболее очевидный интертекстуальный слой, конечно, пушкинский, раскрытый в работах С. Шиндина¹⁵ (через сюжет «пира во время чумы») и И. Сураг¹⁶.

Интертекстуальная структура стихотворения 1930 г. и его ответвления «И по-звериному воет людье...» ещё более сложная. Исследователи, помимо очевидных отсылок к пушкинскому «Путешествию в Арзрум» и Грибоедову, находят в этой двойчатке отзвуки Гоголя и Хлебникова (см. работы Г. Г. Амелина и В. Я. Мордерер¹⁷, Л. Д. Гутриной¹⁸, Ф. Б. Успенского¹⁹). Герои «Дикой кошки...» и шестистишия «И по-звериному воет людье...», описанные сходными словами, выглядят как два полюса некоей воображаемой реальности, в которой век русской классики и современная Мандельштаму реальность объединены створками временного веера.

Страшен чиновник – лицо как тюфяк,
Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный – мать твою так! –

Без подорожной в армянские степи (I, 2009: 151).

Это из основного стихотворения двойчатки. Образ командировки чиновника без подорожной становится осью, на которую поэт нанизывает два возможных варианта эволюции человека, попавшего в тиски империи. Каковы мотивы, заставившие Мандельштама использовать тот же символ «чиновника без подорожной» в полярном портрете, в котором узнаётся Пушкин, из отпочковавшегося фрагмента?

Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,
Он Черномора пригубил питьё
В кислой корчме на пути к Эрзеруму

(I, 2009: 152).

Думается, что те же мотивы породили само отпочкование. Схожими красками, но с разными знаками («страшен чиновник» – «чудный чиновник») создаётся на одном полюсе образ предельной униженности, безликости, а на другом – образ опального поэта. Оба они наделены атрибутами, обозначающими место в универсальной Табели о рангах, о какой бы эпохе ни шла речь, в системе выморочных ярлыков ценности, или, точнее, обесцененности человеческой природы («Были мы люди, а стали людье», «И по-звериному воет людье...» (I, 2009: 152)). Чиновник – некий знак целого пласта русской классики и русского мира, ассоциирующийся, прежде всего, с творчеством Гоголя и Чехова. Но никакой стилизации здесь нет, а есть мысль о повторениях в национальной истории, есть градация степеней обесчеловечивания. В «Дикой кошке...» речь ведётся о безликости, ставшей природой человека, а в шестистишии – о внешнем насилии с целью обнулить неуничтожимую человеческую глубину и свободу. Точка со-

прикосновения полярных образов – лирический герой, сопротивляющийся этой внешней силе, страшной тем, что она проникает в душу.

Сам мотив командировки без подорожной говорит об абсурдности и двусмысленности позиции, о том, что человек изъят из стройной системы бюрократических правил. Смысловый сдвиг в перетасованных сочетаниях разновременных реалий вызывающе резок и саркастичен, особенно в мотиве «командировки к тачке острожной».

Стихотворение «Дикая кошка – армянская речь...» написано в том же ключе ночного кошмара о постоялом дворе, что и «Цыганка». Собственно, и «кислая корчма» с «питьём Черномора» в отколовшемся шестистишии из этой же серии. Есть даже визуальная параллель в образах странного и искривлённого пространства:

Хотели петь – и не смогли,
Хотели встать – дугой пошли,
Через окно на двор *горбатый* (I, 2009: 141);

.....
Хоть на постели *горбатой* прилечь –
О, лихорадка, о, злая моруха! (I, 2009: 151).

Искривлённость жизненного пространства и временный паралич воли сродни молчанию поэта. В тексте «Цыганки» неясно, к кому относятся строки «хотели петь – и не смогли», то ли к чернецам, то ли к кому-то другому. А вот в широком контексте лирики Мандельштама эти слова соотносимы не столько с персонажами, сколько с лирическим героем. Это отсутствие воздуха, необходимого для песни, можно связать с путешествием «без подорожной в армянские степи», равно относимым и к жалкому чиновнику с лицом-тюфяком, и к «чудному чиновнику», путешествующему в Арзрум, и к самому Мандельштаму, командированному в Армению, но предчувствующему командировку «к тачке острожной». Степи в таком контексте воспринимаются как зачарованное пространство неволи, в котором может затеряться «чиновник без подорожной», человеческая честь и свобода.

Армянская степь выглядит как «жёлтая равнина». В ещё одном «спутнике» цикла «Армения», стихотворении «Как люб мне натугой живущий...», она удостаивается экспрессивного пассажа: «Желтуха, желтуха, желтуха, / В проклятой горчишной глуши!». Этот крик отчаяния смягчается и уравнивается образом «к земле пригвождённого народа» (I, 2009: 151). Но в «Дикой речи...» безотрадная «жёлтая равнина» становится театром военных действий, который проецируется на природный космос: «И маршируют повзводно полки / Птиц голенастых по жёлтой равнине» (I, 2009: 151). Если же расширить обзор, то семантика «армянских степей» предстанет амбивалентной. Только в контексте цикла и всех его «окрестностей» армянская степь («мёртвые гончарные равнины» (I, 2009: 146), «книга звонких гли» (I, 2009: 149), «прекрасной земли пустотелая книга, / По которой

учились первые люди» (I, 2009: 150)) предстаёт первородной субстанцией, сценой библейского действия и вечной жизни древнего народа.

В знаменитом «Волке» 1931 г. («За гремучую доблесть грядущих веков...») воображение поэта переносится к традиционному месту ссылки и каторги – Сибири:

Запихай меня лучше, как шапку в рукав

Жаркой шубы сибирских степей (I, 2009: 156).

Парадоксальный образ «жаркой шубы сибирских степей» трактуется как «вариант архетипа дома»²⁰ в связи с исключительной насыщенностью символа шубы в «Шуме времени» и очерке «Шуба». Стоит при этом вспомнить, что в близкой по времени и уникальной по роли в возвращении Мандельштама к поэзии «Четвёртой прозе», насыщенной литературными аллюзиями, «шуба» откровенно ассоциируется с гоголевской шинелью, также связанной с метафорикой построения укрытия. Образ шубы будет обыгрываться в «Еврейском музыканте» («Там хоть вороньей шубою / На вешалке висеть» (I, 2009: 156)), а игры с созвучием «Шуберт – шуба» будут варьироваться и в стихах памяти Ольги Ваксель. Не имея возможности углубляться в семантику этого ключевого для Мандельштама символа, заметим, что значение призрачной защиты посреди вселенского холода принадлежит к константам этого образно-мотивного комплекса.

Парадокс «жаркой шубы сибирских степей» рождается не только в силу мифологизации пространства Сибири, в котором должно произойти возвращение к природному бытию, не извращённому человеком, как к архетипическому дому²¹. Парадокс возникает и по той причине, что Мандельштам мыслит путь к острогу, в Сибирь, традиционное место ссылки и каторги, – как способ сохранить честь, а путь уничтожения человеческой природы («шапкой в рукав» (I, 2009: 157)) – как путь её сохранения.

Идиллический пейзаж являет собой воображаемое пространство свободы, достигаемой ценою жертвы. В нём пересекаются мифологическая вертикаль («И сосна до звезды достаёт» (I, 2009: 157)) и безграничная горизонталь степей. И это перекрестье получает сакральный смысл. Сибирская степь кажется мифологической первозданной землёй с древом жизни в центре. Несвобода оборачивается свободой. Для лирического героя воображаемая ссылка подразумевает ритуальное очищение, принятие своего креста именно в русском мире:

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,

Ни кровавых костей в колесе,

Чтоб сияли всю ночь голубые песцы

Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей

И сосна до звезды достаёт,

Потому что не волк я по крови своей,

И меня только равный убьёт (I, 2009: 156–157).

Погружённость «Волка» в контекст русской поэзии давно была отмечена исследователями. При этом наиболее важными представляются те подтексты, которые воплощают во многом полярные позиции, вдохновлённые отречением от несправедливого социума, неприятием насилия, а именно позиции бегства, уединения, растворения в природном космосе, с одной стороны, и активного противления, гражданского жертвенного служения, с другой. В качестве подтекстов в работах Э. Рейнольдса²² и О. Ронена²³ назывались Лермонтов («Выхожу один я на дорогу...»), Тютчев («Цицерон»), Некрасов («Рыцарь на час»), Надсон («Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...»), Пастернак («О знал бы я, что так бывает...»), Есенин («Волчья гибель»), Клюев («Поселиться в лесной избушке...»). Удивительным образом Мандельштам в стихотворении «За гремучую доблесть грядущих веков...» соединяет эскапизм с жертвенностью, произнося свою реплику в долгом диалоге русской поэзии.

Мучительные поиски последней строки («И лежать мне в сосновом гробу»; «И во мне человек не умрёт»; «И неправдой искривлен мой рот» (I, 2009: 475); «И меня только равный убьёт» (I, 2009: 157)) подтверждают то предположение, что в лирическом герое Мандельштама соединяются противоположные ипостаси классической традиции, обозначенные намёками на типажи русской классики, судьбы русских поэтов, как в «Дикой кошке...», лирические формулы поведенческой позиции поэта по отношению к состоянию мира, как в «Волке». Актуализируются национальные культурные модели, архетипические мотивы ориентируются на национальную традицию, и именно в таком контексте следует воспринимать образ «жаркой шубы сибирских степей».

Вместе с тем из поэзии Мандельштама никуда не уходит и универсальная семантика степного пространства. Образы, навеянные итальянским поэтом в версии «Ариоста» 1935 г., рифмуются с антиквизированным Крымом в мандельштамовской лирике 1920-х гг., в частности, благодаря сходной «энтмологической» метафоре поэзии (цикады, кузнечики, пчёлы²⁴):

Над розой мускусной жужжание пчелы,
В степи полуденной – кузнечик мускулистый,
Крылатой лошади подковы тяжелы,
Часы песочные желты и золотисты.

На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси...
(I, 2009: 482).

Показательно, что редакцию 1935 г. М. Л. Гаспаров назвал «степной». При этом он подразумевал не только место создания второго «Ариоста», т. е. степной воронежский край, но и то, что «в подборе новых мотивов полностью выпадают Пушкин и море. Пушкин сохраняется только в старом словосочетании “из грусти

пушкинской”, но ничем не подкрепляется. Море заменено сухью»²⁵. В единый образный узел стягиваются прозаизированный Пегас, символы неумолкаемости поэзии и её укоренённости в природном космосе и символы утекающего и циклического времени с использованием автоцитаты²⁶, о которой писал Д. М. Сегал²⁷. Строки «В степи полуденной – кузнечик мускулистый, / Часы песочные желты и золотисты» повторяются, создавая осязаемый образ тягучего времени, средоточием которого становится полуденная степь. Такова сцена мандельштамовского мифа о поэзии и времени.

Подводя предварительные итоги в статье, посвящённой «степной» мотивике в лирике О. Мандельштама, можно сказать, что наиболее существенные её моменты – обыгрывание национальных и универсальных аспектов степного пространства как феномена культуры, использование этого художественного слоя для создания индивидуального поэтического мифа, тесная связь с русской литературной классикой, создание парадоксальных образных конструкций, специфическая оптика в визуализации степного пространства.

Примечания

- 1 См.: *Леонтьева А.* Пространство степи в поэзии Мандельштама // *Литература и лингвистика : вчера, сегодня, завтра : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Казань, 14 ноября 2013 г.) / Сервис виртуальных конференций Pax Grid ; сост. Д. Н. Синяев. Казань : ИП Синяев Д. Н., 2013. С. 48–54. URL: <http://is.nkzu.kz/publishings/%7B83D55106-AEB0-4BB4-B9E0-11FA1FED7A58%7D.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).*
- 2 *Бердяев Н.* Судьба России. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2004. С. 326.
- 3 Чаадаев был предшественником Бердяева в осмыслении российского пространства как фактора национального сознания, производящего «умственное бессилие» (*Чаадаев П.* Статьи и письма. М. : Современник, 1989. С. 161). Именно на мысли о географическом факторе обрывается рукопись «Апологии сумасшедшего».
- 4 *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. С. 28. Далее тексты О. Мандельштама цитируются по данному изданию с указанием в скобках тома римской цифрой, года издания и страницы – арабской (курсив везде наш. – Б. М.).
- 5 *Гачев Г.* Космо – Психо – Логос : национальные образы мира. М. : Академический проект, 2007. С. 253.
- 6 *Панова Л.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 250.
- 7 *Аверинцев С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // *Мандельштам О.* Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1990. С. 30.
- 8 См.: *Гоголь Н.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 9. Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 277–415.

- ⁹ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Сочинения : в 18 т. Сочинения. Т. 7. М. : Наука, 1977. С. 55.
- ¹⁰ См.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб. : Гиперион, 2002. С. 29.
- ¹¹ О мотиве инициации в творчестве Мандельштама см.: Аверинцев С. Страхи как инициация : одна тематическая константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001. С. 17–24.
- ¹² См.: Леонтьева А. Указ. соч. С. 49.
- ¹³ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 4. Л. : Наука, 1977. С. 277, 279.
- ¹⁴ См.: Мандельштам Н. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во ГОНЗО при участии Мандельштамовского общества, 2014. С. 468.
- ¹⁵ См.: Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 59. С. 38–59, 48–59. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/59/Shindin59.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).
- ¹⁶ См.: Сураг И. Сон // Новый мир. 2020. № 3. 183–186.
- ¹⁷ См.: Амелин Г., Мордерер В. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М. ; СПб. : Языки русской культуры, 2000. С. 119–126.
- ¹⁸ См.: Гутрина Л. Стихотворные «гнезда» в поэзии О. Э. Мандельштама 1930-х годов : К проблеме становления нового типа поэтической образности : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. С. 153–161.
- ¹⁹ См.: Успенский Ф. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама : «Соподчинённость порыва и текста». М. : Фонд «Развитие фундаментальных лингвистических исследований», 2004. С. 112–119. (Studia Philologica).
- ²⁰ Леонтьева А. Указ. соч. С. 50.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Reynolds A. «Кому не надоели любовь и кровь» : The Uses of Intertextuality in Mandelstam's 'Za gremuchiuu doblest' griadushchikh vekov' // Столетие Мандельштама : Материалы симпозиума. Mandelstam centenary conference. Tenafly, N. Y. : Hermitage Publishers, 1994. С. 136–154.
- ²³ См.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб. : Гиперион, 2002. С. 53–57.
- ²⁴ «На каменных отрогах Пиэрии / Водили музы первый хоровод, / Чтобы, как пчёлы, лирники слепые / Нам подарили ионийский мёд» (I, 2009: 105); «И молоточками куют цикады, / Как в песенке поется, перстенок...» (I, 2009: 105); «Возьми ж на радость дикий мой подарок – / Невзрачное сухое ожерелье / Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце» (I, 2009: 115); «Среди кузнечиков беспмятствует слово» (I, 2009: 110).
- ²⁵ Гаспаров М. О русской поэзии : Анализы, интерпретации, характеристики. СПб. : Азбука, 2001. С. 327–328.
- ²⁶ Ср: «Над розой мускусной жужжание пчелы» и «Сёстры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы, / Медуницы и осы тяжёлую розу сосут» (I, 2009: 106).
- ²⁷ См.: Сегал Д. Литература как охранная грамота. М. : Водолей Publishers, 2006. С. 416.

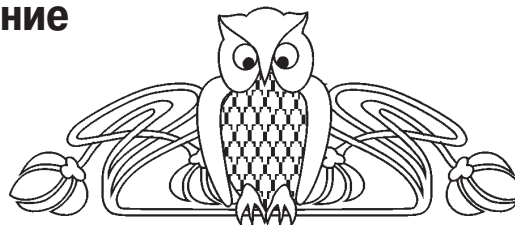
Поступила в редакцию 17.09.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 17.09.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 75–79
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 75–79

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31+929 Шмелев
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-75-79>

Образ дома как ценностное измерение в художественной картине мира (на материале романа И. С. Шмелева «Лето Господне»)

Е. Ю. Шестакова

Центральная библиотека имени Н. В. Гоголя, Россия, 164500, г. Северодвинск, ул. Ломоносова, д. 100

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, библиотекарь, shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация. В статье раскрывается своеобразие художественного воплощения образа дома в романе «Лето Господне» И. С. Шмелева, осмысливаемого пространством любви, исходящей от семьи и окружающих людей. Дом обретает значение Храма и включает в себя образ-символ России – благодатного мира Божьего, навсегда утраченного в мировых катаклизмах.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, образ ребенка, образ дома, произведения о детстве, роман «Лето Господне»

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Образ дома как ценностное измерение в художественной картине мира (на материале романа И. С. Шмелева «Лето Господне») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 75–79. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-75-79>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-75-79>

The image of a house as a value dimension in the artistic picture of the world (Based on the novel *Summer of the Lord* by I. S. Shmelev)

Elena Yu. Shestakova, shestakova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Central Library named after N. V. Gogol, 100 Lomonosova St., Severodvinsk 164500, Russia

Abstract. The article reveals the originality of the artistic embodiment of the image of the house in the novel *Summer of the Lord* by I. S. Shmelev, interpreted as the space of love, coming from the family and people around them. The house takes on the significance of a Temple and includes an image-symbol of Russia – the gracious world of God, forever lost in the world's cataclysms.

Keywords: I. S. Shmelev, image of a child, image of a house, works about childhood, novel *Summer of the Lord*

For citation: Shestakova E. Yu. The image of a house as a value dimension in the artistic picture of the world (Based on the novel *Summer of the Lord* by I. S. Shmelev). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-75-79>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Художественная картина мира литературного произведения, отражающая многообразие чувств, мыслей и ассоциаций автора, полностью его жизненного опыта, определяет неповторимость индивидуально-творческой манеры, трактовок тем, мотивов и образов. Для художественного мира писателя, вбирающего в себя традиционные представления о мире и человеке, характерно переосмысление устоявшихся интерпретаций. В этом смысле образ дома, с которым связаны устойчивые литературные представле-

ния, с наибольшей очевидностью обнаруживает своеобразие авторского мировидения.

Роман «Лето Господне» (1933–1948) рождался в трагической ситуации разрушенного Дома – детства и родины, утраченных в исторических потрясениях. В писателе назрела внутренняя необходимость противопоставить гармоничные и незыблемые основы бытия в «своем, безопасном Доме» пространству «чужого, дьявольского Антидома» – «месту временной смерти»¹, утвердившему себя в послереволюционной России и

получившему отражение в эпопее «Солнце мертвых» (1923). Направление от «солнца смерти» к «Солнцу Любви» стало основополагающим в художественно-идейном движении авторской мысли.

Писатель ставит образ героя-ребенка в центр художественной картины мира романа «Лето Господне». Повествовательный дискурс произведения ориентирован на передачу особенностей мировидения семилетнего мальчика Вани. Пространственная структура текста выстраивается из ценностной перспективы ребенка, осознающего себя в границах «своего», родного пространства, противопоставленного чужому внешнему миру. В детском восприятии дом осмысливается «своим» пространством, выполняющим оберегающую функцию, создающим атмосферу безопасности. Дом предстает обжитым, упорядоченным «предметным» пространством, «неразрывным с его вещественным наполнением»², включающим комнату Вани, кабинет его отца, коридоры, кухню, гостиную, переднюю.

Предметный мир дома обретает сакральное значение благодаря образам лампад и икон. Лампады заполняют все домашнее пространство, их горение, постоянно поддерживаемое обитателями дома, никогда не угасает. На Пасху зажигаются «пунцовые» лампадки, на Рождество – «голубые», в Великий Пост – «голового стекла» («в передней, перед красноватой иконой Распятия», которая «будет неугасимо гореть до Пасхи»³. Икона Распятия предвосхищает будущие скорби обитателей дома, указывает на необходимость сохранения надежды, ведь Господь победил смерть. «Неугасимое горение» лампы создает в душе Вани ощущение тепла и уюта, а ее «свет и тепло, образ небесного, Божественного света» понимаются героем «как свойства, присущие не столько физическому, сколько иному миру»⁴. Ребенок в пространстве дома, освещаемого лампадой, оказывается под защитой благословляющей силы Господа. Лампада, выступающая образ-символом дома, «освящает» каждое живое существо, живущее в доме, «даже черных тараканов, превращая их в чернослив»⁵. Домашнее пространство уподобляется Храму, лампада, теплящаяся в церкви в Великий Пост, такая же, как икона Распятия и «неугасимая лампада» в доме героя. Охранительная функция дома поддерживается и Покровом Пресвятой Богородицы, после молитвы Ее Казанской иконе утихает страх в душе мальчика перед любой внешней угрозой.

Уют и тепло родного дома становятся особенно ощутимыми в день Пасхи, когда в комнатах, в столовой «на окошках – крашенные яйца в корзинах, пунцовые, на диване – лежат громадные куличи», от которых «пахнет сладким теплом душистым» (540). Использование автором оксюморона «душистое тепло» передает атмосферу покоя и радости, царящую в доме в Пасхальный день. Отметим, что для повествова-

тельной манеры И. С. Шмелева характерны инверсии, и в приведенной фразе прилагательное «душистое» следует за определяемым словом «тепло». Многие из таких предложений, получающих благодаря инверсии дополнительный выразительный оттенок, начинают или завершают целостные по смыслу фрагменты текста: «Таинственный свет, святой. В зале лампадки только» (541). А вот и целый абзац, сотканный из инверсий: «Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха красная. <...> Отец нарядный» (542). По окончании праздника Пасхи Ваня рассматривает подаренные ему яички и восхищается их красотой: «Вот хрустально-золотое, через него – все волшебное, <...> с солдатиками, с уточками, резное-костяное» (543). Особенно мальчик выделяет фарфоровое яичко, подаренное отцом, и потому самое ценное и дорогое. Разглядывая отцовский подарок, мальчик начинает засыпать, «и чудится в цветах – живое, неизъяснимо-радостное, святое – Бог?» (543). С прижатым к груди яичком Ваня наслаждается состоянием покоя и безмятежности, которое он может ощутить только в стенах родного дома. Отметим, что яйцо издревле считалось «эмблемой вечности»⁶, дом, наполненный пасхальными яйцами, в восприятии героя-ребенка проникается ощущением незыблемости основ бытия. Образ-символ яйца в романе воспроизводит значение, связанное с «солнцем, несущим с собой радость, тепло, свет»⁷, пасхальные яйца словно «согревают» домашнее пространство, наполняя его Божественной благодатью.

Еще один сакральный предмет, ежегодно появляющийся в доме героя, – освященная верба. В главе «Вербное воскресенье» описывается, как в день святого праздника весь дом заполняется вербами. Издревле на Руси к вербе относились как к священному дереву, заменившему пальмовые ветви, которыми приветствовали Господа Иисуса Христа перед входом в Иерусалим жители Иудеи, ставшему атрибутом праздника Пасхи. Благоговейное, любовное отношение маленького героя к вербе проявляется в употреблении им в речи уменьшительно-ласкательных суффиксов («вербушка», «вербочка», «вербешки»), в повторении просторечного слова «свяченая», во множестве восклицательных предложений («Свяченую вербу привезли!», «Какая же сила вербы!»), в использовании олицетворений («Верба в санях проснулась, румяная, живая, и вся сияет») (706–713). Верба в доме становится материальным воплощением мира горнего, а «быт насыщается бытием»⁸, и в этом смысле дом близко перекликается с образом Храма, и, подобно Храму, освящается присутствием Бога.

Пространство дома наполнено любовью и теплом, исходящими от семьи. Ване и его отцу Сергею Ивановичу посвящены самые трогательные страницы романа. «Чиж», «капитан», «братец» (529, 534, 540) – так ласково обращается

Сергей Иванович к Ване. Встречи отца и сына полны радости, в главе «Благовещение» описывается, как мальчик, едва проснувшись, выбегает навстречу отцу, вернувшемуся с ледохода. Сергей Иванович берет Ваню на руки, «вскидывает на мокрые колени» и «тормошит-тормошит» (534). Отец и сын непрерывно испытывают потребность в прикосновении друг к другу, Сергей Иванович «гладит по голове» Ваню, «берет на колени», «щиплет за щечку» (537, 540). Постоянный тактильный контакт укрепляет их душевное родство, создает ощущение крепости семейных уз. Особое тепло и уют, чувство духовной близости испытывает Ваня, наблюдая за тем, как отец зажигает лампадки: «Он ходит с ними по комнате и напевает вполголоса: “Воскресение Твое, Христе Спасе <...> Ангели поют на небеси”» (541). В эти минуты мальчик проникается ощущением света и тепла, исходящих от лампадок и пения любимого отца. С образом отца в тексте связан образ-мотив миндаля, служащего выражением любви двух близких людей. Ласковые слова отца – «счастье мое миндальное» (677) – становятся утешительным воспоминанием для сына, рано и трагически его потерявшего.

Модель домашнего мира шмелевского героя вбирает в себя ближайший круг, окружающий его любовью и заботой. Скорняк «берет» его «на колени, гладит по голове», «солдат гладит, притягивает к себе», кормилица «целует, прижимает к холодной груди», все «суют блина, подсолнушков, розового пряника в махорных соринках» (585). Суть этих отношений выражена автором: «Все и всё были со мною связаны, и я был со всеми связан. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех» (663). Любовь Христова становится духовной силой, объединяющей членов «большой семьи» дома. Среди ближнего круга героя-ребенка выделяется образ Михаила Панкратовича Горкина. Примечательно его портретное описание, где через земной облик проступает иконописный образ святого Сергия Радонежского: «сияние», исходящее от головы, лицо «розовое, как у херувимов», на котором «все морщинки сияют-улыбаются» (660). Отдельные портретные детали («серебряная голова», «маленькое, сухое лицо», «реденькая, седая борода») (664) воссоздают образ «героя-праведника»⁹. Старый наставник «освящает» своим присутствием пространство дома. Его профессия (плотник) «священна», ведет свое начало от Господа Иисуса Христа. В главе «Пасха» описывается, как Горкин вырезает на дощечке виноградную ветвь. Замирая от восторга, Ваня наблюдает за движениями рук любимого наставника, проникаясь чувством святости труда. Горкин приобщает мальчика к традициям православия. Поговорив с провинившимся работником, он обращается к народу: «Покаялся он, робята, <...> уж не корите», Ване же шепчет на ухо: «Папашенька полтинник ему пожаловал, простил» (547). Так наставник дает юному вос-

питаннику урок христианской любви к людям, «обращает внутренний взор человека к совести, заставляя через духовное переживание своей вины очистить душу, прийти к покаянию»¹⁰. Горкин, поддерживая духовно-нравственные устои дома, хранит священные традиции, воспринятые от прабабушки Устиньи, учит мальчика спокойно, сохраняя тишину в душе, осмыслять окружающий мир, приподнимаясь над обыденностью и суетой, оберегая внутреннее достоинство.

Воспринятый от прабабушки Устиньи обычай «на именины убогих радовать» непреложно выполняется Сергеем Иванычем и Горкиным. В главах «Именины» и «Михайлов день» описываются трапезные столы, за которыми «кормят нищих и убогих» (664). По словам Горкина, «папашенька на Сергия-Вакха больше полста кормил», а к нему «бедно-бедно, а десятка два притекут» (664). Кормление нищих осмысляется как приглашение в дом самого Господа и является исполнением Евангельских слов: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня» (Мф. 25: 34–36). Душевная щедрость руководит отцом Вани и Горкиным в деле устройства всех домашних трапез. Весь текст, описывающий общие трапезы дома, может быть интерпретирован сквозь призму православного понимания жизни «большой семьи». Трапезы в произведении связываются с православными праздниками (Пасха, Рождество) и именинами домочадцев. Особенно торжественно празднуется Пасха, традиции которой предполагают строгий порядок расположения за столом («Отец садится под “траспарат”. Рядом Горкин и Василь Василия. Я с другой стороны отца. Как молодой хозяин. И все по ряду»), действий («Христосуются долго, долго. Потом едят. Долго едят и чинно»), блюд и лакомств («Куличи и пасхи в розочках, без конца. Крашенные яички, разные тянутся по столу, как нитки») (547). Пасхальная трапеза призвана сплотить всех присутствующих в порыве единой любви, служит идеи внутреннего объединения людей как верующих христиан, собравшихся порадоваться дарованной Господом возможности духовного спасения. Рождественская трапеза обставляется торжественно и пышно («постилают голубую, рождественскую скатерть и посуду ставят тоже парадную, с голубыми каемочками»), имеет свой порядок развития праздничного действия и подаваемых блюд («просто: толстая колбаса с языком, толстая копченая, селедки с луком, соленые сметочки, кильки и пироги длинные») (581). Рождественские дни в доме Вани – традиционное время для прихода нищих. Они получают от хозяина подарки, угощение, деньги. Мотив изобилия, звучащий в эпизоде именин Сергея Ивановича («И всякие колбасы, и сыры всякие, и паюсная и зернистая икра, сардины, кильки, копченые рыбы всякие – и семга красная, и лососинка розовая, и белорыбица, и королевские жирные селедки <...> и румяные рас-

стегайчики с вязигой») (651), выражает полноту совместного бытия хозяина дома, домочадцев и всех, кто живет и приходит в дом. Образ «священного кренделя» (653) в центре обильного стола наполняется важным ценностным содержанием: архиерей и нищие, приходящие в дом и вкушающие его, духовно уравниваются. Между ними стираются все социальные, имущественные границы, и они оказываются вовлеченными в единое пространство любви, насыщаются телесно и духовно самим Господом, незримо стоящим во главе праздника. Господь через хозяев дома кормит всех пришедших за своей «священной» трапезой, и это присутствие Бога в доме осознается «не как символическое», но «живое»¹¹: «...кажется, что на дворе Христос, и в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде» (537). Принцип «торжествующего христоцентризма»¹² или «теоцентризма»¹³ является художественным открытием И. С. Шмелева. Дом освящается и «посещением» Пресвятой Богородицы, чьи стопы «восходят» по «ступеням» и «тихо обходят весь двор, все его закоулки и уголки, все переходы и навесы, лесные склады», в результате чего «все изменилось <...>, стало Храмом» (553–554).

Живой Христос объединяет в «большую семью» не только живых, но и усопших. Образ дома как последнего пристанища человека появляется в эпизоде похорон Сергея Ивановича: «Там – он – отец мой. <...> папашенька не совсем умрет, до какого-то срока только <...> будет там, где-то, поджидать нас. <...> И все мы уйдем *туда*, когда придет срок» (793). Здесь авторский стиль «интенсивно-краток именно вследствие своей содержательной заряженности», смысловое и шрифтовое выделение слова *там* обладает «крепкой выразительностью» (154, 149), позволяет насытить его значениями, которые раскрываются читателем: мир, куда попадает душа человека после смерти, – Дом, населенный умершими родными и знакомыми, будущее пристанище живых. Этот Дом является временным жилищем, в котором пребывают усопшие до Страшного Суда, когда будет определена участь каждого человека.

Роман содержит еще одно устойчивое значение, связанное с образом дома, – дом в значении «народ». Дом Вани всегда наполнен ремесленниками, художниками, кухонными работниками. Коллективный портрет русского народа создается в главе «Постный рынок». Здесь словно собралась вся Россия, люди приехали с разных концов страны. Ваня, прогуливаясь по рядам большого торга, встречает ласковые приветствия, с удовольствием пробует разложенный товар, возникает ощущение, словно он беседует с родными, близкими людьми. Мальчик проникается чувством общности со всем русским народом, Постный рынок становится родным домом, где он чувствует себя спокойно и уверенно.

Пространство дома в романе включает в себя образ Москвы, увиденной ребенком: «Ка-

кая она большая! Я вижу белые ящички-домики, сады, огороды» (559). Отец открывают Ване пушкинскую Москву, предстающую средоточием духовной жизни православной России, наполненной храмами и монастырями. В храмах Ване открывается понимание жизни и смерти. «Золотая Москва» с «золотыми искрами крестов и куполов» кажется маленькому Ване «лучше всех» (560). Традиционно золотой цвет «символизирует Вечность, Божественный Свет»¹⁴, мир родного города в восприятии мальчика одухотворяется, пронизывается Божественным золотым Светом. Золотой цвет исполняется глубоким символизмом, указывает на ключевой образ романа – «золотого» счастливого детства, пространство Дома – России ассоциативно соотносится с образом рая. Примечательно описание сада, окружающего дом, наполненного солнечным светом. Создавая образ «золотого сада», автор использует эпитеты («золотистый, жаркий» свет, «пронзительно-едкий» запах крапивы), сравнения (запах яблок напоминает «где-то пролитые духи»), олицетворения («доски, плачущие смолой на солнце»), оксюморон («кисло трещат кузнечики»), метафоры (вишни «залиты янтарным клеем») (552, 556, 563, 565). Образ Дома – мира Божьего одухотворяется, возникает «модель мироздания» «Дом – Космос»¹⁵, Божественная Вселенная, в которой даже звезда, светящая Ване в Рождество, когда-то привела к младенцу Иисусу волхвов.

Для романа «Лето Господне» характерно «сочетание двух концепций времени». В восприятии Вани время включается в православный круг бытия, циклически замыкается. Смерть отца завершает период безмятежного детства в родном доме. Взрослый повествователь осмысляет время линейным, что делает возможным противопоставление «тогда – теперь», «прошлое – настоящее»¹⁶. Мир Дома – одухотворенной родной природы, воссозданный в романе, возникает как воспоминания автора: «Сумеречное небо, тающий липкий снег, призывающий благовест. Теплый, словно весенний ветерок – я и теперь его слышу в сердце» (117). Образ дома получает временное измерение, связывая прошлое и настоящее повествователя. В авторских отступлениях «развертывается пространственная оппозиция “Москва – Зарубежье”»¹⁷, где Зарубежье противопоставляется идеальному Дому ушедшей дореволюционной Москвы. Сакральное благодатное домашнее пространство вступает в оппозиционные отношения с «чужим» пространством, находящимся за пределами Дома – России, обладающим характеристиками ненастоящести, поддельности. «Чужое» пространство становится Антидомом, выражает идею «бездомности духа, неприкаянности»¹⁸, актуализируя тему потерянного Дома – Родины, его разрушения вследствие утраты детства и дореволюционной России.

Таким образом, герой-ребенок в романе «Лето Господне» растет в уютном и защищенном «малом мире» дома, окруженный любящими близкими людьми, а также членами «большой семьи» – слугами, крестьянами, рабочими. Его жизнь в кругу «малой» и «большой семьи» проходит среди семейных трапез и христианских обрядов, а время обретает циклический характер. Слитность героя с природой, включенной в пространство родного дома, жизнь в соответствии со сменой времен года и православных праздников, наслаждение одухотворенной красотой окружающего мира рождают ощущение счастья и гармонии бытия. Дом, в котором проходит детство мальчика, возглавляется «живым Христом» и осмысливается Храмом, в котором Божественная любовь объединяет, уравнивает всех в нем живущих и в него приходящих, а совместные трапезы превращаются в изобильный пир, объединяющий гостей и хозяев всеобъемлющей благодатью Господа. Счастье детства, по мысли писателя, могло состояться только в сакральном пространстве Дома – мира Божьего, где все обитатели, включая людей (живых и усопших), животных, небесные тела, строения, предметы, городские и природные ландшафты, освящены непосредственным присутствием Господа Иисуса Христа и духовно с Ним связаны. Завершение периода детства связывается автором с разрушением Дома – России, гармонично и совершенно устроенного Богом. Жизнь этого Дома – Святой Руси, наполненной Божественной любовью, оказалась навсегда утраченной в мировых катаклизмах. Роман «Лето Господне» стал попыткой противопоставить трагическим событиям исторического времени образ светлого и нетленного Дома, помогающего обрести опору в мире, потерявшем ценностные и духовные ориентиры.

Примечания

- ¹ Лотман Ю. Дом в «Мастере и Маргарите» // Ю. Лотман. О русской литературе : Статьи и исследования (1958–1993) : История русской прозы. Теория литературы. СПб. : Искусство-СПб., 1997. С. 748.
- ² Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования

в области мифопоэтического. М. : Прогресс ; Культура, 1995. С. 120.

- ³ Шмелев И. Собр. соч. в одной книге. М. : ЗАО Фирма «Бертельсман Медиа Москва ОА», 2013. С. 693. Далее цитаты из произведений И. Шмелева даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Лучина Е. Концептуализация грецизма православного дискурса лампада (на материале творчества И. С. Шмелева) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 31.
- ⁵ Есаулов И. Праздники. Радости. Скорби // Новый мир. 1992. № 10. С. 234.
- ⁶ Кирло Х. Словарь символов : 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М. : Центрполиграф, 2007. С. 501.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Ильин И. О тьме и просветлении : Книга художественной критики : Бунин, Ремизов, Шмелев. М. : Скифы, 1991. С. 145.
- ⁹ Сотков В. Специфика образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева (на материале дилогии «Лето Господне» и «Богомолье») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (62) : в 2 ч. Ч. 1. С. 57.
- ¹⁰ Дунаев М. Духовный путь И. С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева, 1873–1950 : статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл., подгот. текстов А. М. Любомудров. М. : Сибирская Благовонница, 2009. С. 174.
- ¹¹ Есаулов И. Указ. соч. С. 234.
- ¹² Там же.
- ¹³ Анисимова М. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции : на примере романов И. С. Шмелева «Лето Господне» и М. А. Осоргина «Времена» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. С. 8.
- ¹⁴ Кирло Х. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ Анисимова М. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁶ Николина Н. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академия, 2007. С. 115.
- ¹⁷ Там же. С. 117.
- ¹⁸ Анисимова М. Указ. соч. С. 7.

Поступила в редакцию 23.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
 Received 23.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020

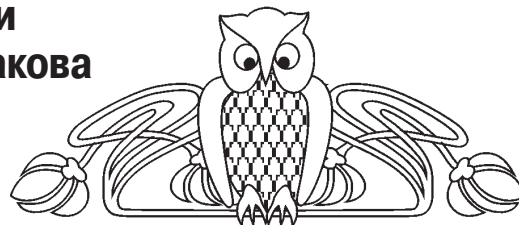

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 80–84
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 80–84

Научная статья
УДК 821.161.1.09-2+929Булгаков
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Персонажи, стоящие вне оппозиции «свой – чужой» в пьесах М. А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег»

В. Лян

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Лян Вэйци, аспирант кафедры истории русской литературы, liangweiqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию функций оппозиции «свой – чужой» в системе персонажей пьес М. А. Булгакова «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег». Выделяется группа действующих лиц, с чьих точек зрения она не релевантна, не значима. Особое внимание уделяется их общим чертам. Делается ввод о том, что названная оппозиция маркирована в проблематике драматургии Булгакова 1920-х гг.

Ключевые слова: архетип «свой – чужой», М. Булгаков, «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег»

Для цитирования: Лян В. Персонажи, стоящие вне оппозиции «свой – чужой» в пьесах М. А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 80–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Characters outside the opposition ‘one’s own – other’s’ in Bulgakov’s plays of the 1920s: *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*

Weiqi Liang, liangweiqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

St. Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Abstract. This article studies the functions of the opposition ‘one’s own – other’s’ in the system of characters in M. A. Bulgakov’s plays *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*. A group of characters is singled out, from whose perspective this opposition is not relevant, not significant. Particular attention is paid to their common features. The conclusion is made that the opposition in question is marked in the problems of Bulgakov’s plays of the 1920s.

Keywords: archetype ‘one’s own – other’s’, M. Bulgakov, *The Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment, Flight*

For citation: Liang W. Characters outside the opposition ‘one’s own – other’s’ in Bulgakov’s plays of the 1920s: *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 80–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Пьесы М. А. Булгакова 1920-х гг. «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» часто считаются произведениями, которые образуют «определенное идейно-художественное единство, скрепленное целым рядом сквозных тем и мотивов, несут ощущение мирового и душевного раскола, “двоемирия”»¹. На наш взгляд, они скреплены и общей идеей построения конфликта на оппозиции «свой – чужой», которая, как отмечает Е. Б. Скороспелова, лежит в основе модели художественного мира Булгакова². Эта

оппозиция, безусловно, проявляется в системе действующих лиц рассмотренных произведений, так как, участвуя в конфликте пьесы, персонаж, естественно, вступает в борьбу и объединяется с группой других героев или противопоставляет себя им. Тем более булгаковские персонажи, утратившие привычный им спокойный уклад жизни в хаосе истории или страдающие из-за недоброжелательного отношения к ним со стороны властей, постоянно находясь в состоянии психологического кризиса и душевного одиночества,

все время пытаются организовать вокруг себя сообщество людей, которые близки им морально и духовно, чтобы найти поддержку и вместе противостоять враждебному внешнему миру. Ввиду этого оппозиция «свой – чужой» часто составляет принцип устройства отношений героев с остальным миром.

О противопоставлении групп булгаковских персонажей в названных пьесах неизбежно писали исследователи. Политическая самоидентификация героев в условиях гражданской войны («Дни Турбиных» и «Бег»), нового советского быта («Зойкина квартира») довольно очевидна и многократно описана (Ю. Бабичева³, О. Казмина⁴, К. Барина⁵). Рассматривалась и проблема психологического взаимного отчуждения в процессе семейного разлада («Дни Турбиных» и «Бег»)». Оппозицию «свой – чужой» в форме не исключительно политической, а универсальной антитезы «друг – враг» заметила в пьесе «Бег» Э. Хабибьярова⁷. Ряд исследователей (В. Гудкова⁸, Е. Иваньшина⁹) видят и архетипические истоки в трактовке Булгаковым межнациональных отношений. В мифопоэтических исследованиях некоторые действующие лица булгаковских пьес именуются как члены оппозиции «свой – чужой», поскольку персонажи звероподобного или овеществленного характера часто воспринимаются носителями традиционного сознания как чужие, в соответствии с антитезой «людь – нелюдь»¹⁰.

Перечисленные наблюдения литературоведов касаются преимущественно обнаружения признаков чужого в ком-то из героев. Авторы работ о персонажах учитывают архетипическую модель либо при анализе идеологического конфликта, либо объясняя отдельные символические детали. Целостная характеристика влияния оппозиции «свой – чужой» на систему персонажей: их типологии, дифференциации, взаимоотношения – еще не дана.

Исследователи также не отмечали одного, казалось бы, очевидного обстоятельства – что эта оппозиция не для всех персонажей оказывается существенной в равной степени. Ее важность становится понятной читателям и зрителям во многом как раз потому, что герои пьес дифференцируются в том числе и по их отношению к противопоставлению «свой – чужой», которое как критерий классификации оказывается в маркированной позиции. Между тем выделяется группа персонажей, для которых рассматриваемая оппозиция не слишком значительна, в их речах и поступках не видно серьезного к ней отношения. К этой категории принадлежат: Тальберг («Дни Турбиных»), управдом Аллилуя и Аметистов («Зойкина квартира»), Корзухин, начальник контрразведки Тихий, архиепископ Африкан и Артур Артурович («Бег»). Эти действующие лица стоят вне столкновения между «своими» и «чужими», в какой бы сфере (этической, политической, социокультурной и т. д.) оно ни происходило.

Для перечисленных выше героев пьес характерен ряд общих признаков.

Первый признак – это психологическая закрытость. Несмотря на внешнюю вежливость, светскость, разговорчивость, эти персонажи мало раскрывают свои мысли и редко показывают внутренние состояния. Автор показывает их неглупыми или даже хитрыми, не доверяющими окружающим, нам трудно в полной мере судить, насколько они глубоко переживают то, что происходит на сцене. Рассматриваемые персонажи тщательно скрывают эту замкнутость, избегая конфликта и открытого противостояния кому-либо. Одновременно с заботой о своей репутации в редких искренних репликах, где они проговариваются, видно, что в душе они противопоставляют себе всех, выделяя себя при этом из общего ряда и ставя намного выше окружающих. Так, например, Тальберг в доверительном разговоре с женой, которую через несколько минут оставит на произвол судьбы, говорит: «Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не все»¹¹.

Вторая черта – это герои без прошлого. Не потому, что в текстах дается очень ограниченная информация о нем (предыстория действующих лиц булгаковских пьес всегда крайне лаконична), а потому, что они легко отрекаются от прошлого, не связаны с ним, не несут на себе его печати. Отсутствие прошлого позволяет им пользоваться разными выгодами в настоящее время и ловко приспосабливаться к любым новым состояниям. Такие люди полностью сосредоточены на настоящем для того, чтобы обеспечить себе благополучное будущее. Показателен эпизод, когда Голубков приезжает к Корзухину в его парижский дом и напоминает «ту ужасную ночь в Крыму», а тот лжет о том, что не помнит ни своей жены, ни своего пребывания в Крыму (286). Последнее он и сам подтверждает следующей репликой: «Действительно, я некоторое время проживал в Крыму» (286). Для героя воспоминания неприятны и неудобны, поэтому он стремится их вытеснить из своей памяти.

Единственный представитель рассматриваемой группы, который имеет довольно подробную историю жизни и охотно делится со всеми богатыми воспоминаниями, – Аметистов. Однако эти рассказы насыщены настолько исключительными друг друга фактами, что их никак нельзя признать достоверными. Аметистов придумывает особую версию прошлого, чтобы наладить отношения с каждым собеседником (172, 175, 176, 183, 235). Пестрое прошлое персонажа при всей его фантастичности является не до конца выдуманным, а в чем-то опирается на его реальный жизненный опыт, но трудно установить, в какой мере. Преобладание вымысла в воспоминаниях, как и их полное отсутствие у других героев рассматриваемой группы, дает Аметистову возможность избежать неприятных отголосков былого в настоящем, избавиться от любых прежних проблем.

Игнорируя категорию памяти, представители рассматриваемой группы персонажей независимы не только от временных, но и от пространственных привязанностей. Они легко приспосабливаются к любой этнической и географической среде, не имея национальной идентичности. Они чувствуют себя на своем месте везде, где можно найти себе выгоду. Тальберг, носитель русского имени, немецких отчества и фамилии, живущий в русской семье и служащий полковником генштаба украинского гетмана, накануне нападения Петлюры на Киев уезжает в Берлин, но, не сумев там удачно устроиться, в конце пьесы отправляется на Дон в Добровольческую армию, которая как наследница российской армии видит в Германии врага. Как видим, герой не проявляет верности или хотя бы привязанности ни к какой национальности, стране или государственной системе. Какой власти служить, для него безразлично, умея приспосабливаться, он всегда «прекрасно в курсе дела» (159).

Комический вариант фигуры космополита создается в образе «тараканьего царя». Артурка в ответ на реплику Чарноты «ваша нация вообще безучая!» (314) возмущенно просит прекратить антисемитизм, но затем, спохватившись, что проговорился, сообщает, что по гражданству он венгерец. Еврей, видимо, знающий на опыте, что безопаснее и выгоднее числиться «венгерцем», перебрался из России в Турцию, где устраивает «не виданную нигде в мире русскую придворную игру» (277) – тараканий бег для людей разных наций – англичан, итальянцев, турок, французов, русских беженцев и жуликов «интернационального типа». Говорит он на макароническом жаргоне, странной смеси языков – русского, французского, итальянского и английского. Туманность национальной принадлежности избавляет его от обязанности сочувствовать обнищавшим соотечественникам и позволяет успешно обогащаться за их счет, да и вообще на любой земле.

Корзухин, поселившись в Париже, стремится совершенно порвать с родиной и превратиться в местного жителя, и это дается ему легко: «... никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство» (286). Переименовав своего слугу из Антона в Антуана, Корзухин еще поучает, что русский язык в Париже не пригоден (285). Без национальной идентичности Корзухину легко влиться в парижскую жизнь, окружая себя французскими знакомыми и собираясь жениться на русской эмигрантке, которая тоже приняла французское подданство. Посреди разговора с Голубковым он демонстративно кричит в окно: «Вив ла Франс (Да здравствует Франция!)» (460). В отличие от своего хозяина, лакей с удовольствием признает свое происхождение: «я русский. Я – Грищенко» (285).

Отсутствие пространственно-временных привязанностей ослабляет и родовые связи, делает рассматриваемых героев свободными от брач-

ных уз. Ценим комфорт семейного дома и женскую красоту, они либо холосты (во всяком случае, ничего не говорится об их браке), либо без раздумья и особенного сожаления порывают со своими женами, когда обстановка оказывается опасной, – Тальберг дважды покидает Елену в осажденном городе (между прочим, демонстрируя ей при этом свою ревность), Корзухин дважды отрывается от Серафимы, зная, что этим обрекает ее на смерть.

Следующий признак – неопределенность или непостоянство социального положения, профессиональных занятий или политической позиции. Мы уже говорили о том, как поочередно служит разным властям Тальберг. Интересно, что в конце второй редакции пьесы «Белая гвардия», он совершал еще одно политическое перевоплощение: «Я решил вернуться и работать в контакте с Советской властью. Нам нужно переменить вехи» (356). Такой поворот очень ограничен для героя, но исключен Булгаковым из окончательной версии «Дней Турбиных» по требованиям цензуры: присутствие Тальберга позорило бы любое советское учреждение в мнении публики. Тихий в военное время допрашивает арестованных только для того, чтобы иметь компрометирующие материалы, шантажируя которыми, можно получить большие деньги. Если правдиво его признание в том, что он выпускник Петербургского университета, то картина еще более усложняется: значит, Тихий прежде не был жандармским чиновником или военным. Всем подобным персонажам легко отказаться от своего профессионального долга или от общественных обязанностей во имя выгоды или самосохранения. Во время катастрофы эти герои часто бросают своих подчиненных или же тех, кто рассчитывает на их помощь. Например, архиепископ Африкан, забыв долг пастыря, ведет себя не так, как следовало бы священнослужителю: дважды он оставляет на произвол судьбы своих духовных детей, спасая жизнь и имущество.

Социальная изменчивость присуща и управдому Аллилуе, который находит общий язык и с Зоей, которую почтительно вспоминает в ее дореволюционном статусе, и с представителями советской власти, т. е. способен ужиться при любом начальстве. Уже говорилось о невозможности установить не только профессиональную, но и сословную принадлежность неуловимого Аметистова. Не имея определенного постоянного рода деятельности, Аметистов может в любое время при любой власти устроиться на любое место работы и, получив деньги у красных, эвакуироваться к белым и потом, наоборот, безвозвратно вернуться, умея «нырять при советском строе» (174). Не менее трудно определить, каково было прежнее социальное положение Артура Артуровича и чем он занимался до открытия тараканьих бегов (наличие реального прототипа, как и в случае иных персонажей, несущественно, поскольку могло быть неизвестно зрителю).

Переменчивость, неустойчивость поведения, речи, позиций анализируемых персонажей подчеркивается именами. Интересно, например, что такую фамилию Аметистову автор пьесы дал недаром, ведь аметист называется камнем-хамелеоном, поскольку его «окраска способна меняться от бледно-фиолетового до насыщенно пурпурного цвета»¹². Противоречие несет в себе и фамилия Тальберг, первая часть которой переводится как «долина», а вторая – как «гора». Знаменательно, что Булгаков не называет после списка действующих лиц Елену по фамилии мужа, что свидетельствует о большей близости героини именно к братьям, а не к супругу.

Как видно, для мировоззрения рассматриваемых персонажей характерен мещанский релятивизм. Они не придерживаются постоянных ценностей ни в морали, ни в политике, ни в иных сферах жизни. Не высказываясь относительно своих идейных взглядов, поступками и словами они демонстрируют слабый интерес к окружающему миру, к общественным проблемам, имморализм. Им важно, чтобы ничто их не беспокоило, никто не вмешивался в их жизнь. Они не способны на сочувствие. Будучи эгоистами, рассматриваемые герои часто жестоко и безразлично относятся не только к окружающим в целом, но и к наиболее близким, казалось бы, людям. Показательно, как меняется речь Аметистова, обнаружившего труп Гуся (211). Угодливая заботливость о Гусе, как только выясняется, что с тем случилось несчастье, сменяется циничными проклятиями в его адрес, гораздо более искренними. Тальберг, покидая жену и ее родственников накануне битвы, переживает только о том, чтобы сохранить от их притязаний свою половину квартиры. Через два месяца, узнав о гибели Алексея и ранении Николки, Тальберг не выражает утешения или сожаления, а поучает и оправдывается – «ведь я же предупредил. <...> ведь я же не виноват во всей этой истории» (159).

Единственная ценность, которую признают неколебимой и важнейшей все представители выделенной группы, – их частная материальная выгода. Их привлекают только материальное благополучие, даже роскошь, комфорт, уют, чувственные удовольствия, почет и власть. Отметим, что само по себе это качество не оценивается не только остальными персонажами, но даже и самим драматургом как отрицательное, ведь и они также не отказываются от уютной жизни, красивой одежды, вкусной еды и т. п. Напротив, для писателя материальный быт всегда имел большое значение. В воспоминаниях современников не раз упоминается, как он тратил большие деньги на эти вещи¹³. В булгаковском представлении идея налаженной повседневной жизни тесно связана с такими понятиями, как покой и гармония. По мнению писателя, вне материального, телесного невозможно нормаль-

ное существование духовного, их качественное состояние взаимообусловленно. Однако это не означает, что комфорт и роскошь приемлемы в качестве главной жизненной цели для Булгакова. Например, профессор Преображенский не отказывает себе в чувственных удовольствиях, но и не в них видит цель своей жизни, а стремится к научным открытиям ради улучшения человеческого рода. Аналогичные примеры мы легко найдем и в романе «Мастер и Маргарита», и в новеллистике, и в драматургии Булгакова.

Иначе оценивается циничная позиция персонажей, ориентированных лишь на обретение материальных благ и на индивидуальное самоутверждение за счет ближнего, нередко ценой жизни последнего. Мы уже говорили о расчетливости Тальберга, Аметистова, Артура Артуровича, Тихого. Ярким примером служит и знаменитая баллада доллару, произнесенная Корзухиным (286–287). Именно потому релятивизм жизненной позиции перечисленных героев мы и определили как мещанский: они переосмысливают понятия любого порядка и радикально меняют свою точку зрения на окружающее, основываясь на бытовых интересах.

В тех экстремальных обстоятельствах крайний эгоизм персонажей не позволяет им кого-либо идентифицировать как своего, держаться за что-либо, не имеющее материальной ценности, как за свое. В целом, к окружающим они относятся как к потенциальному противнику, который угрожает их благополучию, и принимают меры защиты против него. При этом они готовы, в случае необходимости, признать в каждом представителе этой враждебной реальности своего, приспособиться к чему угодно, если это несет бытовую выгоду. Таким образом, для целой группы действующих лиц произведений Булгакова 20-х гг. оппозиция «свой – чужой» оказывается неактуальной в том смысле, что они не руководствуются данными понятиями в своих поступках.

Следует подчеркнуть, что некоторых персонажей, которые, на первый взгляд, также совпадают с выделенными признаками, однако, в рассматриваемую группу нельзя включить. Это, например, Шервинский и Люська.

Поручик Шервинский, озабоченный своим успехом у окружающих, готовый защищать на дуэли свою честь, ради выгоды или даже просто для того, чтобы произвести эффект на собеседников, постоянно готов солгать, крадет забытый гетманом золотой портсигар, в конце пьесы внешне преобразуется до неузнаваемости и легко меняет профессию: из офицера становится оперным певцом. Между тем мещанином-имморалистом Шервинский все же не является. Перечисленные выше черты – не сущность его натуры, а скорее, юношеские заблуждения. У него есть система духовных ценностей, в которой очень важное место занимает понятие «свой» и, следовательно, недопустимость предательства.

Показательно, что он не уехал с гетманом ради любви к Елене. Раньше, чем бежать из гетманского дворца, он оповестил знакомых офицеров о произошедшей катастрофе. Гибель Турбина, который о себе думал в последнюю очередь, поразила Шервинского и привела к тому, что эгоистическое начало стало в нем уменьшаться. Душа Шервинского эволюционирует. А герои выделенной группы при внешней изменчивости психологически статичны. Только те, кто не имеют в мире ни чужих, ни своих, а сами по себе стремятся к материальной выгоде, всегда остаются равны себе. Те, кто оказываются в борьбе на стороне какой-то группы героев, неизбежно что-то утрачивают и что-то обретают.

Люська, губернаторская дочь, которая сначала стала полковой женой генерала Чарноты, потом поселяется у Корзухина, готова превратиться во француженку Люси Фрежоль и не связывать себя чувствами, подчинившись расчету. Парижский эпизод, однако, показывает, что память, любовь к Чарноте, жалость к Голубкову и Серафиме, внутренняя порядочность, как ни странно это звучит, не позволили Люське предать людей, с которыми она разделила их «хождение по мукам», хотя это и нанесло ущерб ее будущему богатству. Напутствия Люськи: «Прощайте! Голубков! Береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!» (291) – свидетельствуют о ее сопричастности миру главных героев «Бега», о том, что ее нельзя считать вечной искательницей благополучия. Взаимное ее счастье при Корзухине представляется очень гипотетическим, потому что это не результат очередного плутовства, а поступок женщины, сломленной борьбой за существование, не нашедшей поддержки и внешне сдавшейся, но все же сохранившей до какой-то степени верность нравственным принципам.

Итак, герои рассматриваемого типа оказываются «по ту сторону» общепринятого добра и зла в силу своего беспредельного эгоцентризма, выступают катализаторами процессов, сталкивающих группы действующих лиц, оттеняя своим релятивизмом ценности, являющиеся истинными для драматурга. Находясь одновременно в центре действия и вне оппозиции «свой – чужой», они содействуют тому, что это противопоставление оказывается одним из маркированных в проблематике пьес Булгакова 1920-х гг.

Примечания

¹ Росницкая О. Карнавальные и романтические традиции в пьесах М. А. Булгакова «Бег», «Зойкина квартира»

и «Дни Турбиных» // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (Волгоград, 22–25 октября 2001 г.). Волгоград : Перемена, 2001. С. 155.

- ² См.: Скороспелова Е. Русская проза 1917–1950-х годов // История русской литературы XX века (20–50-е годы) : Литературный процесс : учеб. пособие / редкол. : А. П. Авраменко [и др.]. М. : Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 141.
- ³ См.: Бабичева Ю. Жанровые особенности комедии М. Булгакова 20-х гг. («Зойкина квартира») // Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования : сб. ст. / под ред. В. В. Гура. Вологда : ВГПИ, 1982. С. 66–84.
- ⁴ См.: Казьмина О. В поисках своего пространства («свой» и «чужой» топосы в булгаковском «Беге») // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие : сб. материалов Междунар. конф. «IX Кирилло-Мефодиевские чтения». М. : ИКАР, 2008. С. 355–361.
- ⁵ См.: Барина К. Пьеса «Зойкина квартира» М. Булгакова в контексте карнавализованной советской драматургии 1920-х годов (Н. Эрдман, В. Маяковский) // Михаил Булгаков, его время и мы = Michaił Bułhakow, jego czasy i my / под ред. Г. Пшебинды, Я. Свежего ; при участии Д. Клебанова. Краков : Scriptum, 2012. С. 472–484.
- ⁶ См.: Краковяк А., Матяш С. Конфликт в драматургии А. П. Чехова и М. А. Булгакова («Три сестры» и «Дни Турбиных») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1. С. 95–101.
- ⁷ См.: Хабибьярова Э. Трагическая ирония в пьесе М. Булгакова «Бег» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). Филология. Искусствоведение. Вып. 77. С. 99–104.
- ⁸ См.: Гудкова В. Рождение советских сюжетов : типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 281–301.
- ⁹ См.: Иваньшина Е. Традиции святочного карнавала в поэтике М. А. Булгакова («Зойкина квартира», «Собачье сердце») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, вып. 1. С. 34–43.
- ¹⁰ См.: Яблоков Е. Кукольные персонажи в произведениях Булгакова // Stephanos. 2016. № 5 (19). С. 124–128.
- ¹¹ Булгаков М. Пьесы 1920-х годов. Театральное наследие. Л. : Искусство, 1989. С. 117. Далее пьесы Булгакова цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ¹² Аметист // Энциклопедия. Символы и знаки. URL: <http://sigils.ru/guards/amethyst.html> (дата обращения: 28.10.2020).
- ¹³ См.: Воспоминания о М. Булгакове. М. : Советский писатель, 1988. С. 145–147, 350.

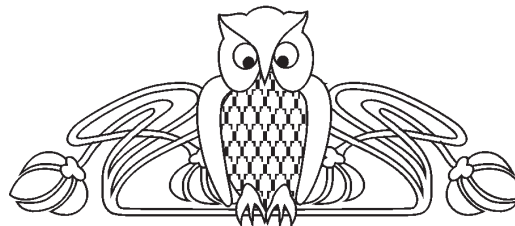
Поступила в редакцию 25.10.2020, после рецензирования 01.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 25.10.2020, revised 01.11.2020, accepted 20.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 85–89
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 85–89

Научная статья
УДК 821.111.09(417)-32+929Беккет
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-85-89>

Жанровый эксперимент «Никчемных текстов» С. Беккета

Ю. И. Семенченко

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Семенченко Юрий Игоревич, аспирант кафедры теории и истории мировой литературы, yurisemenchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3360-7453>

Аннотация. Рассматриваются концептуальные и структурно-тематические стратегии, использованные С. Беккетом в произведениях из сборника «Рассказы и никчемные тексты». Указывается на отталкивание позднего Беккета от модернистского рассказа с завершающим событием эпифании.

Ключевые слова: жанровый эксперимент, малая проза, метапроза, «Никчемные тексты», Беккет

Для цитирования: Семенченко Ю. И. Жанровый эксперимент «Никчемных текстов» С. Беккета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 85–89. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-85-89>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-85-89>

Genre experiment of Samuel Beckett's *Nouvelles et Textes pour rien*

Yury I. Semenchenko, yurisemenchenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3360-7453>

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Abstract. This article regards conceptual, structural and thematic strategies used by Beckett in the works of the short story collection *Nouvelles et Textes pour rien*. It indicates that the late Beckett builds upon the modernist short story with the finishing event of epiphany.

Keywords: genre experiment, short prose, metafiction, *Nouvelles et Textes pour rien*, Beckett

For citation: Semenchenko Yu. I. Genre experiment of Samuel Beckett's *Nouvelles et textes pour rien*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 85–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-85-89>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Малая франкоязычная проза Беккета с трудом поддается жанровой атрибуции в силу реализованных в ней концептуальных авторских решений, которые нашли радикальное художественное воплощение в поэтике текстов. Именно поэтому широкое распространение получило семантически нейтральное понятие *малой прозы* (short prose). Также за исследуемыми произведениями прочно закрепились термины *тексты* (textes) и *рассказы* (stories), присутствующие в названии сборника «Рассказы и никчемные тексты» («*Nouvelles et Textes pour rien*»).

Напомним, «Рассказы» объединяют написанные сразу после Второй мировой войны четыре произведения на французском языке – «Конец» («*La fin*», 1946), «Изгнанник» («*L'expulsé*», 1946), «Первая любовь» («*Premier amour*», 1946) и «Успокоительное» («*Le Calmant*», 1946). Пред-

полагалось, что данные тексты будут опубликованы П. Бордасом, первым французским издателем Беккета, однако он отверг их наряду с романом «Мерсье и Камье» из-за низких продаж опубликованного им ранее перевода на французский язык романа «Мерфи»¹. «Никчемные тексты» же вышли из-под пера Беккета чуть позже, в начале 1950-х. Впоследствии в 1955 г. издательство «Минюи» объединило и опубликовало «Рассказы» (вернее, три из четырех вышеуказанных «Рассказов»; произведение «Первая любовь» было опубликовано отдельно в 1970 г.) и «Никчемные тексты» в одноименном сборнике. Русскоязычный перевод «Никчемных текстов», выполненный Е. В. Баевской, был издан с примечаниями Д. Токарева в 2003 г. в серии «Литературные памятники». А в 2015 г. на русском языке был опубликован сборник «Первая любовь: Из-

бранная проза» (пер. М. Дадяна), в состав которого вошли не только «Рассказы», но и другие франкоязычные тексты Беккета, написанные им в послевоенный период.

Если в беккетоведении (как в зарубежном, так и в отечественном) существует значительное количество исследований, посвященных крупным прозаическим (Дж. Флетчер², Р. Рабинович³, Д. Кац⁴, Д. Токарев⁵, К. Дж. Эккерли⁶) и драматическим (С. Гонтарски⁷, Р. Кон⁸, М. Коренева⁹, М. Эслин¹⁰, Е. Доценко¹¹) текстам, то «Рассказы и никчемные тексты» до сих пор не становились предметом систематического изучения. Целью данной работы станет не столько обобщение отдельных наблюдений исследователей (М. Роуз¹², К. Хэнсон¹³, Д. Малькольм¹⁴) в отношении «Рассказов и никчемных текстов», сколько демонстрация их структурно-тематического единства, позволяющего говорить о беккетовском жанровом эксперименте.

Прежде всего, обратим внимание на эмблематичный образ, заложенный в названии произведений. Так, согласно М. Роуз, слово «никчемный» (фр. – *pourrien*, англ. – *fornothing*) у Беккета указывает, прежде всего, на то, что данные тексты не соотносятся ни с чем, что могло бы подпадать под «хоть какое-то определение»: «<...> пустота, возможно, сам голос – это что-то неизвестное, но это все же что-то»¹⁵. Любопытными представляются и мысли Гонтарски, согласно которому «Никчемным текстам» можно было бы по аналогии с наименованием первого сборника стихов Беккета дать название «Кости Эхо», поскольку в обоих случаях перед нами «бестелесные голоса или лишённые голоса тела»¹⁶. Также Гонтарски отмечает, что «Никчемные тексты» сменяются такими текстами, как «Без малого и без большого» (фр. «*Sans*», англ. «*Lessness*»), «Пшики» (фр. «*Foiraides*», англ. «*Fizzles*»), «Мертвые головы» (фр. «*Têtes-mortes*», англ. «*Six Residua*»). Здесь, согласно ученому, мы имеем дело с произведениями, «которые если и завершены, то не в большей степени, чем таковыми являются полотна Матисса <...>»¹⁷. Как мы видим, уже сами названия рассказов создают у читателя ощущение, что он имеет дело с незаконченными текстами, обнажающими свою незавершенность. И все же хотелось бы подчеркнуть другое.

Помимо разрушения конвенциональных стратегий организации художественного текста, в «Рассказах и никчемных текстах», на наш взгляд, проблематизируется не столько жанровая концепция традиционного рассказа, сколько воплощенная Джойсом экспериментальная поэтика модернистского рассказа. Если творчество раннего Беккета испытало на себе сильное влияние интеллектуальных и эстетических установок его друга и старшего товарища – вспомним, в молодости Беккет помогал Джойсу в работе над «Поминками по Финнегану», – то зрелый Беккет разочаровывается в демиургических устремлениях

модернистов, будто отвлекающих художника от его подлинной миссии – выражать сопротивляющееся выражению. Именно эта тема оказывается одной из центральных в философско-эстетической концепции Беккета начала 1950-х гг.

Отсюда, на наш взгляд, и тематизация заглавий – «пшики», «никчемные тексты», – декларирующая «несостоявшийся проект», незавершенность как единственно возможную форму. Не удивительно и отсутствие традиционных персонажей в рассматриваемых произведениях. Так, согласно К. Хэнсон, в «Никчемных текстах» художественный персонаж как действующее лицо замещается индивидуально-авторским представлением голоса: «Теперь “Я” в понимании Беккета может быть собрано из множества голосов с их внутренними противоречиями и дихотомиями»¹⁸. В подтверждение своей мысли исследователь приводит следующую цитату из «Текста I»: «Как продолжать? Не надо было начинать, нет, надо»¹⁹. Далее Хэнсон приходит к выводу о том, что если «Я» тождественно одному или нескольким голосам, то весьма вероятно, что оно структурировано наподобие языка²⁰. Мысли, близкие Хэнсон, высказываются и другими исследователями, к примеру Малькольмом, который также указывает на разрыв «Текста I» с читательскими представлениями о рассказе: «Отсутствие персонажей и других характерных [для художественного произведения] черт становится причиной рефлексии читателя о, как правило, сохраняющих свою устойчивость приемах повествования»²¹.

Кроме прочего, Малькольм указывает на то, что сам голос – беспокойный, перманентно вопрошающий о реальности собственного бытия – приходит ниоткуда: «Никто не знает, что перед нами: что-то из ночных кошмаров, подслушанные в поезде или самолете разговоры или набор чужих мыслей»²². И далее: «В конце концов, предстающий нам образ человека, попавшего в ловушку, опустошенного, не способного ни двинуться, ни оставаться на месте, пребывающего в окружении голосов, происхождение которых не известно, воскрешающего, с наступлением ночи, в своей памяти события прошлого, которые могли бы служить ему утешением или рассказывающего себе с этой целью какую-нибудь историю – оказывается очень размытым»²³.

Все вышесказанное справедливо в отношении всех входящих в сборник текстов, которые, согласно исследователям (Роуз, Хэнсон), не являются самостоятельными (в отличие, например, от произведений из «Мертвых голов» или «Пшиков»). Так, у Роуз читаем: «Каждый текст обладает своей темой, мотивом или каким-то причудливым образом <...>»²⁴. И далее: «В “Тексте I” перед читателем сначала сконструированная, а затем упраздненная зрением повествователя сцена из внешнего мира, которая, в конце концов, была вновь восстановлена благодаря спо-

собности героя слышать. В «Текстах» II, III и IV способности мозга к творческому воображению становятся источниками «интериоризированных» сцен. Для «Текста V» важна установка на солипсическое вопрошание: у голоса появляется собственный протоколист, секретарь, судья, присяжные заседатели, адвокат, сторона обвинения, свидетели и здание суда. В «Текстах» VI, VII и VIII манифестируется поворот к миру, ко всему, что означает конец нескончаемого солипсизма. В «Текстах» IX, X, XI и XII фиксируются тщетные попытки голоса высвободиться из речевого плена посредством самой речи. В «Тексте» XIII перемирие достигается через осмысление безысходности сложившейся ситуации»²⁵. Однако, на наш взгляд, «Никчемные тексты» представляют собой авторский цикл, написанный, скорее, с установкой на вариацию *одних и тех же* мотивов и тематических комплексов, так или иначе сопряженных с ситуацией стазиса, в которой голос рефлексирует о своем настоящем и о различных феноменах в их соотносительности с другими героями и персонажами.

Так, на протяжении всего сборника подробно разрабатывается тема невозможности рассказывания историй. Несмотря на то что в «Тексте I» повествователю/голосу удается вспомнить, как отец читал ему в детстве про Джо Брима или Брина – «Это была сказка, сказка для детей» (95), – с каждым последующим текстом становится ясно, что цель героя – дать повествование иного типа. Подтверждением этой мысли выступает прерванное воспоминание о мадам Кальве из «Текста II»: «Вновь увидеть мадам Кальве, снимающую сливки с помойки, пока не приехали мусорщики. <...> Вот хорошее воспоминание. <...> Слова тоже, медленно, медленно, подлежащее умирает, не успев добраться до глагола, слова замирают тоже. Ну что, лучше, чем во времена болтовни? Верно, верно, в этом плюс» (96–97).

«Текст IV» обозначает новый этап в развитии темы – здесь голос прилагает усилия для того, чтобы выйти из-под власти управляющих им импульсов: «Он заставляет меня говорить, говоря, что это не я, согласитесь, что это ловко подстроено, он заставляет меня говорить, что это не я, а я-то ничего не говорю» (101–102). Далее, в «Тексте V» голос оказывается не способен ускользнуть от правил риторики: «Там, там внутри этот вечерний суд, в глубине этой сводчатой ночи, это там я веду протокол, не понимая того, что слышу, не зная, что пишу» (105). В отношении дальнейшего варьирования темы невозможности рассказывания историй, в частности в «Текстах» VI–XIII, представляется любопытным наблюдение Хэнсон, считающей, что в фокусе внимания Беккета оказываются, прежде всего, те устанавливаемые языком ограничения, которые связаны с его антитетической природой: «Он [Беккет] задается вопросом, всегда ли "рана "да" оборачивается "нож "нет"», и часто выра-

жает желание достичь присутствия, лежащего за пределами антитетических отношений между словом и реальностью»²⁶.

Таким образом, событийность «Никчемных текстов» при всей их внешней бесфабульности и бессюжетности оказывается связана с событием самого рассказывания.

Однако специфическая незавершенность беккетовской малой прозы, о которой мы уже упоминали ранее, также позволяет указать на сходство и отличие от модернистского эксперимента, который нередко имел выражение в формальной незавершенности и внешней бессобытийности сюжета с экзистенциальной проблематикой. При этом модернистский рассказ в целом ряде случаев обретает эстетическую целостность благодаря «моменту прозрения/озарения», джойсовской «эпифании». Согласно Хэнсон, сопряженное с ней осознание субъектом своего экзистенциального удела выступает во многих бессюжетных текстах как структурный эквивалент традиционной развязки²⁷. А. Хантер, анализируя специфику функционирования момента внезапного озарения в произведениях раннего Беккета, а именно в рассказах «Отбросы» («Draft») и «Мокрая ночь» («A Wet Night»), входящих в роман «Больше тычков, чем ударов» («More Pricks Than Kicks», 1934), делает важное замечание о том, что, в отличие от Джойса, который посредством суггестивных средств постепенно подводит своих героев к эпифании и таким образом лишает ее эффекта внезапности, Беккет нарочито обнажает конструктивную природу опыта духовного озарения: «<...> я почувствовал, что теперь он должен был что-то почувствовать»²⁸.

И совсем иное дело – поздние франкоязычные тексты Беккета. Здесь эпифания редуцируется до напрасного ожидания героем момента внезапного озарения: подобно модернистским текстам, сборник «Рассказы» пронизывает суггестивные мотивы и повторы, однако повествователю/голосу так и не открывается правда экзистенциального существования.

Обратимся к рассказу «Конец», а именно к последним сценам произведения, когда ждущий собственной смерти повествователь, который лежит в предназначенной им для своего последнего плавания лодке, начинает слышать звуки из внешнего мира: «До меня доносились приглушенные крики чаек <...>. Я слышал плеск речной воды о пристань, о берег <...>. Да и дождь тоже, мне часто слышался его шум <...>. Да и ветер иногда присоединял голос к хору <...>»²⁹. Как представляется, крики птиц, плеск речной воды, шум дождя и завывания ветра сопровождают осуществление протагонистом описываемого Кейлином «проекта» редукиции реального мира к набору субъективных идей: «Способность сознавать себя вне собственных границ, сколь бы лживым и слабым ни было это внешнее существование, некогда воспринималась мной как дар.

Так вот и становишься нелюдимым. <...> Так и живешь между двумя волнами, мелодия, без сомнения, одна и та же <...>» (73). Кульминацией этого процесса становится сцена звона цепи, которая предшествует решению героя извлечь затычку из заранее проделанного им отверстия в днище лодки: «Послышался тяжелый звон. Это звенела цепь, одним концом закрепленная на носу, другим обмотанная вокруг моей талии» (76). По-видимому, этот звон отчасти удовлетворяет возникшее у повествователя/голоса в начале его плавания желание услышать «звонкие удары молота»: «Что бы я желал услышать, так это звонкие удары молота, бам, бам, бам, раздающиеся в пустыне» (72). Поэтому читатель, на наш взгляд, вправе здесь ожидать некую вспышку-озарение, которая, однако, вытесняется рефлексиями героя о своей способности/неспособности контролировать нарратив: «Отчужденно и без сожаления я подумал о повести, которую не сумел рассказать <...> то есть, я хочу сказать, подумал, не испытывая мужества закончить и не имея сил продолжать» (76).

Другую модификацию модернистских опытов мгновения мы находим в рассказе «Изгнанник». Согласимся с мнением Хантер о том, что кульминацией сюжетного действия становится сцена, в которой повествователя, не пожелавшего воспользоваться предложением извозчика остаться у него до утра, охватывает желание поджечь выбранное им для ночлега стойло: «В руке я держал коробок спичек, большой коробок шведских спичек. Ночью я раз поднялся и зажег спичку. Ее недолгое пламя позволило мне установить местонахождение фиакра. Меня охватило, затем оставило желание поджечь стойло» (98). Любопытно, что впервые в рассматриваемом тексте мотив зажженной спички возникает в эпизоде, когда герой просит остановившегося извозчика позволить ему зажечь один из фонарей фиакра: «Он зажигал фонари по сторонам фиакра. Мне нравятся керосиновые лампы, пусть даже наряду со свечами <...> они были первыми огнями, которые я увидел в жизни. Я спросил его, могу ли я зажечь второй фонарь, потому как первый он уже зажег сам. Он протянул мне коробок спичек, я открыл небольшую, выпуклого стекла створку на петлях, поднес огонек и закрыл дверцу, оставив фитилек гореть пламенем безмятежным и ярким, в уюте его теплого домика, неподвластного ветру. Я познал эту радость» (95). Однако резкая перемена намерений повествователя, в итоге покинувшего стойло через окно и оставившего на подоконнике спичечный коробок, кажется, лишает его эпифании, говорит о тщетности попыток вернуться в иллюзию счастливого прошлого. Поэтому здесь впору говорить о *прерванной* эпифании.

Подводя итоги, отметим некоторые из выделенных нами особенностей беккетовского эксперимента в «Рассказах и никчемных текстах»:

– во-первых, эмблематический образ, заложенный в названии целого ряда произведений, акцентирует парадоксальную ситуацию завершенности/незавершенности попытки рассказывания;

– во-вторых, «Никчемные тексты» представляют собой авторский цикл, написанный с установкой на вариацию одних и тех же мотивов и тематических комплексов, так или иначе сопряженных с ситуацией стазиса;

– в-третьих, традиционная событийность рассказа с действующими персонажами замещается событием самого рассказывания с участием «голосов», рефлексиирующих не только над отдельными фрагментами собственной истории, но и над самой возможностью ее рассказывания (метапрозаическое начало);

– наконец, формальная незавершенность текстов как концептуальное решение, связанное с указанной тематикой стазиса и тщеты рассказывания, сопровождается ситуацией неоправданного ожидания эпифании. Последнее демонстрирует скепсис Беккета в отношении демиургических интенций художника, его отталкивание не только от традиционного сюжетного рассказа, но и от модернистского рассказа с завершающим событием эпифании.

Примечания

- 1 См.: *Beckett S. The Complete Short Prose, 1929–1989.* N. Y. : Grove Press, 1995. P. 22.
- 2 См.: *Fletcher J. The Novels of Samuel Beckett.* L. : Chatto & Windus, 1970.
- 3 См.: *Rabinovitz R. The Development of Samuel Beckett's Fiction.* Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1984.
- 4 См.: *Katz D. Saying I No More : Subjectivity and Consciousness in the Prose of Samuel Beckett.* Evanston, IL : Northwestern UP, 1999.
- 5 См.: *Токарев Д. Курс на худшее : Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета.* М. : Новое литературное обозрение, 2002.
- 6 См.: *Ackerley Ch. Demented Particulars : The Annotated "Murphy".* Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010.
- 7 См.: *Gontarski S. The World Premiere of "Ohio Impromptu", directed by Alan Schneider at Columbus, Ohio // Journal of Beckett Studies / ed. by John Piling.* 1982. № 8. P. 56–61.
- 8 См.: *Cohn R. Retreats from Realism in Recent English Drama.* Cambridge : Cambridge University Press, 1991.
- 9 См.: *Коренева М. Литературное измерение абсурда // Художественные ориентиры в зарубежной литературе XX века : сб. / редкол.: А. Б. Базилевский [и др.].* М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 477–507.
- 10 См.: *Esslin M. The Theatre of the Absurd.* N.Y. : Vintage Books, 2004.
- 11 См.: *Доценко Е. Национальное и наднациональное в театре абсурда С. Беккета // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006.*

- ¹² См.: *Rose M.* The Lyrical Structure of Beckett's "Texts for Nothing" // *NOUVEL : A Forum on Fiction*. 1971. Vol. 4, № 3. P. 223–230.
- ¹³ См.: *Hanson C.* Short Stories and Short Fictions, 1880–1980. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, L. : The Macmillan Press LTD, 1985.
- ¹⁴ См.: *Malcolm D.* The British and Irish Short Story Handbook. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2012.
- ¹⁵ *Rose M.* Op. cit. P. 223.
- ¹⁶ *Gontarski S.* Introduction // Beckett S. Op. cit. P. 25.
- ¹⁷ Ibid. P. 26.
- ¹⁸ *Hanson C.* Op. cit. P. 149.
- ¹⁹ *Беккет С.* Никчемные тексты / пер. с фр. Е. В. Баевской. СПб. : Наука, 2003. С. 93. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- ²⁰ См.: *Hanson C.* Op. cit. P. 149.
- ²¹ *Malcolm D.* Op. cit. P. 30.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Rose M.* Op. cit. P. 223.
- ²⁵ Ibid. P. 230.
- ²⁶ *Hanson C.* Op. cit. P. 148.
- ²⁷ Ibid. P. 7.
- ²⁸ *Hunter A.* The Cambridge Introduction to the Short Story in English. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 86.
- ²⁹ *Беккет С.* Первая любовь. Избранная проза / сост. и пер. с фр. М. Дадына. М. : Текст, 2015. С. 72. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.

Поступила в редакцию 01.09.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 01.09.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.11.2020

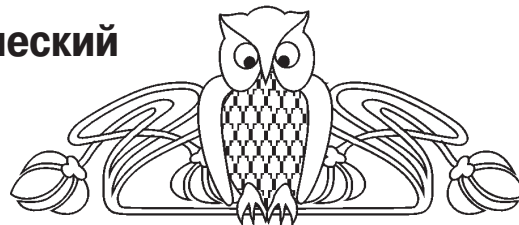
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 90–93
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 90–93

Научная статья

УДК 821.161.1.09-4+929[Солженицын+Чехов]

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаясь в Чехова»)

Г. М. Алтынбаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Аннотация. В статье проанализирован один из метапоэтических принципов А. И. Солженицына – «диалог с классиком». В очерке «Окунаясь в Чехова» Солженицын передает радость эстетических открытий от соприкосновения с Чеховым, вступает с ним в диалог, спорит с чеховским взглядом на мир. При этом читателю открывается и «творческая лаборатория» самого Солженицына.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, А. П. Чехов, «Литературная коллекция», «творческая лаборатория» писателя, метапоэтика

Для цитирования: Алтынбаева Г. М. Диалог с классиком как метапоэтический принцип А. И. Солженицына («Окунаясь в Чехова») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 90–93. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

The dialogue with the classic writer as A. I. Solzhenitsyn's metapoetic principle (*Immersing into Chekhov*)

Gulnara M. Altynbaeva, gulnarama@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. In this article one of the metapoetic principles of A. I. Solzhenitsyn is analyzed – ‘a dialogue with a classic writer’. In his sketch *Immersing into Chekhov* Solzhenitsyn renders the pleasure of aesthetic insights from the encounters with Chekhov, enters into a conversation with him, argues with Chekhov's world outlook. Thereby Solzhenitsyn's own ‘creative lab’ is revealed to the reader.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, A. P. Chekhov, *The Literary Collection*, the writer's ‘creative laboratory’, metapoetics

For citation: Altynbaeva G. M. The dialogue with the classic writer as A. I. Solzhenitsyn's metapoetic principle (*Immersing into Chekhov*). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 90–93 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-90-93>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

«Если бы чеховским интеллигентам, всё гдавшим, что будет через двадцать – тридцать – сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, <...> – ни одна бы чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом»¹. Так размышляет А. И. Солженицын в начале «Архипелага ГУЛАГ».

И таких отсылок к Чехову в «опыте художественного исследования» много. Почему именно Чехов становится важным собеседником Солженицына при написании истории советской тюремно-лагерной системы?

Да, нам известны слова Александра Исавича о том, что Чехова он считает своим главным учителем в «сжатости письма». К. И. Чуковский в письме А. И. Солженицыну называет его «достойным продолжателем» Чехова². Но «Архипелаг ГУЛАГ» подводит нас к мысли и о личностных причинах диалога с Чеховым, а не только чисто художественных. Здесь решающей является мировоззренческая высота Чехова, его высокая нравственная позиция. Показательно рассуждение Солженицына о повести «В овраге»: «Душевная чистота Чехова в том, что через это овражное зло ступает у него столько правед-

ных людей – чистота нужна и чтоб увидеть их, и показать их нам так уверенно (здесь и далее курсив наш. – Г. А.)»³.

Вступая в диалог с классиками русской литературы, Солженицын ищет, на каких путях «искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру»⁴. Один из первых опытов – разбор «Горе от ума» Грибоедова (1954)⁵. Делает это Солженицын «протеревши глаза». С 1984 по 2005 г. пишется «Литературная коллекция», среди нескольких десятков очерков о русских писателях есть двадцатистраничные заметки Солженицына о прозе Чехова, дополняющие давний разговор.

Исследуя все сейчас опубликованные очерки «Литературной коллекции», мы обратили внимание, что в каждом из них Солженицын присутствует один на один с интересующим его автором, и нет никаких внешних влияний, никакой цензуры, кроме внутренней. И именно эта «внутренняя цензура», установленная А. И. Солженицыным над самим собой, определяет всю строгость, всю серьёзность размышлений писателя «на полях» «чужого» письма.

В предисловии к «Литературной коллекции» Солженицын обращается к читателю со словами: «...это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому»⁶.

Название заметок о Чехове отражает, на наш взгляд, и путь, и смысл солженицынского взгляда – «окунаясь в Чехова». По новомирской истории печатания «Одного дня Ивана Денисовича» известна принципиальная позиция Солженицына относительно названия произведения: «Верно найденное название книги, даже рассказа, – никак не случайно, оно есть – часть души и сути, оно сроднено»⁷. «Окунаясь в Чехова», Солженицын, в первую очередь, передает радость эстетических открытий, радость от соприкосновения с самой личностью автора. В этом видится форма дружеской беседы двух близких по взглядам писателей.

Неоднократно восхищается «непринуждённым чеховским талантом» – «что видит – он видит и передаёт нам ярко» (175). Повторяются такие оценки: «великолепно», «замечательно», «прелестно», «метко», «высочайшего класса», «музыка» и др.

Бывший зэк Солженицын не мог пропустить и истории Чехова о русской каторге и каторжниках. «Просто поразительно, как Чехов так переимчиво и полно воспринял и передал мироощущение вечного зэка, вечного ссыльного, семикаторжного (отличное слово)» (курсив автора. – Г. А.) (173). Даже фрагмент из рассказа «В ссылке» о «победе жизнелюбия» зэка приводится и в «Архипелаге ГУЛАГ», и очерке «Литературной коллекции», потому что, по мнению Солженицына, «читатель больше поверит в эту парадоксальную черту, если мы процитируем

Чехова. <...> (и только удивляемся, где их мог подцепить А. П. Чехов?)»⁸.

На наш взгляд, больше всего Солженицыну – борцу за сбережение русского народа – импонирует изображение Чеховым «народного русского типа» и русской жизни, порой уникальное: «...и ведь так же многотипно в нашем народе» (161), «какая глубина вполне крестьянского понимания мира» (168). Есть и народное чувство, и русский народный разговор, хотя зачастую без народной лексики.

Высоко ценя достижения Чехова-писателя и мыслителя, Солженицын решается высказать ему свои замечания. Солженицын вступает в диалог-обсуждение с Чеховым, выдвигая свое видение, «насколько он свою задачу выполнил». Маркером такого диалога выступает сослагательное наклонение: «Без объяснений этот диалог двух горь – настолько *был бы* сильнее» (172), «И – хватило *бы* на том, на этом *бы* можно и кончить образ» (174) и др.

Самой частой формой диалога с классиком становится спор. Свое понимание творческого процесса и свой взгляд на мир Солженицын соотносит с очевидно хорошо ему известной позицией Чехова по этим же вопросам, и тогда речь Солженицына переходит в дискуссию и в полемику, в меньшей степени – в диспут.

А. И. Солженицын шел за Чеховым, но окунувшись в реальность «безнравственного» XX века, понял, что чеховский чистый взгляд бесперспективен, поэтому и читателя он предупреждает от ошибок доверия. Вспоминаются слова из третьей части «Архипелага ГУЛАГ»: «Сейчас-то бывших зэков да даже и просто людей 60-х годов рассказом о Соловках, может быть, и не удивишь. Но пусть читатель вообразит себя *человеком чеховской и послечеховской России*, <...> привыкшим к принятым у людей пище, одежде, взаимному словесному обращению, – и вот тогда да вступит он в ворота Соловков»⁹.

Пытается объяснить чеховскую недостаточность Солженицын и вместе с В. Т. Шаламовым: во время одной из встреч двух писателей возник разговор о Чехове как писателе, потенциально склонном к большой эпической форме. По мнению Шаламова, «Чехов всю жизнь хотел и не мог, не умел написать роман. <...>. Это потому, что Чехов умел писать только не отрываясь, а безотрывно можно написать только рассказ, а не роман»¹⁰. Солженицын же подчеркивает, что «в Чехове не было *устремления ввысь*, что обязательно для романиста», у Чехова отсутствовали «*ведущие мысли*». О том же он говорит и в очерке «Литературной коллекции». Так в диалоге двух прозаиков прозвучала мысль о неотъемлемой связи идейного содержания и формы художественного произведения в литературе XX в.

Солженицын, следуя принципу «жить не по лжи», поддерживает чеховскую смелость, остается верен чеховскому человеколюбию и при

этом не может принять чеховский взгляд на мир: «...очень по-чеховски – неразрешимость, несобытийность, недо-, недо-...» (167).

И более всего чуждо Солженицыну, когда чеховское равнодушие к судьбе человека переходит в «неразборное “чеховское” нытьё»: «...с таким ощущением – и правда завоешь, даже и сорока лет не проживёшь» (177). Солженицыну не нравится стремление Чехова к зачастую ненужным объяснениям, но в то же время он и защищает классика от штампа «интеллигентский» писатель (162). В конце заметок он даже восклицает: «Это неверно, что Чехов – певец интеллигенции» (182).

Чтение заметок о Чехове убеждает нас в том, что, обращаясь к Чехову («Сколько же заложено в нём этого тихого влечения – в образованный век» (170)), Солженицын обращается и ко всему его поколению, жившему на переломе эпох: «как тогда виделось Чехову, да всей интеллигенции» (175). Солженицын, очевидно, и в себе чувствует чеховское восприятие мира, с этим живет, принимая и частично оправдывая его, с этим же и спорит прошедший ГУЛАГ продолжатель чеховской традиции, не соглашаясь с классиком, преодолевая сам и побуждая читателя к переосмыслению так импонирующего современникам чеховского гуманного мировоззрения.

Особенность эстетики А. И. Солженицына заключается в единстве эстетической и этической позиций. Это объясняет важность для него человечности Чехова, и показать это читателю «Литературной коллекции» – одна из задач автора «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного Колеса».

Диалог с классиком – важный метапоэтический принцип Солженицына. Это диалог двух мировоззрений посредством литературы, в поле литературы. Именно в этом ключе и возникают споры с Чеховым об образе и судьбе русского народа и чеховских оценках еврейства, диалоги через Чехова с интеллигенцией и дискуссия о ее беспомощности перед ударами времени, полемика о «языковом расширении» («Очень жаль, что он пренебрегал и народной лексикой, и звуковой и ритмической стороной» (178)).

Солженицын называет Чехова «здоровым тружеником-созидателем» (172) и в то же время выделяет в чеховских текстах «несвойственные Чехову» приемы: «длинное описание наружностей» (172), «прямая сатиричность, издёвка. Утрировка» (172).

Строгое, субъективное отношение Солженицына к Чехову имеет основания – ведь много раз мнение классика по разным вопросам оказывалось парадоксально применимо и к будущему для него XX в.: «Хотя наблюдения Чехова ни с какой стороны не относятся к нашему случаю, однако они поражают нас своей верностью»¹¹, «есть в этом – и как пророчество» (174).

В то же время, читая заметки Солженицына, слушая его диалоги с классиками, мы в значительной степени открываем для себя не его

собеседника-писателя, а самого Солженицына. Перед нами «творческая лаборатория», дающая «возможность глубже постигнуть эстетические позиции и собственное творчество»¹² Александра Исаевича Солженицына, это «почти прямой или опосредованный диалог писателя с самим собой»¹³, так как собеседник его – Чехов, которого любит, которым восхищается, которого понимает, с которым имеет смелость и право спорить, потому что видит в нем себя.

Именно в таком диалоге с классиком видится важный метапоэтический принцип Солженицына. В основе его – близкие Солженицыну слова из письма Гете Шиллеру и потому вынесенные им в качестве эпиграфа к будущему полному изданию «Литературной коллекции»: «...говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом»¹⁴. Пристрастие, смелость, любовь – вот «истина, добро и красота» солженицынской метапоэтики. В этой связи А. И. Солженицын очень важно, что А. П. Чехов с его нормальным сознанием именно в художественной литературе смог отразить свое восприятие России на рубеже. Перелом эпохи вынуждал к новым «поискам реальности» (Л. Я. Гинзбург) и языков ее выражения. Солженицын, проходя испытание XX веком, «волевым упором» (Н. Струве) раздвигает границы литературы, действительно соединяет в своем слове документ, поэзию, пророчество, поскольку уверен, что «слово разрушит бетон» («Нобелевская лекция»).

Примечания

- 1 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 4. Архипелаг ГУЛАГ : Опыт художественного исследования. Части I–II. М. : Время, 2010. С. 99.
- 2 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) / подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. Чуковской : К. И. Чуковский – А. И. Солженицыну (12 марта 1963 г., Переделкино) // Новый мир. 2011. № 10. С. 137.
- 3 Солженицын А. Из «Литературной коллекции» : Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 181. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 4 Солженицын А. Нобелевская лекция // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М. : ТЕРРА, 2001. С. 20.
- 5 См.: Солженицын А. Протеревши глаза («Горе от ума» глазами зэка) // Солженицын А. Протеревши глаза : сб. М. : Наш дом – L'Age d'Homme, 1999. С. 344–365.
- 6 Солженицын А. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.
- 7 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 28. Бодался телёнок с дубом : Очерки литературной жизни. М. : Время, 2018. С. 96.
- 8 Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ : Опыт художественного исследования. Части III–IV. М. : Время, 2010. С. 420.
- 9 Там же. С. 29.

- ¹⁰ Шаламов В. Воспоминания. М. : Олимп ; Астрель ; АСТ, 2001. С. 373.
- ¹¹ Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 5. С. 421–422.
- ¹² Машицкий С. Слово и время. М. : Советский писатель, 1975. С. 300.
- ¹³ Стадников Г. О специфике писательской литературной критики // Зарубежная литературная критика. Вопросы теории и истории : межвуз. сб. науч. тр. Л. : ЛГПИ, 1985. С. 18.
- ¹⁴ Гете И.-В., Шиллер Ф. Переписка : в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. А. Аникста ; пер. с нем. и коммент. И. Бабанова. М. : Искусство, 1988. С. 186–187.

Поступила в редакцию 07.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 07.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020

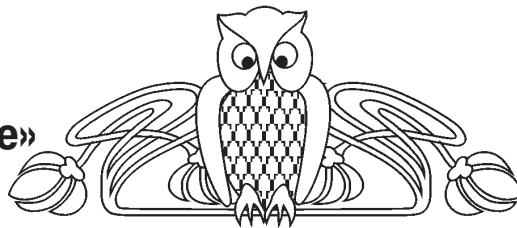
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 94–97
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 94–97

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Бродский

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-94-97>

Иосиф Бродский: от трагического к возвышенному («Письмо в бутылке» и «Новый Жюль Верн»)

М. С. Салинкина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Салинкина Мария Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, m-marias@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0407-8166>

Аннотация. В статье на материале стихотворения «Письмо в бутылке» (1964) и поэмы «Новый Жюль Верн» (1976) прослеживается эволюция поэтики И. Бродского, основанная на стремлении к «освобождению от эмоциональности». Трансформация художественной манеры поэта рассматривается в эстетических категориях трагического и возвышенного.

Ключевые слова: Бродский, освобождение от эмоциональности, трагическое, возвышенное

Для цитирования: Салинкина М. С. Иосиф Бродский: от трагического к возвышенному («Письмо в бутылке» и «Новый Жюль Верн») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 94–97. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-94-97>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-94-97>

Joseph Brodsky: From the tragic to the sublime (*The Letter in a Bottle* and *The New Jules Verne*)

Maria S. Salinkina, m-marias@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0407-8166>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article traces the evolution of J. Brodsky's poetics driven by the desire to 'be free from emotional sensitivity' on the example of the poems *The Letter in a Bottle* (1964) and *The New Jules Verne* (1976). The transformation of the poet's artistic manner is considered through the aesthetic categories of the tragic and the sublime.

Keywords: Joseph Brodsky, freeing from emotional sensitivity, tragic, sublime

For citation: Salinkina M. S. Joseph Brodsky: From the tragic to the sublime (*The Letter in a Bottle* and *The New Jules Verne*). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 94–97 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-94-97>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Критиками и исследователями признано, что философская и эстетическая основа творчества И. Бродского – «трагедийность мировосприятия»¹. «Все традиционно трагедийные темы, – пишет И. Плеханова, – обозначились в самом начале творческого пути: неотвратимость смерти <...>, неразрешимость одиночества <...>, остывание мира и отчуждение художника от самого себя»². При этом, согласно концепции И. Плехановой, И. Бродский вышел за рамки классического трагического. Во-первых, его не устраивала поза трагического героя – открытое противостояние миру и «форсированная откровенность страдания»³, поскольку «слишком демонстративна, узнаваема, статична, слишком сосредоточена на себе»⁴. Во-

вторых, для И. Бродского трагедия была не исключительным, нарушающим спокойное течение жизни явлением, а обыденностью. Когда трагедия есть «содержание существования»⁵, ее нельзя преодолеть, пережить – И. Бродский ее «прожил» и, сопротивляясь власти трагического над сознанием, относился к этому как к «возможности проверить свой духовный потенциал стойкости»⁶.

Самоопределяясь по отношению к трагедии, И. Бродский занимает стоическую позицию. Даже в отчаянии он сохраняет внутреннюю независимость, а его «состояние духа, – отмечает И. Плеханова, – не только не теряет высоты <...>, но исполнено какой-то головокружительной силы»⁷. Благодаря этому, считает исследо-

ватель, в поэзии И. Бродского происходит «преображение трагедии»⁸ и «преображение себя в трагической безысходности»⁹.

Творчество Бродского И. Плеханова рассматривает в посттрагической парадигме мышления, вкладывая в понятие *посттрагического* «процессуальное раскрытие»¹⁰ конфликта, длительную «неразрешимость страданий и, соответственно, невозможность катарсиса»¹¹. Но качественные характеристики иного, отличного от трагического, мироощущения не раскрываются. На наш взгляд, в классической эстетике наиболее точно позиции Бродского по отношению к трагическому соответствует категория возвышенного.

Теоретики возвышенного Э. Бёрк, И. Кант, Ф. Шиллер опирались на античный трактат «О возвышенном», автор которого видел способность человека к возвышенному в стоическом пренебрежении к «мнимым благам»¹².

«Причиной возвышенного, – считал Э. Бёрк, – всегда является какая-то разновидность страха или боли»¹³. Но ужас и опасность, чтобы стать источниками возвышенного, должны быть огромны, физически не преодолимы и не подвластны человеку, как несчастья, болезни, смерть, и непознаваемы, как вечность и бесконечность.

По И. Канту, все, что абсолютно велико, что кажется бесконечным, «отпугивает чувственность»¹⁴. Поэтому созерцание возвышенного – это «умствующее созерцание»¹⁵, «независимое от всяких чувственных волнений»¹⁶. «*Велик тот, – писал Ф. Шиллер, – кто побеждает страшное; возвышен тот, кто, даже будучи побежден, не знает страха*»¹⁷ (курсив автора. – М. С.).

С точки зрения Ф. Шиллера, «возвышенное есть действие трех последовательных представлений: 1) объективной физической силы; 2) нашего объективного физического бессилия; 3) нашего субъективного морального превосходства»¹⁸. Чувство возвышенного – субъективно, сосредоточено «только в нас и в образе мыслей»¹⁹.

Находясь слишком близко к источнику опасности, человек подавлен и испытывает страх, который не совместим с чувством возвышенного. Для созерцания возвышенного необходима отстраняющая дистанция. Когда человеку ничего не угрожает, взирая на объективно ужасное, он испытывает возвышенные эмоции, которые Э. Бёрк описал как «восторженный ужас»²⁰, «спокойствие, окрашенное страхом»²¹, «изумление»²².

«Абсолютное спокойствие при абсолютном трагизме»²³ – это то, чего в своей поэзии, по словам А. Парщикова, достиг И. Бродский. Трагедия для него – источник духовного совершенствования: «Нет, я вам доложу, утрата, / завал, непруха / из вас творят аристократа / хотя бы духа»²⁴.

Поэтические особенности философско-эстетической позиции И. Бродского мы проанализируем на материале его «большого стихотворения» «Письмо в бутылке» (1964) и поэмы «Новый Жюль Верн» (1976). Эти тексты показывают нам

два разных взгляда на катастрофу – трагический и возвышенный. Показательно, что И. Кант свое представление о возвышенном проиллюстрировал именно бессилием человека перед многократно превосходящими его силами бушующего океана. Невозможность физического сопротивления природной стихии заставляет человека искать опоры в своем нефизическом «я».

В «Письме в бутылке» образ корабля символизирует жизненный путь как «бытие-к-смерти». Судно, на котором лирический субъект «поплыл и держал Норд-Норд» (II, 69) и на котором потерпел крушение, – «плавающий гроб» (II, 72). Норд – не географический север, а предел жизни. Умирание сопровождается мотивом холода: «сугробы растут», «люстры льда надо мной висят», «сверкает лед» (II, 69).

Для лирического «я» романтические надежды на героическую гибель («коня сохранить, а живот сложить» (II, 69)) обернулись случайной и нелепой смертью: «Я честно плыл, но попался риф, / и он насквозь пропорол мне бок» (II, 69).

Переживание лирическим «я» своей смерти, пусть и не героической, наполнено трагическим пафосом. Приближение смерти настолько ошутимо, что она становится явью, а значит, жизнь – сном: «<...> зима, весна, / август, май – персонажи сна» (II, 71), но умирать не хочется, он боится и слишком привязан к жизни: «<...> хочу сберечь / тени того, что еще люблю» (II, 71). Он признается: «<...> я крепко сплю» (II, 71), т. е. еще жив.

Эмоции, которые испытывает лирический субъект, сглаживаются. Отчаяние и ужас перед смертью названы печалью и грустью («грусть затая» (II, 69), «печальный взор» (II, 73)). Им, как «постыдной слабости» (II, 72), противопоставляется рассудок: «И разум шепчет, мой верный страж, / когда я вижу огонь: мираж» (II, 70).

В «Письме...» всячески подчеркивается безвыходность ситуации: пробоина сквозная, глубоко, суши не видно и вдобавок начался снегопад. Но, чтобы скрыть отчаяние, лирический субъект иронически нейтрализует детали: «снег повалил» – «летит снежок», «тихо звенит мой челн» (II, 69).

Настойчивое стремление лирического «я» к независимости от своих эмоциональных реакций лишь подчеркивает его сосредоточенность на себе. Самое частотное средство выражения лирического субъекта в «Письме...» – местоимение «я».

Трагическая безысходность для лирического субъекта заключается в его зависимости от корабля, он ощущает себя с ним одним целым: «<...> застрял, / задрал к небосводу свой левый борт» (II, 69), «сейчас мы исчезнем» (II, 72). Но, понимая неизбежность смерти, он надеется, что это не конец: «Хотелось бы верить (увы, с трудом), / что жизнь водолаза пошлет за мной, / дав направление: „мир иной“» (II, 72). Однако простая вера в «„Великое Может Быть“...» (II, 73) не удовлетворяет. Он словно заговаривает смерть, перечисляя имена людей, в отношении которых

она оказалась бессильна: Морзе, Попов, Маркони, Эдисон, Фарадей, Архимед и др.

Другой доступный лирическому «я» способ сопротивления смерти – поток речи, лирический монолог, который всячески ее отдалает. Все происходит стремительно: «мышы беззвучно бегут на ют», «море бежит в дыру» (II, 71), «пространство бежит по усам», «я счет потерял облакам и дням» (II, 70). Не остановить, но хотя бы замедлить течение времени позволяет структура фраз, многочисленные повторы, обращения, перечислительные ряды, вводные слова. Сопротивление чувствуется в энергичном ритме текста.

В конце стихотворения постепенное усечение катренов до терцета и одностишия и авторские ремарки («размыто») (II, 73, 74, 75) производят эмоциональный эффект. Текст размывает или прибивающая вода, или слезы.

В прощании с возлюбленной лирический субъект моделирует ее реакцию на найденное письмо в бутылке:

Вас в горлышке встретит, должно быть, грусть.
До марки добравшись – и наизусть
запомнив – придете в себя вполне.

И встреча со мною Вас ждет на дне! (II, 74)

Тем не менее Бродский мужественно не поддается соблазну утешиться традиционной мыслью о продолжении жизни в слове. Вода и речь, волны, «бег строк» и «гуденье слов» (II, 74) обнаруживают графическое и фонетическое сходство и отождествляются: «Море, мадам, это чья-то речь... / Я слух и желудок не смог сберечь, / я нахлебался и речью полн...» (II, 74).

Зависимый, побежденный («Я вижу, что я проиграл процесс» (II, 70)), лирический субъект желает умереть достойно. Но сохранять возвышенное состояние духа при отсутствии дистанции, в непосредственной близости смерти, посреди океана с пробоиной в борту – невозможно: «Прошу лишь учесть, что хоть рвется дух / вверх, паруса не заменят крыл» (II, 69). Стремясь к возвышенному, герой остается в стихии трагического.

По-настоящему реализовать свою тягу к возвышенному И. Бродскому удается в «Новом Жюль Верне» (1976).

В поэме, как и в «Письме в бутылке», корабль – пространство жизни. Свойство живого – эмоции, и их здесь целая палитра: кричащая обезьяна, матросы с «нервами, перекрученными на манер каната» (III, 115), лейтенант во власти романтических настроений, капитан, погруженный в воспоминания и «одинокие мысли о себе» (III, 115). Речь пассажиров и членов экипажа эмоциональна, насыщена оценочными определениями («порочный круг», «восхитительный херес», «жуткое солнце», «презренный металл» (III, 116)), междометиями («Э-э...» (III, 116), «Ах...» (III, 117)), восклицательными и вопросительными предложениями («Конечно, эрцгерцог монстр!» (III, 116), «Вольдемар, перестаньте! Вы кусаетесь,

Вольдемар!» (III, 117), «...а если открылась течь? я читал, что бывают течи» (III, 116)).

Если корабль целеустремлен, напорист, «разрезает волны» (III, 115), то море внешне спокойно и невозмутимо: «Безупречная линия горизонта, без какого-либо изъяна» (III, 115). Эмоциональности и темпераментности людей противопоставлены холодность и равнодушие обитателей моря.

Водное пространство в поэме заключает в себе предзнаменование гибели корвета. Равнодушная и спокойная, уверенная в своей силе и мощи вода сначала словно поддается человеку, порождая в нем иллюзорные представления о возможности ее покорить и управлять ею, а затем «<...> быстро смешивается с оставшимися за кормою» (III, 115), т. е. поглощает все, что в нее попадает. Победить водную стихию, как и сопротивляться небытию, невозможно, противостоять ее силе бессмысленно.

Корвет «неукоснительно движется» (III, 118) к смерти. «Европа, Африка, Азия, Старый и Новый Свет» (III, 118), суша, т. е. жизнь, – остается «за кормою» (III, 118).

Находящиеся на борту судна люди предчувствуют смерть и боятся ее: «Я всю ночь не могла уснуть» (III, 116), «Капитан, в этих местах затонул „Черный Принц“ / при невыясненных обстоятельствах» (III, 118).

Если «Письмо в бутылке» почти полностью посвящено рассказу лирического субъекта о своей смерти, то в поэме катастрофа происходит только в седьмой и восьмой частях. Никаких попыток отсрочить или приблизить смерть не предпринимается. Смерть, хотя и являет собой закономерный итог жизни, всегда приходит внезапно и неожиданно: «Я же сплю», «Куда ты тащишь меня?! Я раздета!» (III, 118).

В «Письме в бутылке» корабль затонул из-за пробоины в борту. В поэме причина кораблекрушения до конца не раскрыта – только какой-то «гигантский спрут» (III, 118), полные ужаса глаза людей, встречающих смерть: «<...> Ну, гляжу. Извивается... но ведь это... Это... / Это гигантский спрут!.. И он лезет к нам! Николай!..» (III, 118), и человек, идущий ко дну: «Изо рта вырываются пузыри. / В глазах возникает эквивалент зари. / В ушах раздается некий бесстрастный голос, считающий: раз, два, три» (III, 119).

В инобытии время останавливается, приходит понимание стремительности жизни: «Там, под водой, с пересохшей глоткой, / жизнь представляется вдруг короткой» (III, 119). Но пространство «внутри гигантского осьминога» (III, 119), где оказался лейтенант Бенц, имеет узнаваемые черты: «какие-то арки и своды» (III, 119), вокруг – привычные предметы: «письменные принадлежности», «<...> вино, икра / (с „Принца“ и с „Витязя“) <...>» (III, 120). Лейтенант Бенц, осознав на примере Немо невозможность пути назад, в ужасе от предстоящего ему существования в вечности, пугающей одиночеством: «Сердце сжимается, как подумаешь, как он тут одинок» (III, 120).

Пространство инобытия смоделировано лирическим субъектом. Доступность ему такого взгляда на кораблекрушение и его последствия говорит о том, что он уже пересек границу между жизнью и смертью. Он, в отличие от лирического «я» «Письма в бутылке», хотя и говорит, что «жуткий вид» «жителей моря» «леденит нашу кровь» (Ш, 117), смерти не боится, она, напротив, привлекает его, как нечто неизведанное. Море «гораздо разнообразней», «интереснее» (Ш, 117), потому что до конца не познано, не освоено. Для него пространство смерти – объект анализа, размышлений.

Он не находится во власти эмоций, не ограничен пределами собственной личности. Для обозначения лирического субъекта местоимение «я» не употребляется ни разу. Для преодоления субъективности сопоставляются разные точки зрения:

Когда корабль не приходит в определенный порт
ни в назначенный срок, ни позже,
директор компании произносит: «Черт!»,
Адмиралтейство: «Боже» (Ш, 120).

Оценочность высказываний минимальная, много нейтральных определений («подводная лодка» (Ш, 119), «спасательный круг» (Ш, 120)).

Там, где в поэме звучит голос лирического «я», интонация спокойна, нейтральна, нетороплива. Речь, полную причастных и деепричастных оборотов, перечислений, трудно произносить быстро.

«Освобождение от эмоциональности»²⁵ приводит к тому, что лирический субъект обретает черты эпического автора. Он не участвует в событиях, независим, держит дистанцию, свободно ее регулирует. Ему доступны разные точки зрения – со стороны, изнутри, он видит корвет в профиль и может без труда оказаться в каюте пассажиров.

В конце поэмы на катастрофу он смотрит сверху вниз, увеличивается обзор, теряется четкость и определенность предметов: «что-то мелькает в газетах», «женщина в чем-то коричневом», «вдалеке на волне покачивается какой-то безымянный предмет» (Ш, 121). Он возвышается над трагедией буквально, тогда как женщина, потрясенная известием о гибели судна, «хватается за косяк / и оседает на пол» (Ш, 121).

Сопротивляться смерти физически невозможно, ее нельзя понять и объяснить, «пока не пойдешь на дно» (Ш, 118), а потому «<...> нечего вопрошать / ни посредством горла, ни с помощью радиозонда» (Ш, 120). Остается только эстетическое созерцание, сдержанное восхищенное изумление: «Сильно дует сирокко. Лучшего адвоката / молчаливые волны могут свести с ума / красотою заката» (Ш, 120).

Таким образом, сопоставление стихотворения «Письмо в бутылке» и поэмы «Новый Жюль

Верн», обладающих событийной и тематической общностью, показывает нам, что возвышенное выступает в качестве эстетического эквивалента стоического освобождения от страстей и привязанностей, ставшего для И. Бродского способом «существования»²⁶ с трагизмом.

Примечания

- ¹ Гордин Я. Трагедийность мировосприятия // Иосиф Бродский глазами современников = Brodsky through the eyes of his contemporaries : сб. интервью. СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 1997. С. 56.
- ² Плеханова И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Поэт времени. 2-е изд., перераб. и доп. Томск : ИД СК-С, 2012. С. 63.
- ³ Там же. С. 29.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 72.
- ⁶ Там же. С. 58.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 90.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же.
- ¹² О возвышенном / пер. [с греч.], статьи и примеч. Н. А. Чистяковой. М. ; Л. : Наука [Ленингр отд-ние], 1966. С. 14. (Литературные памятники / АН СССР).
- ¹³ Бёрк Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного. М. : Искусство, 1979. С. 159.
- ¹⁴ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках : в 4 т. Т. 4. Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения». М. : Наука, 2001. С. 301–303.
- ¹⁵ Там же. С. 373.
- ¹⁶ Шиллер Ф. О возвышенном. I // Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. Статьи по эстетике. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 493.
- ¹⁷ Там же. С. 186.
- ¹⁸ Там же. С. 187.
- ¹⁹ Кант И. Указ. соч. С. 259.
- ²⁰ Бёрк Э. Указ. соч. С. 159.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Парицков А. Абсолютное спокойствие при абсолютном трагизме // Иосиф Бродский глазами современников. С. 241.
- ²⁴ Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / ред. Я. А. Гордин. Т. 3. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. С. 208. Далее художественные тексты цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- ²⁵ Мейлах М. Освобождение от эмоциональности // Иосиф Бродский глазами современников. С. 158.
- ²⁶ Плеханова И. Указ. соч. С. 48.

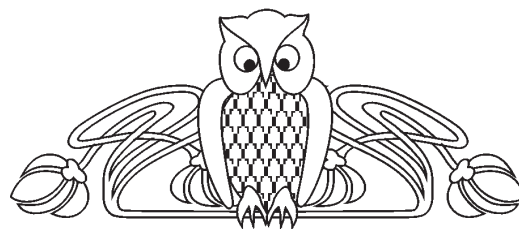
Поступила в редакцию 07.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 07.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 98–102
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 98–102

Научная статья
УДК 821.111(73).09-32+929Карвер
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-98-102>

Композиционные и жанровые особенности сборника рассказов Р. Карвера «Собор»

И. В. Ляпин

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А

Ляпин Иван Викторович, аспирант кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, ivlyapin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4377-0385>

Аннотация. В статье подробно рассматриваются композиционные и жанровые особенности сборника Реймонда Карвера «Собор». Анализируются аспекты проблематики, система персонажей и принципы повествовательной организации, образующие циклическую структуру сборника.

Ключевые слова: Реймонд Карвер, новеллистика, литературный цикл, сборник рассказов, принципы циклизации

Для цитирования: Ляпин И. В. Композиционные и жанровые особенности сборника рассказов Р. Карвера «Собор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 98–102. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-98-102>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-98-102>

Compositional and genre features of Raymond Carver's short story collection *Cathedral*

Ivan V. Lyapin, ivlyapin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4377-0385>

Nizhny Novgorod Linguistic University, 31A Minina St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

Abstract. The paper explores the compositional and genre features of Raymond Carver's short story collection *Cathedral*. The analysis of the problems raised in the short stories, the system of characters and the principles of narrative organization reveal the cyclical structure of the book.

Keywords: Raymond Carver, short story writing, literary cycle, short story collection, principles of cyclization

For citation: Lyapin I. V. Compositional and genre features of Raymond Carver's short story collection *Cathedral*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 98–102 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-98-102>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Сборник рассказов Реймонда Карвера «Собор», опубликованный в 1983 г., по праву считается важнейшей вехой в творчестве писателя. Рассказы, вошедшие в этот сборник, представляют собой лучшие образцы произведений мастера американской новеллистики XX в., характерными чертами которых являются тонкий психологизм, глубокий подтекст и остросоциальная тематика. Более того, рассказы сборника вступают во взаимодействие друг с другом и обладают внутренними глубинными связями, что дает основания рассматривать данный сборник как художественный цикл.

На сегодняшний день проблема художественной циклизации представляет собой актуальное направление как в отечественном, так и в мировом литературоведении. Литературный

цикл представляет собой систему организованных определенным образом произведений одного автора, объединенных на одном или нескольких уровнях (идейный, сюжетный, тематический), позволяющую передать авторский взгляд на мир.

По мнению И. В. Фоменко, авторские циклы обладают следующими чертами:

1) «цикл формируется как полижанровая структура, вторичное жанровое образование по отношению к первичным жанрово-видовым признакам отдельных произведений»¹;

2) взаимодействие текстов рождает новые смыслы, недоступные при отдельном восприятии произведений, входящих в цикл;

3) писатель получает возможность воплотить авторскую концепцию.

Важнейшим свойством цикла является его «монтажная композиция». Смысл монтажного эффекта С. М. Эйзенштейн выразил с помощью известной формулы: $1 + 1 > 2$. Суть монтажной композиции, согласно С. М. Эйзенштейну, состоит в том, что «два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество»².

М. Н. Дарвин отмечает, что «связь частей (отдельных произведений) в цикле качественно отличается от взаимодействия частей в самодостаточном литературном произведении прежде всего тем, что она не носит “готового” вида (например, последовательности повествования), но существует как возможность, активизирующая читательское восприятие»³. В связи с этим концептуальное значение в цикле приобретает последовательность частей. Основные мотивы развиваются от первого произведения к последнему, поэтому порядок их расположения является сюжетнообразующим фактором, раскрывающим авторское отношение к миру.

Особое значение в цикле приобретают связующие элементы, которые помогают добиться целостности повествования. В разных типах новеллистического цикла упор может делаться либо на предметно-тематических сближениях, либо на схожести внешней, текстовой формы. Л. Н. Гарева называет жанровыми признаками цикла общую атмосферу произведения, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особую пространственно-временную организацию, а также лейтмотивность повествования⁴.

Американские литературоведы Мэгги Данн и Энн Морис выделяют пять принципов организации циклического произведения.

1. Общее географическое положение («Дублинцы», Дж. Джойс).
2. Единый герой-протагонист («Уайнсбург, Огайо», Ш. Андерсон).
3. Коллективный протагонист («В наше время», Э. Хемингуэй).
4. Тематическое единство («Три жизни», Г. Стайн).
5. Единый стиль повествования («Путь к Горе Дождей», С. Момадей)⁵.

В настоящий момент в литературоведении не существует единого общепринятого термина для обозначения циклического произведения в малой прозе. В диссертации С. В. Нестеровой приводится типология новеллистических циклов на основании критерия открытости/закрытости внутренней структуры цикла. В порядке возрастания «скрепленности» элементов автор выделяет циклы-сборники («Темные аллеи» И. Бунина), циклы с рамой, у которых нет внутренней жесткой формальной структуры («Повести Белкина» А. Пушкина), структурированные циклы («Голубая книга» М. Зощенко), циклы-романы («Записки юного врача» М. Булгакова).

В XX в. прозаический цикл претерпевает существенные изменения: циклизация становится более распространенным явлением, тексты объединяются на основании различных принципов (тематических, мотивных и др.), при этом цикл зачастую теряет формальный объединяющий признак, обрамление или раму. Под обрамлением традиционно понимается самостоятельный текст, взаимодействующий со всеми элементами цикла и соединяющий их в единое целое. Обрамление выстраивает композицию цикла, «именно в нем автором изначально прописывается и количество рассказов, и способ их группировки, и их последовательность, вводятся рассказчики и характеризуется ситуация рассказывания»⁶. Значение обрамления подчеркивает С. Н. Бройтман: «...событие самого рассказывания, внутренне связанное с ситуацией выкупной рамки, начинает приобретать самостоятельное значение»⁷. В отличие от обрамляющей истории, рама не имеет непосредственного отношения к композиции цикла и не становится частью его структуры. Чаще всего рама представляет собой начальный и конечный элементы – введение и послесловие.

Одним из первых формул цикла без обрамления и рамы предложил И. С. Тургенев. «Записки охотника», по словам Ф. Л. Ингрэма, оказали существенное влияние на развитие прозаического цикла в XX в. Функцию обрамления в цикле-сборнике может выполнять заглавие, а основной циклообразующей связью становится система персонажей, которые могут быть как «сквозными», так и не сквозными, однако объединенными на основании определенных признаков. Кроме этого, важным скрепляющим механизмом является тематическое единство произведений, входящих в цикл. Наиболее важными для создания единства цикла, по мнению Ф. Л. Ингрэма, являются «динамические модели повторяемости и развития»⁸. Для иллюстрации своей мысли автор приводит параллели с движением колеса. Обод колеса представляет собой повторяющиеся элементы цикла,двигающегося вокруг тематического центра. По мере того как элементы (мотивы, символы, персонажи) повторяются и воспроизводятся, все колесо приходит в движение.

Сборник «Собор» был опубликован в 1983 г. и стал хронологически третьим сборником рассказов Р. Карвера после «Прошу тебя, замолчи» (1976) и «О чём мы говорим, когда говорим о любви» (1981). Критики отмечали, что третий сборник автора символизировал новый этап его творчества, характеризующийся переходом от сухого минималистического повествования к более выразительному и оптимистическому.

«Собор» представляет собой цикл из двенадцати историй о людях, отчужденных друг от друга, страдающих от одиночества, разочарованных в жизни. Рассказы сборника связаны друг с другом на разных уровнях структуры: лексическом, сюжетном, тематическом, уровне системы

персонажей. Связь возникает за счет общности темы (все тексты об отчуждении и одиночестве), повторяющихся мотивов (зависимость, глухота, слепота), общих композиционных элементов (воспоминания героев) и типологически сходных образов героев.

Функцию обрамления в рассматриваемом цикле выполняет заглавие – оно объединяет все входящие в него эпизоды-тексты. Название «Собор» по своей сути является символично-метафорическим и указывает на «бессюжетность (предельную ослабленность сюжетных линий) и лирическое повествование»⁹.

Собор изображен на обложке сборника 1989 г. наряду с другими ключевыми образами цикла: телевизором, алкоголем, сигаретами, одиноким мужчиной, но в повествовании этот образ возникает лишь единожды. Герой заключительного рассказа сборника с одноименным названием пытается изобразить собор на бумаге, осознав собственную неспособность описать это явление словами. Собор выступает местом объединения верующих, и именно мотив объединения является для Карвера ключевым, который он противопоставляет отчужденности и одиночеству своих героев. Таким образом, можно говорить о принципиальной важности заглавия цикла для его поэтики. Заглавие локализует цикл как единый текст, в то же время все эпизоды цикла обретают особую функцию в соотношении с общим названием.

Рассматривая цикл с точки зрения композиции, стоит отметить важность рамочной конструкции «начало – конец», определяющей единство любого текста.

Открывает цикл рассказ «Перья», повествующий о молодой паре, которая решает изменить свою жизнь и стать родителями после поездки в гости к семье друзей. Однако со временем молодые люди понимают, что рождение ребенка только отдалило их друг от друга.

Заключительным рассказом цикла является уже упомянутый «Собор». В центре сюжета семейная пара, в гости к которой приезжает слепой приятель жены, Роберт. Главный герой – мужчина средних лет с весьма ограниченными и стереотипными взглядами – в присутствии гостя держится обособленно, мысленно оценивая его поведение. После ужина мужчины остаются наедине перед включенным телевизором, по которому идет программа о средневековых соборах. Герой пытается объяснить Роберту, как выглядит собор, но ему не удается подобрать слова. Тогда Роберт предлагает нарисовать собор вместе. Этот процесс неожиданно становится для героя своего рода духовным откровением.

Первый и заключительный рассказы сборника переключаются на эмоциональном, сюжетном и идейном уровнях.

Стоит отметить, что оба рассказа написаны от первого лица, где в роли рассказчика выступает женатый мужчина средних лет. Характер-

ным является отношение автора к имени своего рассказчика. В первом рассказе имя героя (Джек) упоминается единожды, а во втором – вовсе не упоминается. Данная деталь не случайна и подчеркивает важную проблему героев Карвера, встречающуюся в большинстве рассказов сборника – проблему самоидентификации человека, его отрешенность от собственной жизни. Вместо того чтобы обратить критический взгляд на самого себя и трезво оценить собственные проблемы, герои сборника создают иллюзии благополучия («Дом Чефа»), положительных изменений во взаимоотношениях с близкими («Купе») или в борьбе с зависимостью («Осторожно»), пытаются отвлечься с помощью алкоголя («Если спросишь, где я», «Осторожно», «Собор») или вовсе впадают в состояние бездействия («Консервация»).

Сюжетной основой обрамляющих рассказов является визит гостей. Изменения, происходящие в жизни героев, непосредственно связаны с ситуацией взаимодействия с «третьим лицом». При этом характерной особенностью третьего лица, дополняющей параллелизм рассказов, является наличие некоего физического отклонения. В рассказе «Перья» герои поражены уродливостью ребенка хозяев дома, который охарактеризован героем как «уродец». В рассказе «Собор» только жена главного героя обращается к гостю по имени, в то время как сам главный герой называет Роберта не иначе как «слепой». Как следует из приведенных примеров, автор проводит параллели на уровне референции, что позволяет сделать выводы о мировосприятии героев, которое ограничено внешними рамками.

Символическим и кульминационным моментом обеих историй становится тактильный контакт героя и «юродивого». Героиня рассказа «Перья» Фрэн настойчиво просит Оллу показать ей ребенка и, заметив его уродливость, не отвергает, но, наоборот, берет на руки, прижимает к себе, позволяет играть с волосами, преодолевая таким образом определенный барьер. Именно в тот вечер в молодой женщине пробуждается желание самой стать матерью. Проблема, однако, заключается в том, что для главного героя барьер физического несовершенства остается непреодоленным. Говоря об изменениях в отношениях с супругой, он останавливается на внешних деталях (постриглась, набрала вес), не способный понять и объяснить истинную причину их разобщенности.

Развязка рассказа «Собор» тоже во многом завязана на физическом контакте. Главный герой неожиданно для самого себя достигает духовного просветления во время рисования собора закрытыми глазами вместе со слепым. Он обретает свободу: «Но было такое чувство, что я парю в открытом пространстве»¹⁰. Полученный опыт не только оказывает воздействие на его собственное мироощущение, но и приближает его к пониманию чувств супруги. В начале произведения герой рассказывает о том, как несколько лет назад его

жена позволила слепому дотронуться до ее лица. Момент тактильного контакта стал для героини эмоциональным потрясением, которое впоследствии послужило основой для написания стихотворения. Герой признается, что он не понимает поэзию, а потому не оценил произведение супруги: «Я помню, что слушал скорее из вежливости. Конечно, ей я об этом не сказал. Может быть, я плохо разбираюсь в поэзии» (38). Финальная сцена рассказа, однако, оставляет надежду, что герой и его супруга смогут достичь эмоционального и чувственного понимания.

Еще одним перекликающимся моментом, характеризующим повествовательную структуру обоих текстов, является использование риторических вопросов. Рассказчик словно пытается задействовать читателя, то рассуждая о философских вопросах, как в первом рассказе («Что тут скажешь?» (81)), то просто приятельски поясняя те или иные моменты повествования, как в последнем («Откуда я все это знаю? Она сама мне рассказала» (39); «Ее офицер – какая разница, как его звали? Просто друг детства – с него и этого хватит» (40)). Характерно, что подобное обращение рассказчика к читателю обнаруживается только в первом и заключительном рассказах цикла.

Важным связующим элементом, обуславливающим единство цикла на уровне организации повествования, является система мотивов. Ярко выражены и связаны между собой мотивы алкоголя, включенного телевизора, глухоты, страха, неуверенности, непонимания и отдаления друг от друга. Являясь своеобразным обрамлением сборника, повторяющиеся мотивы выполняют монтажную функцию, объединяя отдельные рассказы в целостное произведение. Кроме этого, начальный и конечный фрагменты цикла обладают метаинформативностью в отношении всего цикла, поскольку в них концентрируются основные мотивы и темы.

Почти все герои Карвера страдают от разобщенности, которая может быть как моральной, так и физической. Герои рассказа «Дом Чефа» – разведенная семейная пара. Их дети переехали в другие города, а временные партнеры не имеют для них значения, поэтому герои предпринимают попытку восстановить прежние отношения. Некоторое время они чувствуют себя счастливыми в чужом деревенском доме вдали от города, но это благополучие иллюзорно, и оно подходит к концу, когда героев вынуждают покинуть дом.

В рассказе помимо разобщенности ярко представлен мотив нарушенной коммуникации (в одной из последних сцен рассказа герои не слышат друг друга) и отсутствия личной ответственности за свои поступки (герой обвиняет дочь хозяина дома, из-за которой им приходится уезжать). Ключевой сюжетной ситуацией повествования является восстановление прежних отношений.

Схожие мотивы преобладают в рассказе «Купе». Главный герой, Майерс, обрек себя на жизнь в одиночестве и осознает это, когда отправ-

ляется в тур по Европе, чтобы встретиться с сыном. После развода он почти не общается с людьми и не вступает в близкие отношения:

«Действительно, кроме его секретаря и нескольких бизнес-партнеров, не было ни одного человека, которому он считал нужным сообщить о своем отъезде»¹¹ (перевод наш. – И. Л.).

Герой предпринимает попытку восстановить отношения с сыном, но чувствует неуверенность, не знает, о чем и как говорить с близким человеком. Незначительное происшествие – пропавшая пара часов, подарка для сына – заставляет героя отказаться от намерения увидеть своего ребенка. Более того, Майерс считает, что именно сын был причиной разрыва его отношений с женой, и по-прежнему чувствует злость. «Этот мальчик уничтожил молодость Майерса, превратил девушку, за которой он ухаживал и на которой женился, в нервную алкоголичку»¹² (перевод наш. – И. Л.).

Майерс остается в поезде, но по ошибке попадает не в свой вагон, а в вагон второго класса. В итоге он находит успокоение и засыпает лишь в обществе незнакомых ему людей, двигаясь в неизвестном ему направлении, таким способом частично преодолевая собственную изоляцию.

Ярким воплощением темы одиночества является рассказ «Уздечка». В предпоследний по порядку рассказ автор включает отсылки к ключевым мотивам, встречающимся в предыдущих рассказах. Повествование ведется от лица Мардж, замужней женщины, следящей за порядком в придорожном мотеле. Героиня рассказывает о минувших событиях в настоящем времени, что отсылает читателя к рассказу «Дом Чефа». Центральной сюжетной линией произведения является пребывание в мотеле семьи Холитц (мотив приезда в гости). Вскоре Мардж узнает, что глава семьи лишился работы и, как следствие, привычного образа жизни, а дом отняли за долги. Эти детали отсылают нас к рассказу «Консервация», в котором сюжет разворачивается на фоне потери работы главным героем и физического и морального опенения, возникшего в результате этого.

В рассказе «Консервация» отчетливо проявляется мотив глухоты или нарушенной коммуникации, который ранее метафорически, в виде серной пробки в ухе героя, был представлен в рассказе «Осторожно». Харли, муж Мардж, задает вопросы и немедленно включает телевизор, поскольку ответ его не интересует:

«А чем еще швед занимается? Кроме фермы? Я не знаю и потому молчу. Но Харли уже прилип к телевизору. Он, наверно, забыл о своем вопросе» (80).

Телевизор как символ обособленности супругов является сквозным для сборника и встречается в ряде рассказов («Консервация», «Осторожно», «Собор»).

Мардж можно назвать типичным персонажем Карвера, страдающим от невозможности адекватно и полноценно высказаться. Эта типичность

персонажа проявляется на уровне реплик, когда Мардж буквально говорит словами героев предыдущих историй цикла. Например, вспоминая визит к одной из пар, Мардж упоминает о неловкости, возникшей одновременно между ней и ее мужем. («Харли посмотрел на меня так, что я поняла – и он думает о том же» (81)). Похожая ситуация встречается в рассказе «Перья»: «Фрэн пожала плечами. Будто хотела сказать: А мне-то что? В смысле: день все равно угроблен»¹³. В обоих случаях эти фразы приводятся в контексте ситуаций, сложившихся до кризиса в отношениях, и могут служить примерами былого взаимопонимания между супругами. Однако теперь героиня страдает от недостатка общения и отсутствия каких-либо действий со стороны мужа: «Подождала, может, он еще что скажет. Но он больше ничего не сказал»¹⁴.

Карвер мастерски вплетает в канву повествования отсылки к предыдущим рассказам и проводит параллели на уровне деталей. Будь то рассказ Бетти о первой жене, которая оставила мужа с двумя детьми («Жар»), прекращение коммуникации между героиней и Бетти («Перья»), жизнь, проходящая мимо героини («Осторожно») или мечта о других местах, которые могли бы кардинально изменить жизнь («Витамины»).

Несмотря на то что персонажи сборника не являются сквозными, автор наделяет своих героев свойствами типичных городских жителей. Все они являются представителями среднего или ниже среднего класса и не отличаются яркой индивидуальностью. По наблюдению Е. М. Бутениной, хронотоп Карвера – провинциальные городки запада и северо-запада США во второй половине XX в., а «его герои часто принадлежат к категории так называемых “синих воротничков”, работников без особой квалификации (официанты, сиделки, разнорабочие), реже встречаются врачи и учителя, а иногда это просто люди без определенных занятий, заглушающие свою тоску и неустроенность алкоголем»¹⁵. Герои испытывают похожие трудности с самоутверждением в обществе, межличностным общением, отношениями в семье, что позволяет читателю не чувствовать резкой перемены между окончанием одного произведения сборника и началом другого. Схожесть героев, их судеб и проблем способствует формированию единства всех текстов.

Несмотря на то, что на первый взгляд сборник «Собор» кажется лишь набором рассказов, подобранных по схожей тематике, при внимательном чтении становится все более и более очевидно, что перед нами не что иное, как тщательно выстроенный, концептуальный цикл, главенствующая тема которого – человеческое одиночество, отчуждение людей от друга и попытка преодоления этого одиночества.

В каждом рассказе цикла присутствуют мотивы, которые поддерживаются и получают развитие в других рассказах. Тем самым создается необходимая для цикла глубинная связь элементов.

С точки зрения внутреннего построения текст представляет собой цикл-сборник. Обрамляющая конструкция цикла также способствует образованию смыслового единства. Несмотря на схожесть сюжетов начального и заключительного рассказов, их концовки принципиально отличаются. Полное разочарование и непонимание героя в первом рассказе противопоставляется катарсису, дающему надежду на преобразование в последнем. Таким образом, выражаются авторская концепция, а также ключевая идея, состоящая в том, что только в единении с другими, а не в изоляции, человек может обрести покой и стать свободным.

Примечания

- 1 *Фоменко И.* Поэтика лирического цикла : автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1990. С. 5.
- 2 *Эйзенштейн С.* Монтаж // Эйзенштейн С. Избр. собр. соч. : в 6 т. Т. 2. М. : Искусство, 1964. С. 157.
- 3 *Дарвин М., Тюна В.* Циклизация в творчестве Пушкина : Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск : Наука, 2001. С. 8.
- 4 См.: *Гареева Л.* Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) // «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева : Вопросы поэтики. Ижевск : УдГУ, 2004. С. 21.
- 5 См.: *Dunn M., Morris A.* The Composite Novel : The Short Story Cycle in Transition. N. Y. : Twayne Publishers, 1995. P. 5.
- 6 *Нестерова С.* Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2012. С. 12.
- 7 *Бройтман С.* Историческая поэтика // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 2. М. : Academia, 2004. С. 172.
- 8 *Ingram F. L.* Representative Short Story Cycles of the Twentieth Century. Studies in a Library Genre. The Hague : Mouton, 1971. P. 10.
- 9 *Афонина Е.* Поэтика авторского прозаического цикла : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 11.
- 10 *Карвер Р.* Собор. М. : Известия, 1987. С. 45. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках.
- 11 *Carver R.* Cathedral. N.Y. : Vintage Contemporaries Edition, 1989. P. 48.
- 12 *Ibid.* P. 54.
- 13 *Карвер Р.* Перья. М. : Б.С.Г. Пресс, 2007. С. 15.
- 14 Там же. С. 18.
- 15 *Бутенина Е. М.* Реймонд Карвер – «Американский Чехов» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 247. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00082

Поступила в редакцию 22.10.2020, после рецензирования 01.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 22.10.2020, revised 01.11.2020, accepted 20.11.2020

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 103–107
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 103–107

Научная статья
УДК 811.1:8'27'367
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-103-107>

Синтаксис текста как фактор формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов

О. Л. Петрова

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410028, г. Саратов, просп. Кирова, д. 1

Петрова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, konsprol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7685-2726>

Аннотация. Важной составляющей коммуникативной компетенции является лингвистическая компетенция. Обращение к таким языковым категориям текста, как коллигация, коллокация, когезия, значительно способствует наиболее полному усвоению конструкций иностранного языка и является стартовой площадкой для обучения общению в неязыковом вузе.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, текстообразующая категория, когезия, коллигация, коллокация

Для цитирования: Петрова О. Л. Синтаксис текста как фактор формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 103–107. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-103-107>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-103-107>

Text syntax as a factor in fostering communicative competence of non-linguistic university students

Olga L. Petrova, konsprol@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7685-2726>

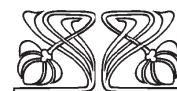
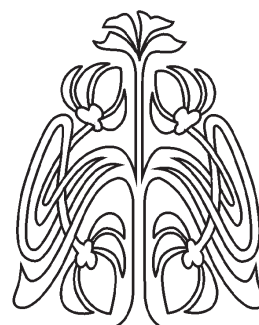
Saratov State Conservatoire, 1 Kirova Ave., Saratov 410028, Russia

Abstract. Linguistic proficiency is an important component of communicative competence. Turning to such linguistic concepts of the text as colligation, collocation, cohesion significantly facilitates a comprehensive acquisition of foreign language constructions, and is a kind of a launching platform for teaching communication in a non-linguistic institution of higher education.

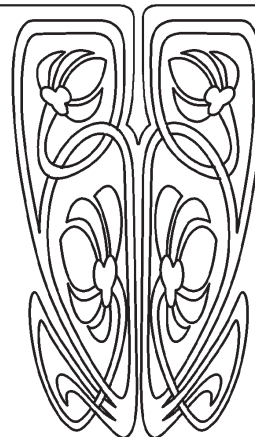
Keywords: linguistic proficiency, text-forming category, cohesion, colligation, collocation.

For citation: Petrova O. L. Text syntax as a factor in fostering communicative competence of non-linguistic university students. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 103–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-103-107>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В соответствии с концепцией современного российского образования знание иностранного языка – один из непереносимых компонентов обучения в вузе. В образовательных программах по иностранному языку в неязыковом вузе подчеркивается необходимость расширения спектра знаний, умений и навыков, которыми студенты вуза – бакалавры, специалисты, магистры – должны овладеть в ходе изучения дисциплины, указываются обязательные языковые компетенции, приобретаемые в области профессионального межкультурного аспекта коммуникации. Идет интенсивный поиск резервов для повышения эффективности обучения иностранному языку и методов активизации учебной деятельности студентов¹.

Основной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции студента, т. е. способности эффективно использовать иностранный язык как средство общения в заданной ситуации. Успешно применяются оптимальные педагогические и информационные технологии, разрабатываются проблемно-исследовательские интерактивные методы обучения: используются метод коллективного анализа ситуации – кейс-метод (case study), метод проектов, «мозгового штурма». Студенты готовят презентации, работают над выполнением проектов, проводят деловые игры, дискуссии и круглые столы. Эффективным процессом обучения может быть, если студенту объясняют, когда и что ему нужно сказать. Эту задачу легко сформулировать, но чрезвычайно трудно решить. Знание большого количества слов на иностранном языке не приводит к возможности общаться. Высказывание необходимо «построить» исходя из так называемого лингвистического формата данного языка. Лингвистическая компетенция, т. е. владение как определенным словарным запасом, так и грамматическими структурами для построения связных высказываний, является самой важной составляющей коммуникативной компетенции².

Язык можно изучать под разными углами, можно изучать разные языковые уровни. Но именно синтаксический уровень, как правило, соотносится с процессом мышления и коммуникации. В середине прошлого века основной тенденцией языковедов стало стремление вывести синтаксис за пределы предложения, что привело к созданию динамической, коммуникативной, или функциональной, лингвистики³. Эволюция представлений о содержании обучения происходила от признания необходимости обучения языковым средствам к признанию необходимости обучения коммуникативной деятельности, от языка к речи. При изучении вопроса о том, как функционирует язык, следует исходить из того, что единицы всех уровней языковой системы участвуют в формировании мысли и ее выражении только через синтаксис. Именно синтаксис

как наука о построении речи⁴ «диктует» правила речеобразования, начиная с единиц «малого синтаксиса» (грамматика частей речи, синтаксическая валентность/сочетаемость слов) до единиц более высокого уровня (сверхфразовое единство, текст), исследуемых в «большом синтаксисе»⁵. Появились теории гиперсинтаксиса, макросинтаксиса, синтаксиса текста, теория речевых актов, объектом исследования которых являются процессы функционирования лингвистических категорий в тексте. Однако эти лингвистические теории весьма незначительно отразились на методах преподавания иностранных языков. Как правило, в аудитории продолжается практика отработки лексики и грамматических конструкций на отдельно взятых словосочетаниях и фразах с использованием разнообразных приемов обучения. В результате студент может грамматически правильно формулировать предложения, совершенно не подходящие к конкретной ситуации общения. Общеизвестно, что большая часть студентов неязыкового вуза заучивает ответы, не понимая, как работают единицы английского языка в прямом общении, каков механизм английского продуцирования речи, как соединить слова в связное высказывание.

В неязыковом вузе язык профессионального общения LSP (Language for Specific Purposes) изучается на основе профессионально ориентированных текстов, аутентичных или незначительно сокращенных и адаптированных. Практика работы с текстом является главным и основным видом работы в аудитории. Не умаляя значения новаторских методов и педагогических технологий, обратимся к собственно лингвистическим категориям текста, знание которых способствует более полному, правильному и быстрому освоению иноязычных конструкций.

Приступая к изучению многочисленных фактов грамматики и лексики английского языка, всегда следует исходить из того, что важнейшим свойством любого текста – будь то музыкальная партитура, драматическое произведение, статья по философии, истории, медицине – является его связность. Определенное синтаксическое построение текста играет значительную роль в его коммуникативной направленности, потому что нет сообщения «вообще», а есть сообщение, построенное определенным образом. Одной из основных категорий текста, описывающей структурную связность всех составных частей внутри целого текста и тесно связанной с категориями информации и интеграции, является *когезия*.

Когезия (от лат. *cohaesus* – связанный, сцепленный) – это формально-грамматическая связность текста, которая соединяет предложения в единое целое и придает им смысл. При рассмотрении содержательной связности текста говорят еще о его когерентности (от лат. *cohaerens* – находящийся в связи), или целостности, заклю-

чающейся в логико-семантической зависимости составляющих его элементов. Когерентность текста – понятие более широкое, чем когезия, и здесь нами не рассматривается.

При рассмотрении когезии как текстообразующей категории всегда следует исходить из того, что «коммуникативное задание развернутого высказывания предопределяет употребление определенных грамматических форм и построений, обеспечивающих взаимозависимость отдельных компонентов целого текста»⁶. Именно с позиции создания *связного текста* следует употреблять в создаваемых студентами вторичных текстах глагольные формы, местоимения, союзы, вопросительные, отрицательные или параллельные конструкции.

Поясним сказанное на примере. Кто бы ни изучал иностранный язык, он сразу приступает к освоению системы грамматических оппозиций. Всем известно, что если мы хотим научиться пользоваться английским глаголом, то прежде всего должны понять систему оппозиций категорий английского глагола, а именно категорий времени и аспекта. Незнание учащимися именно этого раздела грамматики приводит к созданию впечатления бессвязности продуцируемого ими текста, поскольку для русскоязычного студента категория аспекта английского глагола не вписывается в известные ему способы глагольного выражения действий. Связность приведенного ниже отрывка английского текста, предложенного к изучению студентам искусствоведческих и музыкальных специальностей, определенность и последовательность излагаемых событий прошлого достигается употреблением соответствующих аспектов прошедшего времени – *Past Perfect*, *Past Simple*, *Past Continuous*, *Future-in-the-Past*⁷. Объемность описываемой картины прошлого, динамика развития ситуации здесь достигается грамматическими средствами английского языка, весьма экономными, но всегда имеющими большое смысловое значение:

*No one in Vienna seemed to think anything of Mozart's music now. Gluck had come there from Paris and the Italian composer Antonio Salieri was performing to great audiences. Still Mozart's expenses kept mounting*⁸.

Делая перевод данного абзаца, студенты сосредоточены на буквальном значении употребленных глаголов, не обращая внимания на их видо-временные формы. Из такого перевода, как показывает опыт, весьма «очередность» названных действий: приехал ли Глюк в Вену раньше Моцарта или после него, а также непонятно, когда Сальери выступал в Вене.

Для того чтобы установить последовательность действий и событий, дать связное описание музыкальной жизни Европы к моменту создания Моцартом своих произведений, рассказать о восторге жителей Праги от его музыки к «Фигаро» (на фоне невнимания к нему венской публики),

необходимо употребить разные аспекты глагола в прошедшем времени:

That year he was invited by some amateurs to visit Prague. And in Prague he, who had been so neglected in Vienna, was feasted and dined and made much of. In Prague people talked of nothing but Figaro. They were whistling snatches of it in the streets – not only the cultured people, but the kitchen maids and the cafe singers loved it; it was heard everywhere (114);

There had been many eminent composers in Europe in the seventeenth and eighteenth centuries. Handel had composed his great oratorios, Haydn had created the string quartet and had composed his symphonic and sacred music, Gluck had revitalized the opera; but Mozart's was a universal talent, and he was supreme in all types of music. By the time he was four and a half, he had learned to read. He was composing little pieces (110).

Усиливает коммуникативную направленность вышеприведенного высказывания, направляет восприятие читателя в желаемую сторону и использование *союзов*:

Heretofore musicians had earned their livings either in the employment of a church, or in the service of some rich man. But Mozart asserted that a musician should be able to support himself. He would serve no master (110).

Правильному пониманию соответствий между элементами высказывания, в частности, между существительными и местоимениями, которые к ним относятся и делают текст коротким и информативным, а следовательно, верному переводу с английского также способствует категория связности текста, например:

His childhood was an exceptionally happy one.

His life was not an easy one (110).

Прочным связующим средством, скрепляющим высказывание, служит вопросно-ответная форма повествования. Вопрос, как правило, задается для того, чтобы получить ответ. Однако, кроме своей связующей функции, вопросительные предложения называют предмет обсуждения, являются компонентом, вводящим в изложение новую мысль, например:

Who was this man in whom all music was thus blended and recreated? (78);

What kind of man was this Papa Haydn?

What forces molded him? (98);

For who can tell what is the soil where genius grows? (79).

В последнем примере непривычная позиция союза *for* – в начале предложения – также обусловлена когезией текста.

Емкость и связность повествованию придает употребление модальных конструкций. Анализируя их употребление в изучаемом тексте, следует обращать внимание на коммуникативную значимость модальных построений, которые придают определенную направленность изложению текста, например:

Bach was working on the Masses that were to crown his career (86);

Bach had to provide a church cantata for every Sunday (80);

But Mozart asserted that a musician should be able to support himself (110);

Haydn was to carry forward the tradition of European music, he was to develop an orchestra (98).

Общеизвестно, что в английской грамматике правил не так много, и их можно довольно быстро и легко понять и усвоить, в то время как требуется целая жизнь, чтобы постичь принципы сочетания слов в речи. Существующие ограничения, лексические и фразеологические «границы», наложенные языком, настолько специфичны в каждом языке, а «правила лексической совместимости слов настолько неясны, что едва ли их можно называть правилами»⁹.

Слова имеют не только строго определенные значения, но в сочетании с другими словами способны с ними взаимодействовать и давать очень широкий спектр лексико-фразеологических значений и смыслов, иногда приводящих к полному изменению своего первоначального значения. Контекстуализация, или реальный словесный контекст, играет важнейшую роль в анализе значений словоформ и словосочетаний. На грамматическом уровне – это соположение взаимосвязанных грамматических категорий, именуемый *коллигацией*, на лексическом – это типичное и постоянное для каждого языка окружение, именуемое *коллокацией*. Термины «коллигация» и «коллокация» были введены основателем английской лингвистической школы профессором Дж. Фёрсом¹⁰. Знание норм лингвистической коллигации и коллокации выступает своего рода пропуском для тех, кто хочет говорить на английском, поскольку единство коллигации и коллокации – это один из важнейших принципов организации языка.

Описывая синтаксические модели, лингвисты обращают внимание на разные принципы коллигации в разных языках, т. е. на разную синтаксически обусловленную сочетаемость слов в речи, позволяющую им выражать различные лексические значения синтаксическими средствами. Говорящий на английском располагает прилагательное перед существительным, в то время как французский синтаксис подобного словосочетания требует обратного порядка слов. В английском языке прилагательное, указывающее на размер, предшествует прилагательному, описывающему цвет, и в свою очередь должно быть поставлено перед прилагательным, обозначающим материал, из которого сделан предмет: “a big green wooden table”¹¹. Кроме того, соединяя слова в высказывания, говорящий должен следовать неким общим синтаксическим правилам соединения слов определенного класса друг с другом. Примерами служат модели таких сочетаний, как “to appeal to somebody for something”,

“to appeal to somebody to do something”, “to agree to something”, “to agree with somebody”, “to announce to somebody something”, “to announce somebody”.

Категория коллигации оказывается в центре внимания с самых первых дней обучения иностранному языку, всем обязательно рекомендуется запоминать определенные правила и следовать им при грамматическом соположении слов для выражения конкретного смысла, а в случае сомнения – обращаться к словарной статье. Что касается лексической сочетаемости слов, т. е. коллокации, то здесь ситуация иная.

Коллокацией называется лексико-фразеологическая обусловленность сочетаемости отдельных слов¹². Слова в речи стремятся образовать сложные, тесно связанные сочетания, и именно эта черта английского языка становится той проблемой, которую так трудно решить иностранцу. Разные слова по-разному сочетаются в различных языках. На особенности коллокации мало обращают внимание при изучении языка, что порождает обилие русизмов, которые студент вставляет в свой английский. Вопросы коллокации английского языка занимают центральное место в лингвистических исследованиях профессора МГУ С. Г. Тер-Минасовой¹³. В ее работах содержатся яркие иллюстрации того, как по-разному соединяются слова в английском и русском языках. Например, говоря о своей стране, англичанин употребляет сочетание *this country*, в то время как в России говорят *наша страна* (*our country*), а буквальный перевод с английского *эта страна*, употребленный в речи на русском языке, несет в себе негативную коннотацию. Глагол *pay*, который переводится на русский как *платить*, традиционно употребляется в таких английских фразах, как “to pay attention” или “to pay a visit”. Вероятнее всего, занимаясь английским языком, мы не станем сразу же употреблять английское *firm* в таких сочетаниях, как *прочное основание* (*firm foundation*), *серьёзное предложение* (*firm offer*) или *большие друзья* (*firm friends*). Русскоязычному студенту непривычны английские сочетания “long grass”, “spring onions”, “gentle sex” (о женщинах), “dead leaves”, “bad mistake”, “heavy rain”, “sound sleep”. Он изначально уверен, что надо говорить “high grass”, “green onions”, “weak sex”, “fallen leaves”, “rough mistake”, “strong rain”, “firm sleep”, потому что таково значение каждого конкретного определения, входящего в перечисленные нами сочетания слов в русском языке.

Лучший источник коллокаций – это, конечно, текст. Работая с оригинальным английским текстом, недостаточно довольствоваться его пониманием и считать достигнутое понимание, демонстрируемое в основном в форме перевода текста на русский язык, конечным результатом. Всегда следует обращать внимание на то, как изучаемый язык передает те смыслы, которые ина-

че формулируются на русском. Другими словами, изучать не только *что* сказано, но и *как*.

В заключение следует отметить, что формальные языковые особенности текста неразрывно связаны с его содержательной стороной и должны стать объектом анализа коммуникативной направленности высказывания¹⁴. Без анализа разных способов выражения смысла, основанного на широком контексте, невозможно уловить логику употребления многих грамматических построений, обеспечивающих связность изложения. Любые лексические и грамматические ошибки, допускаемые студентами, можно рассматривать как нарушение текстовой гармонии и связности. Несмотря на определенную «удаленность» интересов студента неязыкового вуза от лингвистических канонов, при изучении иностранного языка он неизбежно сталкивается с проблемами коллигации, коллокации и когезии и должен осознанно руководствоваться этими лингвистическими категориями в своем погружении в иную языковую среду. Обращение к лингвистическим категориям текста при обучении иностранному языку поможет привести студентов к пониманию наиболее типичного в языке, который они изучают, за весьма ограниченное количество аудиторных занятий.

Примечания

- ¹ См.: Ястребова Е., Кравцова О. Инновационный потенциал обучения языку профессии (на примере английского языка) // Филологический науки в МГИМО. 2017. № 1 (9). С. 56–67.
- ² См.: Арустамян Д., Байкова Е. Межкультурное общение как процесс межличностного взаимодействия //

Молодой ученый. 2014. № 1 (60). С. 734–736. URL: <https://moluch.ru/archive/60/8867/> (дата обращения: 23.04.2020).

- ³ См.: Александрова О. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М. : Высшая школа, 1984.
- ⁴ См.: Смирницкий А. Синтаксис английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранном языке, 1957. С. 50.
- ⁵ См.: Александрова О., Тер-Минасова С. Английский синтаксис (Коллокация, коллигация и речь) : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1987.
- ⁶ Зайцева О. Когезия в текстах газетных и журнальных статей // Университетские чтения – 2015 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ, 2015. Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2015. С. 16.
- ⁷ См.: Петрова О. Синтаксические приемы актуализации высказывания в художественном тексте // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–18. С. 4088–4092. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37913> (дата обращения: 25.06.2020).
- ⁸ Shippen K., Seidlova A. The Heritage of Music. N. Y. : Viking Press, 1982. P.114. В дальнейшем цитаты из текста книги приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках
- ⁹ Александрова О., Тер-Минасова С. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁰ См.: Firth J. A Synopsis of Linguistic Theory, 1930–1955 // Studies in Linguistic Analysis : Volume of the Philological Society. Oxford : Oxford University Press, 1957. P. 1–32.
- ¹¹ См.: Александрова О., Тер-Минасова С. Указ. соч. С. 43.
- ¹² См.: Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1969. С. 119.
- ¹³ См.: Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000.
- ¹⁴ См.: Егорова О. Актуальные проблемы коммуникативного синтаксиса // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 116–119.

Поступила в редакцию 13.07.2020, после рецензирования 03.09.2020, принята к публикации 02.10.2020
 Received 13.07.2020, revised 03.09.2020, accepted 02.10.2020

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 108–110
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 108–110

Рецензия

УДК 94(47+57)(049.32)+929Веселовский

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-108-110>

Труд, духовность, мужество

Рецензия на: *Веселовский В. С. Проблемы нашей жизни. Воспоминания* : в 2 т. Т. 1. 1900–1945 / В. С. Веселовский ; публ. В. В. Веселовского ; науч. ред., коммент. и указ. имён В. А. Соломонова. М. : Новый хронограф, 2018. 984 с. : ил. + 12 л. ; Т. 2. 1946–1977 / В. С. Веселовский ; публ. В. В. Веселовского ; науч. ред., коммент. и указ. имён В. А. Соломонова. М. : Новый хронограф, 2019. 1120 с. : ил. + 12 л.

В. М. Костин

Костин Владимир Михайлович, кандидат филологических наук, писатель, драматург, литературовед, журналист, член Союза писателей России, лауреат Шукшинской литературной премии Губернатора Алтайского края, г. Томск, pznr@mail.tsu.ru

Аннотация. Рецензируемый двухтомник воспоминаний написан человеком, увлечённым своим трудом. В нём звучит настоящая, натуральная речь, выдающая и москвича, и учёного, и личность с великолепной саркастической складкой. Воспоминания В. С. Веселовского «Проблемы нашей жизни» являются одним из самых содержательных, самых заметных и самых интересных изданий подобного рода в России XXI в., которое должно быть включено в обязательный список для чтения студентов гуманитарных факультетов.

Ключевые слова: воспоминания, В. С. Веселовский, история большевистской России, разруха, террор, дворяне, НЭП, Великая Отечественная война

Для цитирования: *Костин В. М. Труд, духовность, мужество* // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 108–110. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-108-110>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review's report

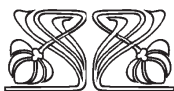
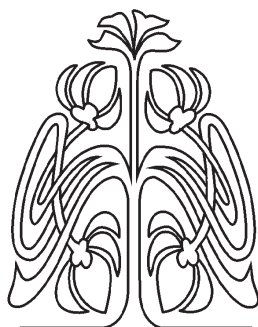
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-108-110>

Labour, spirituality, courage

Review of: *Veselovskiy V. S. Problems of Our Life. Memories*. In 2 vols. Vol. 1. 1900–1945 / V. S. Veselovskij; publ. by V. V. Veselovskij; sci. ed., comments and index of names by V. A. Solomonov. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2018. 984 p.: ill. + 12 p.; Vol. 2. 1946–1977 / V. S. Veselovskiy; publ. by V. V. Veselovskiy; sci. ed., comments and index of names by V. A. Solomonov. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2019. 1120 p.: ill. + 12 p. (in Russian)

Vladimir M. Kostin, PhD in Philology, writer, playwright, literary scholar, journalist, member of the Writers' Union of Russia, laureate of the Shukshin Literary award of the Governor of Altai Krai, independent researcher, Tomsk, pznr@mail.tsu.ru

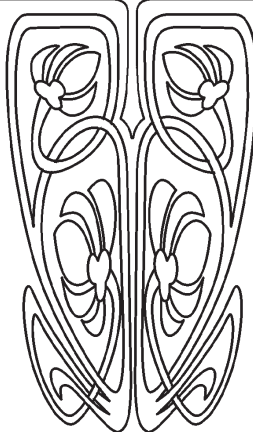
Abstract. A peer-reviewed two-volume book of the memoirs was written by a person passionate about his work. Real, genuine speech is heard here, giving away both a Moscovite, a scientist, and a personality with a magnificent sarcastic flair. The memoirs of V. S. Veselovskiy *Problems of Our Life* are one of the most informative, noticeable and interesting publications of this kind in the 21st century Russia, and they should be included in the mandatory reading list for the students of humanities.

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

Keywords: memoirs, V. S. Veselovskiy, history of Bolshevik Russia, devastation, terror, nobles, NEP, Great Patriotic War

For citation: Kostin V. M. Labour, spirituality, courage. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 108–110 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-108-110>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Всеволод Степанович Веселовский – крупный учёный-химик (графит, горючие сланцы, уголь...), великий труженик, сын знаменитого учёного-историка Степана Борисовича Веселовского, потомок славного дворянского рода. Он – ровесник XX века. Внушительные два тома его воспоминаний, подготовленные к печати кандидатом исторических наук В. А. Соломоновым, охватывают 77 лет.

Начнём со значительного эпизода – работ советских учёных над созданием атомной бомбы, к чему был причастен и Веселовский. Заметим, что, встретившись с И. В. Курчатовым, он говорит о нём без малейшего пиетета: «Насколько припомню – неумный и малокультурный» (1; с. 725). Такой был Веселовский – бескомпромиссный, колочий человек, не скрывавший своего мнения. Верно и то, что он мог ошибаться в оценке современников, их профессиональных и моральных качеств (см. комментарии). Но редко. И не забудем – в те времена делиться неудобной правдой вслух было опасно и часто – смертельно опасно. Но поступиться своими убеждениями, своим достоинством? Он вообще-то был немногословен, был закрыт, старался беречься и не ходил туда, где собирался «совет нечестивых». Но срывался. Однако ему повезло, миновали его тюрьма и лагерь.

Почти вся советская эпоха прошла перед ним, наблюдательным и принципиальным. Двухтомник представляет собой очень продуманную, убедительную композицию-перекресток семейной хроники и публицистически-аналитического повествования о времени – и себе и «своих»; текст поднимается до глубоких обобщений, тонкого, пронзительного понимания того, что же двигало большевиками и что же они сотворили со страной. (И как выживали в невыносимых условиях именно те, кто «понимали», – потомки дворян.)

Перед нами честная, добросовестная «летопись», «сага», «полотно». Книга написана большим учёным, который умеет собрать и акцентировать материал, в диалектике обще-социального и лично-личного – так, что в итоге его слово сплошь и рядом становится концептуальным, не только полноценно излагающим, но и ОБЪЯСНЯЮЩИМ.

Но утешений, но оправданий, но ссылок на «объективный ход российской истории» («всё действительное разумно») вы здесь не найдёте. Как раз потому, что Веселовский доказывает: большевики отличались крайним субъективизмом, помноженным на некомпетентность, откровенную нелюбовь к своему народу и его

культуре, и кощунственно настёгивали, загоняли «клячу истории». И оказались неизбежны имморализм, беспрецедентная жестокость, разруха во всём и тоталитаризм.

Книга вырастает на великолепно отобранном материале. Это и удивительно сбережённые массивы семейной переписки, дневников, документов и даже «трактат» – психологический портрет самого Веселовского, созданный другом В. Перцевым. И тщательно, скрупулёзно цитируемые сведения из советской печати. И непосредственные невесёлые наблюдения автора.

На каждой странице говорит-заявляет о себе, рыдает эпоха. Какие картины нравов, забытые, но важнейшие детали-фонарики, какие свычаи-обычаи проходят перед нашими глазами, терзая наши некрепкие души! Даже цены, камертоны бытия, не забыты, разговор о них складывается в сквозной сюжет. Эти цифры по-своему неожиданно сообщают о сердцевинно характерном и разоблачительном в советской жизни. А речь той эпохи, уличная речь враз усреднившихся серых людей, речь властей всех уровней – уже по ней можно судить: испаряется человек, «доходит».

И какой кругозор, какая эрудиция, какая системность, какая плодотворная дистанция в том, как видит современность Веселовский! (При том, что она, современность, ни на секунду его не отпускала, придушивая и прямо душа.)

Веселовский беспощадно честен безо всяких иллюзий. Он откровенный моралист и умный культуролог. Он обладает серьёзной этической и эстетической базой, он ЗНАЕТ поэзию и как-то по-звериному ощущает историю и связь фактов в ней. Он неоднократно говорит в своей книге о призвании, назначении дворянства, о кодексе дворянской чести, о Родине, о том, что «будущее принадлежит людям с сильным духом, овладевшим вершиной культуры (курсив наш. – В. К.)» (1; с. 454).

Или: «Когда у человека больше сил, чем ему самому нужно, тогда у него возникает потребность дать что-нибудь другим» (1; с. 513).

Или о двоюродном брате: «Он, как и я, ищет настоящих людей. Читает стихи Пастернака и Гумилёва» (1; с. 540).

Он терпеть не может узких, бескрылых специалистов в науке – науки ему было мало, ибо она вне добра и зла. Духовные запросы занимали его, мучили всю жизнь, завещанные отцом; он остро чувствовал связь времён и необходимую высоту этических стремлений человека. Он обаятелен, как обаятельно его окружение – семейное и дружеское, Веселовские, Голицыны, Трубецкие, Бобринские, и не только, и не только

эти лучшие дворяне, но больше, понятно, они, «графья» и князья, просветлённые страданиями и трудом, достойно воевавшие и погибавшие за Победу. Если их не сгноили в местах не столь отдалённых, конечно.

Поэтому ему веришь – и как-то окончательно веришь. Редкий случай, когда хочется соглашаться во всё.

И когда он говорит о культурной и моральной дремучести большевиков и их сектантском фанатизме-догматизме. Об их лжи и беспредельной жестокости. О НЭПе. О Ленине и Сталине. И о трагической – миллионы жертв – неготовности страны и к индустриализации, и к коллективизации. И крайне низкой – не готовы – производительности труда, обусловленной нищетой, предельно скверной квалификацией и самой психологией бывших крестьян, у которых отняли Родину, зато приучили к зависти и доносам. И о том, что никакой народной власти, никакой диктатуры пролетариата никогда у нас не было. И о «монархизме» тёмного народа и порче нравов. И о терроре, терроре, терроре.

И о том, что революции свершаются после очевидного подъёма и резкого затем падения экономики, потому что у тёмного населения возникают ожидания ещё лучшего житья-бытья, а тут – война, тут – развал всяких связей, воровство и несправедливость... О разрушении насущных Дома и Семьи...

Веселовский убеждён, и я с ним согласен, в том, что «здоровая» История, помнящая себя, традиционная, не забывающая, что она в людях и для людей, а без них – абсурдна, – не может держаться на насилии, обманах и «УСКОРЕНИЯХ».

Веришь, когда он уверяет, что настоящей революцией был НЭП, а совершённое большевиками очевидно хуже и страшнее того, что произошло во Франции в конце XVIII в.

Но кроме того, мы узнаём в подробностях, как правило, трогательно поразительных, каково жилось «бывшим» людям, ставшим чужими всем другим в чреве советского Левиафана, – чем они дышали, на что надеялись. А жили они тяжёлым трудом, шли в науку, отличались замечательной взаимовыручкой и солидарностью, которой так недоставало крепостным крестьянам и пролетариям огромной страны. Они продолжали любить и уважать друг друга и в самое трудное время демонстрировали возвышенный мир чувств и стремлений.

Вот, например, отрывок из письма автора своей княжне-невесте. На дворе 7 апреля 1937 г. «Хочу теперь написать хорошее. Оно (курсив наш. – В. К.) ведь главное, а не плохое. Его и

надо уметь находить. У Вас большая, яркая, устремлённая ввысь душа. Богатый мир “мечты” с высокими и редкими в наше время идеалами. У Вас не женский сильный ум. У Вас много жизнерадостной энергии» (1; с. 513).

Издание включает в себя прекрасные семейные и компанейские снимки. Прекрасные лица, прекрасная статья. И праздник человеческого «самостояния» в каждом из этих не покинувших Родину дворян. Всё это, ступенчатое на фотоклейках, производит отрадное и одновременно грустное впечатление.

Книга написана человеком, увлечённым своим трудом. Увлекаешься вместе с ним. В книге звучит настоящая, натуральная речь, выдающая и москвича, и учёного, и личность с великолепной саркастической складкой. Хорош просторный словарь и хороши «толстовские» оговорки в синтаксисе (хотя Веселовский к Толстому строг, и есть за что).

Огорчает лишь, что это бережно подготовленное издание, обязанное В. А. Соломонову, его титанической работе как научного редактора, составителя комментариев и указателя имён, содержит досадные фактические, орфографические и пунктуационные опечатки. Впрочем, следует отдать должное издателю, который, обнаружив погрешности в печатном издании, счёл нужным вложить в него лист-вкладыш с указанием замеченных ошибок и опечаток.

Вообще же, я уверен, что книга В. С. Веселовского «Проблемы нашей жизни» (и это на ярком фоне мемуарно-исторического бума последних десятилетий) является одним из самых содержательных, самых заметных и самых интересных изданий подобного рода в России XXI в. Она должна быть включена в обязательный список для чтения студентов гуманитарных факультетов.

И в заключение – отрывок из письма к матери племянника Всеволода Веселовского, Бориса. Он отправляется на фронт. Дата – 3 ноября 1942 г. «Родная моя мать, сегодня неожиданно кончился мой курсантский путь, мы уезжаем. Я теперь солдат-гвардеец. Посылку от Ани получил. Больше мне ничего не шлите. Будущее обещает много нового и интересного для чего стоит жить. <...> Одного у меня много – веры в рациональность всего происходящего. Мы заслужили, и закон причинности заставляет платить по векселю. Чувствую себя бодро. Буду бороться за жизнь, за свою заплёванную Родину, голодную, холодную. Будущее её будет создано новым поколением – в этом я уверен. Страстно хочется дожить до её возрождения, до него недалеко» (1; с. 665).

Борис погибнет в 1943-м году...

Поступила в редакцию 10.09.2020, после рецензирования 02.10.2020, принята к публикации 20.10.2020
Received 10.09.2020, revised 02.10.2020, accepted 20.10.2020

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–113
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–113

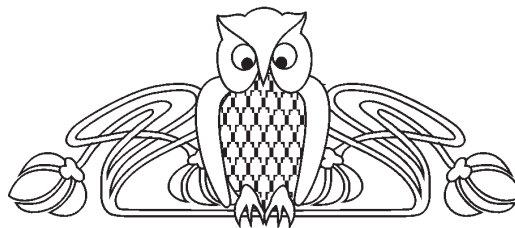
Рецензия

УДК 821.161.1.09-3+929Алданов

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-111-113>

«Принцип абсолютного сомнения» в творчестве Марка Алданова

Рецензия на: Дронова Т. И. *Путь парадоксов Марка Алданова*.
М. : Флинта, 2020. 256 с.

Н. М. Щедрина

Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Щедрина Нэлли Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века, schedrina@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-9313-2405>

Аннотация. В рецензируемой монографии Т. И. Дроновой представлен многоуровневый анализ творчества М. А. Алданова: от принципов философско-исторического познания до повествовательных стратегий. Предложенный автором подход к наследию писателя-мыслителя позволяет убедительно и во многом по-новому раскрыть тип его художественного мышления и характер диалога с предшественниками.

Ключевые слова: принцип абсолютного сомнения, парадокс, М. Алданов, Платон, Декарт, Л. Толстой, Д. Мережковский

Для цитирования: Щедрина Н. М. «Принцип абсолютного сомнения» в творчестве Марка Алданова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 111–113. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-111-113>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Review's report

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-111-113>

The 'Principle of absolute doubt' in Mark Aldanov's oeuvre

Review of: Dronova T. I. *The Path of Mark Aldanov's Paradoxes*. Moscow, Flinta Publ., 2020. 256 p. (in Russian)

Nelly M. Shchedrina, schedrina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-2405>

Moscow Region State University, 24 Very Voloshinoy St., Mytishchi, Moscow Region 141014, Russia,

Abstract. The reviewed monograph of T. I. Dronova presents a multi-layered analysis of M. A. Aldanov's oeuvre: from the principles of philosophical and historical cognition to narrative strategies. The approach to the legacy of the philosopher and writer suggested by the author allows to reveal the type of his artistic thought and the nature of his dialogue with the predecessors in a very convincing and in many ways novel way.

Keywords: principle of absolute doubt, paradox, M. Aldanov, Plato, Descartes, L. Tolstoy, D. Merezhkovsky

For citation: Shchedrina N. M. The 'Principle of absolute doubt' in Mark Aldanov's oeuvre. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 111–113 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-111-113>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Работа Т. И. Дроновой – исследователя исторической романистики и прозы о недавнем прошлом отечественных писателей XX века – посвящена анализу наследия М. А. Алданова (Ландау). Воссоздавая жизненный и творческий путь одного из интереснейших прозаиков эмиграции, создателя серии из шестнадцати романов и повестей, посвященных российской истории в контексте европейской, она сосредоточивает свое внимание на важнейших проблемах творчества художника-мыслителя. Для нее приоритетным в этом русле является постижение природы ав-

торского сознания и способов художественного воплощения творений великих людей и их способности «излучать свет на протяжении тысячелетий» (с. 6).

Читателя монографии Т. И. Дроновой привлекает внимательное, кропотливое воссоздание биографического контекста начального периода деятельности М. А. Алданова: жизненных впечатлений, вынесенных из европейских путешествий, времени Первой мировой войны, российских революций – Февральской и Октябрьской. Не позволяя себе домысливать за писателя осо-

бенности его восприятия реальности, исследователь опирается на немногочисленные авторские признания, извлеченные из его очерков, литературно-критических статей, писем. Очерчен круг «вечных спутников» Алданова, не только спутников сознания (Платон, Сократ, Декарт, Паскаль, Л. Толстой, Шопенгауэр), но и спутников жизни (И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, В. В. Набоков, В. В. Розанов, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин, Р. Роллан и др.).

В центре внимания автора книги – философская и эстетическая позиции М. А. Алданова, первоначально «проговариваемые» в литературно-критическом исследовании «Толстой и Роллан» в процессе диалога с идеями Л. Н. Толстого, и функции диалогической формы повествования, впервые появившейся в книге философской публицистики «Армагеддон», посвященной осмыслению Первой мировой войны и Октябрьской революции.

Большое место в монографии занимает анализ практически всех наиболее значимых произведений писателя: тетралогии «Мыслитель», трилогии «Ключ. – Бегство. – Пещера», романов «Начало конца», «Истоки», «Самоубийство», повестей «Бельведерский торс», «Десятая симфония», «Могилы воина» и др. В результате создается широкая панорама творчества Алданова, выявляются динамика и неразрывное его единство.

Произведения рассматриваются с точки зрения алдановского скептицизма и «принципа дополнительности» (термин немецкого физика Вернера Гейзенберга), которые служат автору монографии инструментом для анализа книг писателя. Т. И. Дронова избирает оригинальный способ постижения авторской индивидуальности через путь парадоксов, отразившийся во всей совокупности в его художественном мире (от первых опытов 1910-х до итоговых романов 1950-х гг.). В монографии дана характеристика и самого понятия парадоксальности в той форме, в которой оно рассматривается и провозглашается «едва ли не тотальным принципом авторского высказывания» (с. 9).

В русле проблемы, вынесенной в название, рассматривается с философской точки зрения и «проблема относительности исторического познания», которая для Алданова важна как толкование «пределов так называемой исторической достоверности» (с. 63). Автор монографии утверждает, что «проявления относительности исторического знания предстают как частный случай относительности человеческого познания в целом» (с. 63). По мнению исследователя, метод познания в творчестве Алданова восходит к гносеологии Платона и Декарта, воспринятых через призму неклассической философии XX столетия. В таком подходе Т. И. Дроновой содержится один из ответов на сущность парадоксов писателя.

В произведениях анализируются наиболее значимые с точки зрения философско-исторической и эстетической позиции М. А. Алданова аспекты. Исследуются жанровое своеобразие и особенности художественного историзма тетралогии «Мыслитель», обусловленные в значительной мере его гносеологической позицией, пониманием относительности исторического познания.

В процессе осмысления трилогии «Ключ. – Бегство. – Пещера» акцент переносится на проблему диалогизма романного мышления – раскрываются формы и функции «театрализации повествования». Автором монографии дано очень точное определение того механизма игровой поэтики, которым владел писатель, прибегая к разным оттенкам смыслов, к использованию переносного значения термина «театральный».

Рассматривая в трилогии характер и значение структуры «текст в тексте», Т. И. Дронова утверждает, что Алданов «ведет диалог с читателем через поэтику названий, систему лейтмотивов» (с. 79). А мотив самоубийства рассматривается ею как элемент «метатекстового пространства» (с. 88).

Роман «Начало конца» побуждает автора монографии к исследованию романного контрапункта, роли музыкального кода и литературной рефлексии героя-писателя. При этом не теряется из виду общность философско-исторических и эстетических принципов Алданова.

На протяжении всего исследования учитывается характер связи творчества писателя с традицией русской литературы (диалог с Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, Д. С. Мережковским), философскими идеями (Платона, Декарта), естественнонаучными открытиями конца XIX – начала XX вв.

По мнению Т. И. Дроновой, романы и повести М. А. Алданова, историко-философские по своей проблемно-тематической и структурной доминанте, «являются одновременно литературоцентричными и метаописательными» (с. 121). Важно также наблюдение, что в ряде случаев такое положение создает ситуацию диалога с самим собой, актуализируя и ставя под сомнения собственные принципы и приемы.

Достаточно места в книге уделено второму эмигрантскому периоду творчества Алданова, когда писатель оказался в США. В это время он прилагал большие усилия для создания русского журнала, где появились его политические рассказы, публицистика, что может свидетельствовать о неослабевающем интересе к политическим событиям в мире. В литературе об Алданове этому времени и произведениям не уделялось должного внимания. Важным для читателя монографии является переход от них к наиболее значимым, с точки зрения постижения российской истории конца XIX – начала XX в., «Источкам» и «Самоубийству».

На новом витке своего писательского опыта он возвращается к темам произведений, написанных ранее, – «Армагедон», «Огонь и дым», «Ульмская ночь», воплощая идею случайного и закономерного, их диалектику в историческом процессе.

Раскрывая публицистическую заостренность «Истоков» и «Самоубийства», Т. И. Дронова обращается к важной для исторического романа проблеме демифологизации русской истории, которая в литературе советского периода не могла реализоваться, ибо истоки Первой мировой войны и Октябрьской революции концептуализировались в другом ключе, а о Берлинском конгрессе, заложившем основы «будущих взрывных процессов» (с. 153), говорить было не принято, да и эпоха Александра II и народолюбцев интерпретировалась совсем иначе. Поэтому роман «Истоки» имел такой большой резонанс в критике русского зарубежья. В монографии приводятся отклики на него В. Набокова, Г. Иванова, Г. Адамовича, а в постсоветское время – А. Солженицына.

В монографии утверждается, что авторская точка зрения в «Истоках» вводится через суждения разных персонажей, большую роль играют взгляды профессора Муравьева, вымышленного героя – ученого, что является показателем использования художественных форм воплощения авторской концепции.

Глава о последнем романе Алданова названа Т. И. Дроновой «Анализ катастроф начала XX века». В ней высказывается мысль о глубине осмысления писателем на итоговом этапе своей жизни (отдельным изданием книга вышла после смерти автора) глобальных событий, «которые потрясли мир». Концептуально значимыми являются предложенные автором аспекты рассмотрения в «Самоубийстве» роли личности в истории и путей создания образа Ленина. Интересны суждения автора монографии о том, как Алданов использует различные повествовательные стратегии при характеристике вождя русской революции, размышляет о взаимодействии случая и волевых усилий личности, о внутренних мотивах поступков, о его мыслях на пороге смерти, об ответственности за политический террор в послереволюционные годы. Т. И. Дронова также строит предположение о прочтении Алдановым статьи Ю. Тынянова «Словарь Ленина-полемиста» (с. 171) и делает вывод, что автор «Самоубийства», «несмотря на очевидное неприятие

ленинского мирозерцания, его позиции политической целесообразности <...> стремится к многомерности в его изображении» (с. 175).

К сожалению, глава о последнем этапе творчества Алданова неожиданно обрывается, а заключение является лишь дополнительным штрихом, завершающем книгу, которую хочется продолжать читать.

Необходимо сказать о Примечаниях в монографии. Они обширны, безусловно, являются инструментарием к ней и содержат массу информации, которая расширяет представление о предмете исследования. Приводятся биографические данные; ссылки на архивные документы, отклики и полемику Алданова с современниками; повествование о других писателях русского зарубежья.

Специалист-филолог в монографии может найти теоретические рассуждения по литературоведческим и историко-литературным проблемам, на которые опирается автор книги (М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева).

Календарь дат жизни и творчества М. А. Алданова тоже присутствует. Это не простое перечисление сухих фактов, а логически выверенный свод, данный иногда даже с выделением времен года и отдельных месяцев в нем, видимо, чрезвычайно важных для писателя, например, 1919, 1943–1949 годы.

Составленная Т. И. Дроновой библиография работ об Алданове тоже является достойным подспорьем для интересующихся творчеством автора первой волны русского зарубежья. Начинается она с собрания сочинений писателя, затем представлены архивы, переписка, воспоминания, эмигрантская критика, современные исследования не только отечественных, но и зарубежных ученых.

Название работы – безусловно, точно охарактеризованный исследователем тип мышления М. А. Алданова: его парадоксальность, непредсказуемость, афористичность, «принцип абсолютного сомнения» – ключ для выявления самобытности художника.

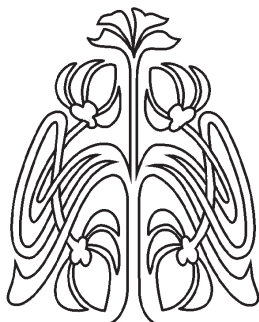
Монография написана литературоведом на высоком профессиональном уровне, с большой любовью к своему предмету.

Книга представляет несомненный научный интерес для специалистов-филологов, а также для философов, историков и культурологов.

Поступила в редакцию 20.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 20.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020

ХРОНИКА

ПРИЛОЖЕНИЯ

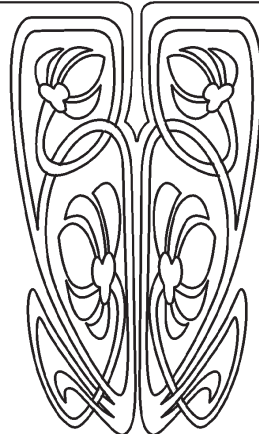

Фото Е. Сягиной

Памяти Бориса Фёдоровича Егорова

3 октября 2020 г. на 95-м году жизни не стало замечательного русского филолога, почётного профессора Саратовского университета, члена редколлегии нашего журнала «Известия СГУ. Филология. Журналистика» Бориса Фёдоровича Егорова.

В письме ко мне от 31 мая 2019 г. он заметил: «Труженики филологии, делая своё дело, исподволь строят надёжные мосты памяти между разными эпохами и поколениями». Б. Ф. Егоров посвятил жизнь праведному делу восстановления объёмной отечественной историко-культурной памяти. Он был во всех смыслах и отношениях подвижником гуманитарной науки, талантливо усердным и честным её тружеником, вдохновенным исследователем и педагогом-просветителем, неустанным собирателем филологических сил России.

«У меня, – признавался он, – есть идея островов. Перед нами громадный океан, мы его не можем переделать по-своему, очистить от всякой пакости и скверны. Надо создавать гуманитарные острова! И я с молодых лет создаю около себя эти острова учителей и товарищей, которые дают возможность существовать. И на таком острове активная жизнь и творчество – один из надёжных способов выживания. И любовь». С годами Борис Фёдорович грустно признавался: филологических островов становится всё меньше и меньше. Я как-то назвал его нашим всероссийским дедом Мазаем. «Да, братцы! Звание почётное. Принимаю. Что в силах моих, буду поддерживать. Сообща спасаться легче».

По самой своей натуре Егоров был человеком артельным. Вместе с Ю. М. Лотманом он создавал известное всему гуманитарному миру вольное тартуское научно-образовательное семиотическое сообщество. Вместе с Д. С. Лихачёвым работал над капитальной серией «Литературных памятников». Великолепный текстолог и источник, он исключительно пристально, зорко вглядывался в прошлое

культуры. Не особенно любил загадывать про будущее. И высоко ценил всегда время настоящее, наполняя его несметными замыслами, неустанной и несуетной работой, щедро откровенным и неизменно остроумным общением с близкими по духу коллегами, учителями и учениками... Многие из нас обязаны Борису Фёдоровичу бесценной помощью и поддержкой на важнейших рубежах профессиональной жизни.

Преподаватели и студенты разных поколений Института филологии и журналистики всегда будут с благодарностью вспоминать его многочисленные приезды в Саратов (представлялся: «Саратовская земля – моя родина, я балашовский!»), его неформальные, яркие оппонентские речи на заседаниях диссертационного совета, его выступления и доклады на Скафтымовских и других научных конференциях, его историко-литературные мастер-классы (один из недавних был посвящён творчеству Бориса Чичибабина), его книги, которыми он одаривал близких ему со товарищей по общему делу.

А с каким воодушевлением поддержал он идею проведения в Саратове Хлестаковских фестивалей и Хлестаковских чтений! С каким интересом и задором участвовал в карнавальной шествии по Хлестаковским местам нашего города! Как искренне умел радоваться успехам молодых! Как умел поддержать нас в самых разных научно-творческих начинаниях!

«Склероз, – говаривал он, – вечный спутник исторической памяти». Всей своей работой Борис Фёдорович учил преодолению этой социальной хворобы.

Свет благодарной памяти нашей о Б. Ф. Егорове не угаснет.

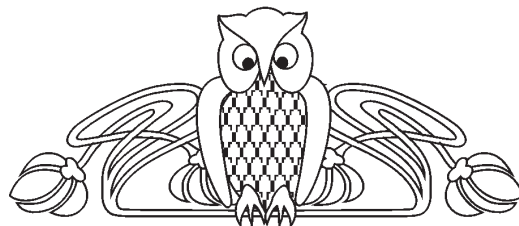
*В. В. Прозоров,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой общего
литературоведения и журналистики,
научный руководитель Института
филологии и журналистики СГУ*

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–120
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–120

Научная статья
УДК 821.161.1.09-94+929Егоров
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы

Е. Г. Елина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Аннотация. Б. Ф. Егоров – ученый-филолог, чья творческая деятельность тесно связана с Саратовским университетом, придавал очень важное значение дневникам и мемуарам как важнейшим источникам реконструкции не только исторических событий, но и восхождения духовной биографии целых поколений. В статье анализируются жанровые принципы мемуаристики Б. Ф. Егорова.

Ключевые слова: Егоров, мемуаристика, жанровые принципы, документальность и эмоциональность, «плутарховы пары»

Для цитирования: Елина Е. Г. Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 116–120. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

The memoirs of B. F. Egorov: Principles of the genre

Elena G. Elina, elinaeg@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. B. F. Egorov is a philologist and a scientist whose creative work is closely related to Saratov University; he attached great importance to diaries and memoirs as the most important sources for the reconstruction not only of historic events, but of the revival of spiritual biography of entire generations. The article analyzes the genre principles of B. F. Egorov's memoirs.

Keywords: B. F. Egorov, memoirs, genre principles, non-fiction and sensibility, 'Plutarch's pairs'

For citation: Elina E. G. The memoirs of B. F. Egorov: Principles of the genre. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 116–120 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-116-120>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Борис Федорович Егоров – это огромная эпоха для нашей науки и огромная эпоха в жизни Саратовского университета. Мне теперь кажется, что Борис Федорович обратил внимание на нашу кафедру, когда в 1988, а затем в 1991 г. вышли наши сборники, посвященные истории и теории литературной критики¹. Валерий Владимирович Прозоров, создавший в 1984 г. кафедру истории критики и теории литературы, посчитал необходимым подвести первые итоги нашей научной и образовательной деятельности и пригласил к участию в сборниках практически всех, кто тогда занимался близкими проблемами. Второй сборник открывался ответами на вопросы анкеты о современном состоянии и перспективах изучения литературной критики, где самыми первыми были размещены ответы Б. Ф. Егорова.

Не было ни одной монографии или учебного пособия, изданных преподавателями нашей кафедры, на которые бы Борис Федорович не откликнулся письмом, открыткой, телефонным звонком. Он не раз украшал защиты наших диссертаций своими яркими выступлениями, каждое из которых имело самостоятельную научную ценность. В двухтысячные годы он все чаще и чаще приезжал в Саратовский университет с докладами и лекциями, и наши встречи всегда были праздником. У каждого из нас (как нам казалось) сложились свои, отдельные отношения с Борисом Федоровичем. Он не просто нас различал, но хорошо знал, кто и чем занимается, иногда давал очень конкретные советы: посмотреть какое-то издание, обратить внимание на чье-то имя. Думаю, Борису Федоровичу было комфорт-

Фото Е. Сягиной

но среди нас не только потому, что он любил Саратов, родился в Саратовской области, был хорошо знаком с нашими учителями и учителями наших учителей, но и потому, что, приезжая в Саратов, он попадал в атмосферу безоговорочного обожания.

Его приезды, понятно, не обходились без застолий, иногда беглых и необходимых, чаще – подробных и располагающих к неторопливым разговорам. В разные времена и в разных ситуациях Борису Федоровичу на Саратовской земле предлагались и скромные закуски типа картошки с селедочкой, и что-то более значительное и разнообразное. Но что бы ни стояло на столе – все вызывало неподдельное восхищение нашего дорогого гостя. Борис Федорович был щедр в своих похвалах, направленных на каждого из нас и на все то, из чего, собственно, застолье состояло.

Между тем, конечно, не содержание стола, а содержание разговоров всегда оказывалось главным. Борис Федорович был человеком мемуарным. Его память сохраняла десятки тысяч историй, связанных с его собственной жизнью и судьбами очень многих (нередко великих) людей. Путь Б. Ф. Егорова в науку не был линейным, и его богатая биография со сменой специальности, географическими перемещениями, переменами мест работы, конечно, предполагала разнообразие встреч и впечатлений. Однако далеко не каждый в состоянии этот калейдоскоп событий и людских поступков запомнить, осмыслить и превратить в законченное повествование.

Б. Ф. Егоров придавал очень важное значение дневникам и мемуарам как важнейшим источникам реконструкции не только исторических событий, но и воскрешения духовной био-

графии целых поколений. Вот почему ученый стал автором двух мемуарных книг², хотя мемуарных публикаций он оставил гораздо больше. К сожалению, устные воспоминания Б. Ф. Егорова никто из нас не фиксировал, да и странно было бы в доверительном застольном разговоре или во время длительной пешей прогулки включать диктофон.

«Люди очень разные. А разные жизненные судьбы и разные жизненные события еще больше дифференцируют и разделяют свойства. Но есть две противоположные крайности по отношению к личной истории, хотя их причины могут быть самые различные. Одни люди принципиально зачеркивают память, не хотят вспоминать, не хотят посещать знаменательные места своей молодости. Другие – наоборот. Я горжусь своей принадлежностью к последним. И очень тоскую из-за колоссального провала не только коллективной, но и личной памяти в нашей стране после 1917 года»³, – это была принципиальная исследовательская позиция Б. Ф. Егорова. Личная история человека, по мнению ученого, становилась неотъемлемой частью истории гражданской. Такое последовательное убеждение Б. Ф. Егорова в самоценности каждого человека, в исторической важности любой биографической детали, высказывания, поведения позволило ему написать монографию о Ю. М. Лотмане⁴, по полноте представленных материалов и концептуальной целостности пока никем не превзойденную. И хотя эта книга, как и все труды Б. Ф. Егорова, строится на прочном научном фундаменте – архивных разысканиях, анализе разнообразных публикаций, эпистолярной, – мемуарная нота и здесь становится отчетливо слышна.

Мемуаристика Б. Ф. Егорова уже получала рецензентские отклики⁵, а в дальнейшем она обязательно станет предметом специальных исследований. Задача этого краткого очерка – попытаться определить основные специфические черты, принципы, характерные для мемуарного жанра, ставшего сюжетообразующим в творческом наследии ученого.

Один из важных принципов мемуаристики Б. Ф. Егорова связан с диалектикой точности, абсолютной документальности воспоминаний, требующих вполне определенных указаний на фамилии, имена, даты, события, и разнообразными возможностями изложения всей этой фактуры, зависящими от эмоционального настроения автора. Ссылаясь на одного из своих старших собеседников, Б. Ф. Егоров приводит его слова: «Наша эпоха отучила нас от мемуаров»⁶. И сам Б. Ф. Егоров рождает очень важный афоризм, явившийся посылом к многим страницам его мемуарных книг: «Родился я в хорошей семье в нехорошее время»⁷. Этот афоризм мог бы быть предпослан в качестве эпиграфа к обеим мемуарным книгам. К счастью, свои воспоминания автор публикует в другие времена и может позволить себе откровения, однако даже здесь, говоря, скажем, о послевоенном ленинградском филфаке, касаясь историй, связанных с другими людьми, он нередко прибегает к эвфемизмам, намекам, аллюзиям, рассчитывая на посвященного читателя.

Еще одна важная черточка мемуаристики Б. Ф. Егорова – его намеренный уход от выражения эмоций по поводу тех или иных событий. Сам он объясняет это тем, что процесс воспоминаний заставляет заново и очень живо переживать человеческие потери: «Поэтому заранее признаюсь: все или почти все современные личные ощущения буду “выносить за скобки” и оставлять их для себя и про себя (хотя полностью от них не освободиться!)»⁸.

В своих воспоминаниях, живых и трогательных, Б. Ф. Егоров остается ученым-филологом и историком. По страницам его книг рассыпаны комментарии к отдельным событиям, но постепенно эти комментарии начинают выходить за пределы самого события. Эта рефлексия позволяет автору подняться над эпизодом и дать своего рода методологические ключи к пониманию важнейших гуманитарных категорий и явлений. Размышления Б. Ф. Егорова о закономерности случайного, о соотношении «Я» и «Другой», раздумья об уникальности человека и – одновременно – его типичности вплетены в текст воспоминаний, открывая новые грани авторского мировоззрения. Б. Ф. Егоров демонстрирует неприятие советской ментальности в желании переделать природу, он отрицает «культ классово избранный и ненависти, шпиономанию и культ доносительства, пропаганду военной дисциплины и рабскую предан-

ность начальству, особенно самому высшему, вплоть до вождя всех народов товарища Сталина»⁹. В мемуарных книгах мы находим важные для автора мысли о мнимом и истинном патриотизме, об антисемитизме и космополитизме, о гуманизме и мужестве. Б. Ф. Егорова волнует отражение мировоззренческих и психологических особенностей ученого в его научных трудах, монологизм и диалогичность в процессе коммуникации, в том числе научной. Так цементируется важнейший концептуальный элемент мемуаристики Б. Ф. Егорова: от изложения эпизода к комментарию-рефлексии.

Важным принципом мемуаров Б. Ф. Егорова становится принцип логических взаимосвязей начала, продолжения и завершения жизни. Как правило, лучшие качества своих любимых персонажей автор выводит из их детства. Поэтому неслучайным мотивом в мемуарном наследии Б. Ф. Егорова оказывается мотив семейного воспитания и его воздействия на дальнейшую жизнь и поведенческие стратегии человека. Автору важно показать, что именно семейное воспитание помогает человеку сохранить в себе высокие человеческие качества, сделать достойный выбор в непростых условиях, не отступить от благородных целей.

Воспитанность, интеллигентность, умеренность и сдержанность в выражении чувств автор воспоминаний ценит выше многих других качеств. При этом он может восхититься или возмутиться необузданными порывами, всплесками эмоций (в воспоминаниях, посвященных отцу жены – Софьи Александровны, описание мужа Груни в семейных воспоминаниях), но такие выходящие за пределы нормы душевные порывы автору мемуаров явно не близки.

Мотив семейного воспитания, оказавшийся одним из центральных в мемуарах Егорова, сопрягается с мотивом профессионального воспитания студентов. Для мемуариста очень важно, что и в Тарту, и в Ленинграде-Петербурге ему и его коллегам удалось развить традиции петербургской профессуры в ее взаимоотношениях со студентами. Демократизм отношений, расширение сферы влияния на студентов за счет внеаудиторных встреч, приглашение студентов домой, возможности широко пользоваться профессорскими библиотеками наряду с научными и публичными, обсуждение исследовательских тем с выходом к свободным темам вплоть до политических – все эти качества общения преподавателей и студентов позволяли создавать подлинно научные школы. Егорову, как и Лотману, были очень близки люди, способные демонстрировать «сочетание творческой интенсивности в работе с экстенсивностью интересов»¹⁰.

Отдельные воспоминания Б. Ф. Егорова, обращенные к людям разных возрастов и привычек, складываются в устойчивый лейтмотив. На страницах книг рассказана история поколе-

ния – тех современников, кому в силу возраста не пришлось воевать, но кто сполна испытал на себе военные невзгоды, на чью долю выпали памятные меты времени: карточная система, послевоенное полуголодное существование, безденежье, поздние сталинские репрессии, борьба с космополитизмом, чудовищные унижения, выпавшие на долю российских ученых. В этих условиях трудно было сохранять неизменную порядочность, и всякий раз, делая единственно правильный выбор, не предавая учителей, оставаться в профессии. Рассказывая о себе, автор не приуменьшает и не преувеличивает своих человеческих возможностей и своей значимости в каждой отдельной ситуации. Он старается быть объективным в оценке собственных достижений и потерь, не пытаясь создать глянецовый образ нравственно безупречного с точки зрения большой истории человека.

То неожиданное выступление, то красноречивое молчание молодого филолога Егорова, то его отказ от сотрудничества, то, наоборот, активная поддержка новой науки (как в случае с Лотманом) становятся значимыми подробностями в автобиографическом рисунке. Отказываясь от привычных для мемуарного жанра котурнов, Егоров вполне по-житейски объясняет импульсы своих действий, и читатель понимает, что взросление главного героя мемуаров было сопряжено с огромными усилиями по формированию последовательной мировоззренческой позиции, тех умонастроений, которыми и определялись вполне конкретные поступки.

Поколенческая парадигма как один из весомых принципов мемуаристики Б. Ф. Егорова явлена и в том, что автор мемуаров не равен самому себе в детские, юношеские и зрелые годы. Это человек, меняющийся под влиянием людей, обстоятельств, исторических и политических катаклизмов. Взросление и становление автора мемуаров проходит в диалектической взаимосвязи двух его основных интересов: тяги к литературе, к чтению и бесконечного интереса к небу, к полетам, к техническим новшествам. Чувство полета, испытанное во время спуска с горы на лыжах, трехметровый полет при прыжке через спортивный снаряд, полеты во сне (в отчем доме) и наяву, на аттракционах, – все это давало незабываемые ощущения и формировало характер.

В мемуарной прозе Б. Ф. Егорова постоянно наплывает, вторгается в сухие строчки воспоминаний нечто возвышенное, чувствительное, порой сентиментальное. Рассказывается эпизод, связанный с рождением автора в мае 1926 г.: мама несет на руках новорожденного, «сквозь ряды бушующей сирени». Важен комментарий к этой детали, определившей дальнейшую судьбу ребенка. Сирень становится символом его «житейского оптимизма», биографической вехой, которая всегда будет ассоциироваться с бескомпромиссным счастьем.

Рассказывая «о времени и о себе», делая объектами мемуаров великих и знаменитых, посвящая многие страницы книг ученым-филологам разных поколений, Егоров много пишет о человеческих чувствах и переживаниях. Прекрасны и вдохновенны его признания в любви к своей жене Соне, памяти которой посвящена вторая книга мемуаров, к близким ему людям, к тем, кто определил его путь в науке, к родителям. Сочетание романтических и технических устремлений молодого человека стало символом поколения, которое представляет Б. Ф. Егоров, а углубление оптимистического, вдохновляющего начала воспринимается как яркая индивидуальная черточка.

И в опубликованных мемуарах, и в устных воспоминаниях Егорова, где центральное место отводилось филологам и филологии, всегда было очень много бытовых деталей и подробностей. Именно Б. Ф. Егоров стал одним из первых, кто в нашей стране обратился к популярному нынче научному направлению, названному «историей повседневности». Что ели и пили, как были устроены комнаты, как и где стояла мебель, как развлекали детей, какие книги им читали и какие сказки рассказывали, о чем говорили взрослые за столом, как принимали гостей и какие шарады загадывали в доме у Лотманов – все эти приметы быта щедро воссозданы в воспоминаниях. В мемуарах даже появляется главка «Еда и питье», в которой представлены такие важные для ребенка детали предметного мира, как порция мороженого, оформленного двумя вафельками, или впервые увиденное и отведанное на южном курорте эскимо, любимое мамино какао, жареная картошка с добавлением кусочков сала... Домашняя медицина и домашние уроки труда, осенние заготовки и скромная библиотека в доме Егоровых, быт семьи Николаевых и тесный чуланчик, в котором начиналась семейная жизнь автора, а еще сны, школьные шалости и проделки, математические задачи и увлечение химией – столь подробный мир вещей, явлений, событий позволяет автору мемуаров быть скрупулезно точным в изображении эпохи.

Если бы не Б. Ф. Егоров, мы бы никогда не получили законченного, вписанного в конкретно-исторический контекст портрета Ю. М. Лотмана. Как они с Зарой Григорьевной почти ежевечерне собирали ближний круг друзей, как жили в вечном безденежье, и не только потому, что были большие домашние траты, но и потому, что постоянно материально кому-то помогали, как Егоров и Лотман защитили права старушки и освободили ее комнату от огромного шкафа – обращение к исторической повседневности можно определить как знаковый принцип мемуаристики Б. Ф. Егорова.

Б. Ф. Егоров, всегда очень живой, теплый в общении, источник не только вполне законченных, приобретавших канонический характер ме-

муаров, но и всяческих баек, росказней, побасенок, любивший шутку, ценивший ее, активно пользуется шуткой, иронией, стилевыми перебивками и вкраплениями слов из другого стилевого контекста в текст мемуаров. Запоминаются его словечки, которые появляются в изложении любовных перипетий: «Мама была смущена такой оперативностью»¹¹ (о брачном предложении отца); «У Сони сердце не было свободным, однако моя активная натура в решительных боях победила»¹²; «И мы оба оказались на тяжкой нравственной высоте: оба прекрасно поняли моральную опасность углубления нашей дружбы в сладостно-страшную область»¹³. Эти егоровские «отзывно», «неизбычно», «суетный вокзал», «битковая аудитория» становятся не только свойствами стиля, но своего рода метами характера. Такие элементы художественной образности становятся важной жанрово-стилевой чертой мемуаров Б. Ф. Егорова.

Еще одной особенностью мемуаристики Егорова является его стремление к сопоставлениям и противопоставлениям двух характеров. Сам мемуарист называет такой подход «сопоставление по контрасту»¹⁴, когда получается некая «плутархова пара». Исследовательский опыт сопоставления Гоголя и Булгакова, Боткина и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, братьев Бахтиных, Бахтина и Лотмана Б. Ф. Егоров продемонстрировал в книге «От Хомякова до Лотмана»¹⁵. Однако и на страницах мемуаров тоже нередко возникают такие параллельные портреты, главный из которых – двойной портрет А. П. Скафтымова и Ю. Г. Оксмана.

Филологическое начало егоровских мемуаров подчеркнуто не только основным предметом изображения – миром филологов, их судьбами и отношениями, их восприятием происходящих событий и оценками друг друга. В стилевую ткань текста воспоминаний органично вплетаются мотивы из художественных текстов и аллюзии к произведениям русских писателей: «А пока не оборвалось – надо жить, надо трудиться»¹⁶; «История – хорошая хозяйка, она все аккуратно расставляет по местам»¹⁷.

Автор мемуаров время от времени формулирует концептуальные основания своих воспоминаний, среди которых главенствующую позицию занимает принципиальный отказ от так называемого «культурного лицемерия», доля которого неизбежна в традиционной мемуаристике.

К обозначенным чертам мемуарного жанра, избранного Б. Ф. Егоровым, относится, безусловно, и принцип самого выбора объектов для воспоминаний. Перечень людей, ставших героями мемуарных книг Б. Ф. Егорова, свидетельствует о том, что наука в его сознании никогда

не делилась на столичную и провинциальную. Величие ученого-литературоведа заключалось, прежде всего, в его исследовательских методах, в поисках новых смыслов, в формулировании новых, но всегда глубоко доказательных идей. Презрение к рудиментам «культурного лицемерия» позволило Б. Ф. Егорову оценивать ученых-литературоведов еще и с мировоззренческих, психологических, личностных позиций. Преодоление идеологической заикленности, националистических шор, острой зависимости от обстоятельств и сильного мира сего – эти качества коллег, учителей и учеников, с которыми Б. Ф. Егоров связал свою жизнь, для него не менее важны, чем плодотворная филологическая мысль. Радостно сознавать, что в ряду любимых героев мемуаристики Б. Ф. Егорова оживают портреты ученых, связавших свою жизнь с Саратовом: А. П. Скафтымова, Ю. Г. Оксмана, Т. И. Усакиной, Ю. Н. Чумакова.

Их труды, их биографии, их светлые образы, возможно, были тем магнитом, который притягивал Б. Ф. Егорова к нашему городу.

Примечания

- 1 См.: Русская литературная критика : История и теория : межвуз. науч. сб. / редкол. : В. В. Прозоров (отв. ред.) [и др.]. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1988 ; Русская литературная критика : Исторические и теоретические подходы : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991.
- 2 См.: *Егоров Б.* Воспоминания. СПб. : Нестор-история, 2004 ; *Егоров Б.* Воспоминания-2. СПб. : Росток, 2013.
- 3 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 9.
- 4 См.: *Егоров Б.* Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М. : Новое литературное обозрение, 1999.
- 5 См.: *Кривонос В.* Человек в истории. Рецензия-обзор на: *Егоров Б. Ф.* Воспоминания / С.-Петерб. ин-т истории РАН. СПб. : Нестор-История, 2004. 427 с. : ил. // Вестник Удмуртского университета. Серия : Филология. 2006. № 5 (1). С. 172–175.
- 6 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 10.
- 7 Там же. С. 14.
- 8 Там же. С. 11.
- 9 Там же. С. 192.
- 10 Там же. С. 259.
- 11 Там же. С. 54.
- 12 *Егоров Б.* Воспоминания-2. С. 51.
- 13 Там же. С. 255.
- 14 Там же. С. 143.
- 15 См.: *Егоров Б.* От Хомякова до Лотмана. М. : Языки славянской культуры, 2003.
- 16 *Егоров Б.* Воспоминания. С. 14.
- 17 Там же. С. 278.

Поступила в редакцию 16.10.2020, после рецензирования 09.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 16.10.2020, revised 09.11.2020, accepted 20.11.2020

Фото У. Еськиной

«...Книги и подписи существуют!!»

С Борисом Фёдоровичем Егоровым я познакомилась лично на Лотмановских чтениях в самом начале 2000-х гг. Заканчивая свой доклад об издании «Писем» Ю. М. Лотмана¹, Борис Фёдорович почти риторически спросил: «Может быть, у кого-то из вас есть письма Лотмана?» Я передала ему для скорого, как тогда казалось, издания второго тома письма Юрия Михайловича профессору-историку В. В. Пугачёву, хранившиеся в архиве Пугачёва. (После смерти Владимира Владимировича в 1998 г. архив сохраняем мы с моей дочерью Наталией.) Борис Фёдорович обрадовался. Его и Юрия Михайловича связывали с Владимиром Владимировичем десятилетия научной и личной дружбы. В архиве – письма, телеграммы, книги и оттиски с надписями, отзывы (копии) на статьи и книги друг друга. Да и сами ежегодные Лотмановские чтения с 1995 г. проходили по инициативе В. В. Пугачёва и саратовского лингвиста (ныне покойного) К. Ф. Седова. В одном нашем издании принял участие и Б. Ф. Егоров.

Свои воспоминания он назвал «Ю. М. Лотман в быту: характер и поведение»² (сразу вспоминается статья Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»). Эти несколько страниц – замечательный портрет Ю. М. Лотмана – доброго, щедрого (в быту и в науке), храброго, совестливого, рыцарственного. Но это и точно выраженная методология Егорова-мемуариста. Приведя суждение коллеги, завидовавшего Лотману, о том, что все поступки Юрия Михайловича «головные, он нарочито старается быть хорошим,

это лицемерие», Б. Ф. не просто, как он пишет, «взвыл от глубины такого “сальерианства”», не просто остроумно «отбрил» злопыхателя, но задумался: «Не дал ли Ю. М. своими идеями о “жизнестроительных” сознательных тенденциях Пушкина <...> повод и его подозревать в таких “сознательностях”?»³ Заинтересованный читатель не может не обратиться к дружеской, но принципиально острой полемике Б. Ф. и Ю. М. в письмах, а потом и в журнале «Русская литература»⁴ о стихийности и рациональности природы Пушкина, о соотношении логического и внелогического в биографии и произведениях поэта, о трагедии Пушкина («бывают трагедии силы и трагедии слабости»⁵), о мифологии в пушкинистике.

С подобным азартным, стремительным восхождением от бытового до сугубо научного, а то и мистического уровня проблем и в жизни, и в искусстве мы сталкивались (восторженно!) и в наших диалогах с Б. Ф.

Вот только что мы смеёмся шутивому предложению Б. Ф.: «Давайте схулиганим: залезем и исправим инициалы на табличке на вашем доме» (наш дом стоит на улице «им. Пугачёва Е. И.»), и почти сразу возникает разговор об источниках декабристских штудий Пугачёва и самого Б. Ф., о современной околodeкабристской демагогии, о совести в науке.

Приезжая в Саратов, Б.Ф. бывал у нас в гостях. Это были настоящие праздники: мы чувствовали себя в другой жизни – умной, всеохватно-широкой, доброй, щедрой на от-

крытия, богатой памятью. Б. Ф., с его исключительным демократизмом, искренностью, готов был обсуждать самые разные темы. Говорили о современных студентах и об американских встречах Б. Ф. (в том числе с американскими православными богословами), об источниковедческих поисках и природе вранья (включая и понимание его с христианских позиций), о новейшей литературе, о любимых поэтах. Б. Ф. потрясающе читал стихи Б. Чичибабина, рассказывал о встречах с его вдовой. Открытием для нас стали стихи А. С. Кочеткова – глубоко человеческие, трагические.

Во время последней встречи говорили о замечательном труде П. А. Дружинина «Идеология и филология»⁶. Филолог Елена Князькова спросила: «Где границы возможного комментария у публикатора документа? В какой мере правомочна его оценка того или иного события, лица?». Нас интересовали современные оценки и переоценки поведения известных учёных в столкновении с властью в период разгрома филфака Ленинградского университета в 1947 г. Борис Фёдорович не уходил от конкретных «именных» вопросов, но особенно волновала его та грань, которую в своей компетентности должен осознавать комментатор, помня свою научную ответственность и человеческую совесть.

Сам он чувствовал это очень остро. Когда он рассказывал о переписке А. П. Скафтымова и А. М. Евлахова (пробуя на нас идеи своей завтрашней лекции в ИФиЖе), он так погружался во внутреннюю трагедию А. П. Скафтымова, что мы в прямом смысле слова дрожали от сопереживания, и при этом как источниковед не забывал и о критическом анализе документов и возможностях комментирования.

В цитированном письме Ю. М. Лотмана Б. Ф. Егорову читаем такие строки: «У моей позиции есть и внеученный пафос: много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства <...> Я всегда считал ссылку на обстоятельства недостойной. Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать *определяющей логикой* (курсив автора. – Л. Г.) его жизни»⁷. В наших разговорах о судьбах учёных-гуманитариев позиция Б. Ф., как мне кажется, была близка к этой. Может быть, только с большим драматическим акцентом.

Воспоминания о Лотмане Борис Фёдорович заканчивает такими словами: «Особый разговор – как отразились личные черты учёного в его научном творчестве; на эту тему нужно написать отдельную работу»⁸. Как интересно было бы написать такую работу о разнообразных по жанру

книгах Б. Ф., понять не только их научный, но и внеученный пафос.

В последнюю нашу встречу – 18 февраля 2019 г. – произошло символическое (семиотическое?) событие. Елена Олеговна Селезнёва попросила Б. Ф. оставить автограф на его статье в сборнике «Из истории общественного движения и общественной мысли в России XIX века. Горький, 1966 (Учёные записки Горьковского университета им. Н. И. Лобачевского. Выпуск № 78. Т. 2)». С экслибрисом «Библиотека Ю. Г. Оксмана». В первом томе этого издания опубликованы статьи Ю. Г. Оксмана (ещё не под псевдонимом), В. В. Пугачёва, посвящён весь сборник 70-летию М. П. Алексеева. В первом же томе – автограф Ю. Г. Оксмана: «В библиотеку Виктора Макаровича Селезнёва с большим приветом Ю. Оксман. 10.XII.66». Покойный муж Елены Олеговны – В. М. Селезнёв – был учеником Ю. Г. Оксмана. Статья Б. Ф. «Польскому журналу "Slavia orientalis" – 15 лет». Автограф: «С большим удовольствием подписываюсь. Книги и подписи существуют!! Б. Е. 18.II.19». Оксман – Алексеев – Пугачёв – Егоров – вот это встреча! Выпили мы тихо-горжественно: у Бога все живы.

Незабываем прощальный жест Бориса Фёдоровича: уже в дверях улыбается и поднимает сжатые, как в рукопожатии, руки над головой, говорит, что так с ними в «Библиотеке поэта» всегда прощался Твардовский. Прощаемся. И не прощаемся.

Примечания

- 1 См.: Лотман Ю. Письма. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- 2 См.: Егоров Б. Ю. М. Лотман в быту: характер и поведение // Лотмановские чтения: К 75-летию Ю. М. Лотмана: доклады. Саратов: Изд. центр Саратовской государственной экономической академии, 1998. С. 35–39.
- 3 Там же. С. 35.
- 4 См.: Русская литература. 1994. № 1.
- 5 Лотман Ю. Указ. соч. С. 347.
- 6 См.: Дружинин П. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- 7 Лотман Ю. Указ. соч. С. 348.
- 8 Егоров Б. Указ. соч. С. 39.

Л. Е. Герасимова,
кандидат филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы СГУ